

ГЭМЛЭР

- [Густав Эмар](#)
 -
 - [ГЛАВА I. Как дон Бальтасар Турпид понимал дела](#)
 - [ГЛАВА II. В которой искатели следов принимаются за дело](#)
 - [ГЛАВА III. В которой дон Торрибио и Пепе Ортис продолжают свои поиски](#)
 - [ГЛАВА IV. Отчего дон Порфирио остановился на главной площади пресидио Тубака](#)
 - [ГЛАВА V. Каким образом охотники перешли Марфильское ущелье](#)
 - [ГЛАВА VI. Один из тысячи способов неожиданно встретиться в пустыне](#)
 - [ГЛАВА VII. Нашла коса на камень](#)
 - [ГЛАВА VIII. В которой дон Порфирио вынужден возвратиться в Тубак](#)
 - [ГЛАВА IX. Масса дурных известий](#)
 - [ГЛАВА X. Вечерний разговор между двумя девушками](#)
 - [ГЛАВА XI. Каким образом дон Торрибио добился свидания с доном Мануэлем и последствие этого свидания](#)
 - [ГЛАВА XII. В которой Лукас Мендес является в новом свете](#)
 - [ГЛАВА XIII. В которой дон Порфирио Сандос мстит за себя с мечом в руках](#)
 - [ГЛАВА XIV. В которой следопыт выручает влюбленного](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

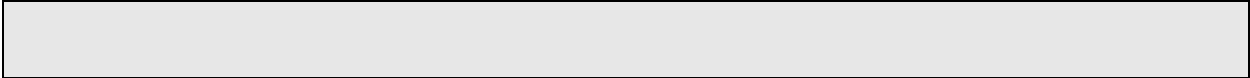
Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар
Перст Божий

ГЛАВА I. Как дон Бальтасар Турпид понимал дела

Дон Бальтасар Турпид медленно смаковал стакан прекрасного французского коньяка, настоящего старого *finechampagne*, и ногтем мизинца смахивал пепел со своей сигареты. — Вы говорили о вторичной неудаче, которую нам пришлось потерпеть, — заметил дон Мануэль после минутного молчания.

— Гм! Действительно, — небрежно ответил дон Бальтасар, — и даже очень важной неудаче: дон Фабиан Торрильяс де Торре Асула назначен министром юстиции.

— Друг дона Порфирио Сандоса?

— Он самый!

— *Voto a Brios!*¹ — воскликнул дон Бальдомеро. — Только этого недоставало, чтобы совсем доконать нас! И эта идея...

— Какая?

— Да эта ссуда денег! Вы просто сумасшедший!

— Я? Ничуть не бывало!

— Но это, вероятно, была шутка, мой друг?

— Я не имею обыкновения шутить в делах, — ответил дон Бальтасар серьезно. — Раз мне предоставляется возможность устроить выгодную сделку, на то я и банкир, чтобы не упустить ее.

— Это правда; но снабжать деньгами нашего смертельного врага!..

Дон Бальтасар пожал плечами и сделал презрительную гримасу.

— Вы ничего не понимаете в этих спекуляциях; я же в этом деле выигрываю двести, а может быть, и триста процентов! Надо быть дураком, чтобы не воспользоваться им.

— Но каким образом дон Порфирио, этот старый плут, обратился именно к вам?

— Разве вы забыли, что все, не исключая и дон Порфирио, считают меня вашим врагом?

— А теперь он, наверное, окончательно убедился в этом мнении, найдя в вас такую готовность услужить ему!

— Именно этого-то я и добивался и теперь торжествую: у нас установились с ним личные отношения.

— Однако, мой друг, вы нас всех морочите. Право, вы очень милы! —

сказал дон Мануэль, нахмутив брови.

— Как вы любезны, — ответил дон Бальтасар, наклоняя голову с комической гримасой. — Дамы до сих пор повторяют мне иногда тот же комплимент!

— И что это за человек, черт побери! На него и рассердиться невозможно! — воскликнул дон Мануэль, стукнув кулаком по столу.

Все рассмеялись.

— Но, несчастный, — начал опять дон Мануэль, — вы вообразите, что ведь мы теперь все ставим на карту. Вся наша сила в нашем богатстве и нищете этих прощелыг. Им негде достать какую-нибудь тысячу пиастров, а вы настолько глупы, что даете им целых двести тысяч!

— Да я дал бы им вдвое больше, если бы они попросили меня!

— Но ведь это безумие! — вскричал дон Мануэль в ярости.

— Не волнуйтесь так, дон Мануэль, — вмешался в разговор дон Бальдомеро. — Я начинаю понимать комбинацию дона Бальтасара и вполне разделяю его мнение.

— Как, вы согласны с...

— С доном Бальтасаром? Безусловно!

— Пусть он объяснится! — резко произнес дон Корнелио Кебрантадор.

Дон Мануэль из осторожности вынужден был уступить своим сообщникам; затаив гнев, он внешне выглядел спокойным.

— В таком случае, — сказал он, — пусть объясняется; я просто теряю голову среди тех несообразностей, о которых этот черт говорит уже целый час, точно насмехаясь над нами.

— Никогда еще я не говорил более серьезно, чем в настоящую минуту, милый сеньор, — ответил дон Бальтасар, — и если бы вы не перебивали меня, то давно бы уже все поняли.

— Так говорите же, я не произнесу больше ни слова!

— Давно бы так. Прошу у вас только пять минут внимания. Надеюсь, что ваше терпение не истощится.

— Слушаю, но прошу вас, милый сеньор, быть на будущее немного терпеливее. Наше положение известно вам лучше, чем кому бы то ни было. Следовательно, мы с вами оба прекрасно сознаем, что, невзирая на обширный круг наших связей, на большую численность наших единомышленников и те высокие посты, которые многие из них занимают в обществе, в армии или торговле, наше господство не продлилось бы и полгода во всякой другой стране, менее эксцентричной, чем наша. Достаточно какой-нибудь случайности — все пойдет прахом, и мы

погибли!

— Однако вот уже скоро двадцать лет, как положение дел остается тем же и наше могущество лишь возрастает с каждым днем! — с иронией сказал дон Мануэль.

— Потому что мы в Мексике, где все идет вразрез с логикой; явная бессмыслица здесь будет иметь успех. К тому же, до сих пор на нас никогда серьезно не нападали.

— Именно вследствие наших связей и массы наших сообщников, рассеянных не только по городам, но даже и по деревушкам.

Дон Бальтасар пожал плечами, заметно разволновавшись и гримасничая невозможным образом:

— Но вы просто дурак! — сказал он грубо.

— Что?! — выпрямился дон Мануэль.

— Да, вы дурак, и я сейчас докажу вам, что прав. Вы воображаете, что наши связи, установленные нами такой дорогой ценой, и наши союзники выгородят нас в минуту опасности?!

— А как же иначе! Для чего же мы и принимали их в свое товарищество?

— Это вы их принимали, но не мы. Восстановим факты, пожалуйста!

— Чего ради, не понимаю!

— Это важнее, чем вы полагаете, милый сеньор! Повторяю вам, только вы один устроили этот союз, но не мы. Большинство из нас, и я первый, противились вашему образу действий. Но вы настаивали на своем — и глупость была сделана. По справедливости, следовало бы оставить вас на произвол судьбы. Но если бы речь шла только о вас, я и не подумал бы изыскивать средства, чтобы выгораживать вас из того неприятного положения, в котором вы очутились. Но, к несчастью, вина одного из нас падает на всех остальных, и ваша погибель губит в то же время и всех нас; вот почему я и стараюсь не для вас, а для всего товарищества.

— Однако пока что вы ничего не объясняете, а только изводите нас. Одними оскорбительными заявлениями вы ничего не докажете!

— Потерпите, я начинаю. Во-первых, да будет вам известно, что все эти единомышленники сделаются нашими лютыми врагами, лишь только узнают о нашем падении; более того, они сами же донесут на нас, куда следует, чтобы вовремя оправдать самих себя.

— О-о! Вы преувеличиваете, сеньор!

— Вы так думаете? Ну, так знайте же, что они не дремлют и доносы на нас в полном ходу, в самой Мексике.

— Не может быть! — воскликнул дон Мануэль в ужасе.

- Я говорю вам сущую правду!
- Значит, все кончено, мы погибли!
- Не совсем еще; но это может случиться, если мы тотчас же не примем надлежащих мер.
- Что же нам делать! Valgame Dios!² Что делать?
- А-а! Наконец-то вы поняли! Много же времени вам понадобилось для этого!
- Обвинения ваши теперь неуместны; нам некогда терять времени. Раз вы явились сюда, значит, у вас есть средства спасти нас.
- Очень может быть! — сказал банкир со зловещей усмешкой.
- Какое же это средство?
- Вы скоро узнаете, но сначала позвольте изложить вам план действия наших врагов, план в высшей степени гениальный, а потому и опасный для нас.
- Я не понимаю вас. Нашему союзу грозит опасность, и моя обязанность защитить его.
- Вот вы и ошибаетесь. Нападают не на союз, а лично на вас.
- На меня? По какому же поводу?
- Просто удивительно, милый дон Мануэль, как ваша память слабеет с каждым днем! Неужели вы забыли о своих старых грешках, как, например, о детях, вверенных вашей опеке, о наследстве, данном вам на хранение, и о некоторых статьях известного вам завещания? Да мало ли еще чего!
- Что же, я сумею вывернуться, не беспокойтесь.
- Верю вам; ну, а потом?
- Как, потом?
- Да раз выплывет это дело, то ваши враги употребят все средства, чтобы обеспечить себе успех. А разве вы не боитесь, что ваш знаменитый союз платеадос, представителем которого вы являетесь, дает вашим противникам немаловажные аргументы для улик против вас? Но наши враги не решились рисковать огромной суммой денег, необходимой для возбуждения процесса в Мексике, зная, кроме того, что у нас имеются приверженцы не только в министерствах, но даже среди приближенных самого президента? Таково было положение дел, когда пронунсиаменто все изменило, низвергнув наших друзей и заменив их врагами.
- Пронунсиаменто, которому они, конечно, содействовали.
- Изо всех сил; это был их единственный шанс на успех.
- Действительно!
- Очень рад, что вы согласны со мной. И лишь только новый образ

правления вошел в силу, дон Порфирио Сандос, который, надо отдать ему справедливость, по своему недюжинному уму и неутомимой энергии является для нас опаснейшим врагом, начал с того, что провозгласил себя правителем Соноры; вы понимаете, для какой цели?

— Viva Dios! Ради того, конечно, чтобы взять силой то, чего он не мог добиться по праву.

— Не будем говорить о праве, раз мы сами не признаем его, хотя в ваших словах есть доля правды: владение стоит титула в штате, столь отдаленном от центра.

— В особенности, когда имеешь власть губернатора этого штата, — заметил дон Бальдомеро, — и можешь распоряжаться войском и судами.

— Совершенно верно, — возразил дон Бальтасар, гримасничая, — но чтобы достичь столь блестящего результата, то есть чтобы отомстить сеньору дону Мануэлю и уничтожить грозный союз платeadос, нужно немало денег.

— А у дона Порфирио их совсем не было! — воскликнул дон Мануэль, потирая руки.

— Никому не известно наверняка, что есть у дона Порфирио и чего у него нет. Этот хитрый индеец всегда себе на уме: у него ничего не выведает; достоверно лишь то, что вот уже несколько лет как он слышет за вконец разорившегося человека. Одним словом, он решился заложить свои мексиканские поместья, единственные, которые у него остались, а также и свою асиенду дель-Пальмар. Я следил за ним не переставая и подал ему мысль обратиться ко мне, чем он и воспользовался; я изъявил готовность выручить его и сделал вид, что рад случаю сыграть с вами злую шутку, так как все убеждены, что я ваш враг. Но вместо шестидесяти тысяч, которые ему хотелось получить за дель-Пальмар, я предложил ему двести, но не в виде займа, а как плату за его владения, которые таким образом переходят в мою собственность. Дон Порфирио согласился не сразу, но я настаивал, и он уступил на следующих условиях: асиенда дель-Пальмар и мексиканский дворец заложены в мои руки; если через два месяца, считая со дня подписания акта, дон Порфирио не заплатит мне целиком всей суммы, а также процентов — в общей сложности двухсот тридцати тысяч пиастров, — то все его владения окончательно перейдут в мои руки.

— О-о! Но...

— Я еще не кончил; слушайте дальше!

— Посмотрим, посмотрим!

— При недостатке же денег дон Порфирио может расквитаться со

мною, возвратив мне известное вам завещание и письменно обязуясь в будущем отказаться от всяких преследований по этому делу дона Мануэля де Линареса и вообще от всех нападков на него прямым или иным способом, по какой бы то ни было причине.

— Вы мастерски провели это дело! — в восторге воскликнул дон Бальдомеро.

— Дело сделано прекрасно, — проговорил дон Бенито де Касональ.

— Да, действительно, вы хорошо придумали! — сказал дон Корнелио Кебрантадор.

— Договор подписан? — спросил дон Крестобаль Паломбо.

— Пять дней тому назад! — отвечал дон Бальтасар со своей гримасой, на этот раз ужаснее обыкновенного.

Дон Мануэль с неопишуемым удивлением смотрел на своих друзей.

— Все, что мне ясно из этого дела, — проговорил он наконец, — это то, что у нашего врага не было ни одного реала³, а теперь...

— Он от этого решительно ничего не выиграл! — прервал дон Бальдомеро сердитым голосом.

— То есть, как же это? Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что случилось именно то, что я предвидел. Сначала ему пришлось отделаться от неотложных долгов; затем, чтобы придать своему положению известный блеск, ему понадобилось обзавестись экипажами и прочее. Шестьдесят тысяч пиастров у него исчезли в один миг. Затем, необходимо было нанести визиты членам правления, чтобы заручиться их позволением действовать по своему усмотрению, с полной безопасностью. Таким образом, в данную минуту в кассе сеньора дона Порфирио Сандоса, губернатора Соноры, не найдется и сорока тысяч пиастров.

— А-а! И больше никаких ресурсов! — воскликнул дон Мануэль. — В самом деле, милейший сеньор, вы все устроили просто прекрасно. Примите мои извинения; право, вы оказались очень ловким человеком.

— Благодарю, сеньор, но это еще не все! — сказал дон Бальтасар.

— Что же еще?

— Вы предоставили мне полную свободу действий?

— Да.

— В таком случае, я вполне воспользовался ею.

— Каким образом?

— Новый министр финансов, зайдя ко мне, стал жаловаться на плачевное состояние казны и крайнюю необходимость для правительства иметь деньги на текущем счету. Тогда я ответил ему, что несколько месяцев

тому назад в Соноре появился негодяй, который своими происками причиняет огромный вред жителям этой страны, стращая их угрозами и так далее, что этот субъект, прозывающийся доном Торрибио де Ньебласом, вовсе даже не мексиканец, что это мой враг, ограбивший две мои асиенды, и что я рад был бы избавиться от него как можно скорее. Потом я так повел дело, предложив министру восемьдесят тысяч пиастров без процентов, что тот пожал мне руку, сказав, что мое заявление правильно и что он обратит на него должное внимание. Ну, что вы об этом думаете?

— Я в восторге от ваших действий; вы ловко отразили удар, который нам собирались нанести.

— Ив довершение всего у меня в портфеле имеется бумага, подписанная президентом республики и министром внутренних дел, уполномочивающая меня арестовать дона Торрибио де Ньебласа и дающая право употребить силу в случае нападения.

— Это полномочие у вас?

— Вот оно, — сказал банкир, вынимая бумагу из портфеля и передовая ее дону Мануэлю.

Последний поспешно схватил ее и быстро пробежал глазами.

— Эге, да вам выдали настоящий карт-бланш! — радостно воскликнул он.

— Почти что так! — ответил дон Бальтасар с видимым спокойствием.

— Не почти что, а точно, взгляните сами!

— Ну, положим, что точно! Я спорить с вами не буду. Значит, вы теперь довольны?

— Я восхищен, так будет вернее; не знаю, как и благодарить вас! Немало же вам пришлось похлопотать!

— Хлопоты-то что, главное — наш успех!

— Успех нам обеспечен!

— Вы думаете?

— А как же, ведь факты налицо... Вам эта бумага обошлась, вероятно, очень дорого?

— Нет, не особенно, тысяч в двадцать пиастров, не больше.

— Да это, в сущности, пустяки!

— И я того же мнения. Но, — прибавил он с гримасой, наподобие обезьяньей, как если бы та проглотила неспелый фрукт, — в уголке моего портфеля есть другая бумага, которая стоила мне несколько дороже.

— Как, еще бумага?! Да вы начинены ими, что ли? — рассмеялся дон Мануэль.

— Эге! Знаете, человеческая природа ненасытна, и я не мог устоять

перед последними расходами.

— Какими расходами?

— За бумагу, о которой я сейчас говорил.

— Прекрасно; и вы говорите, что она стоила дорого?

— Страшно дорого, сеньор, но я не раскаиваюсь.

— Сколько же вы заплатили за нее?

— Увы! Целых девяносто тысяч пиастров.

— Сагау! Это действительно дорого.

— Вот вы уж и осуждаете меня!

— Я? Нисколько! — с живостью воскликнул дон Мануэль. — Если бы вы истратили вчетверо больше, и то я нашел бы, что вы отлично сделали. Разве я не убежден в вашей преданности товариществу и дружбе ко мне? К тому же, вам предоставлен карт-бланш, которым вы можете пользоваться, пока вам это нравится.

— В таком случае, сеньор, я не хочу больше играть с вами, как кошка с мышью, — сказал банкир, вытаскивая из портфеля бумагу. — Вот что я вам припас напоследок. Надеюсь, что, прочитав содержимое этого рескрипта, вы не будете сожалеть о девяноста тысячах пиастров.

Дон Мануэль дрожащими руками развернул бумагу и пробежал ее глазами.

— *Voto a Brios!* — вскричал он с жаром. — Это невозможно!

— Что невозможно, дорогой сеньор? — спросил дон Бальтасар с гримасой.

— Как? Я назначен алькальд-майором⁴ Уреса!

— Столицы штата Соноры, если я не ошибаюсь.

— Ваша правда; но вы же просто гений, *mil Rayos!*⁵

— Вы понимаете, дорогой сеньор, что мы не могли спокойно ждать того удара, который нам готовил дон Порфирио Сандос; он — губернатор Соноры, а вы — алькальд-майор Уреса. Он располагает войсками, а вы — судом и расправой. Что вы на это скажете?

— Наше дело выиграно!

— Я того же мнения; только, если позволите, я вам дам совет.

— Говорите, говорите! Все, что вы придумаете, превосходно!

— Извольте; после поступайте, как вам заблагорассудится. Дон Порфирио ничего не знает из того, что мной сделано и чего я добился для вас. Поддерживайте его в этом неведении как можно дольше, примите свои меры, не теряя времени, но так, чтобы все оставалось тайной. Дону Порфирию не устроиться раньше восьми-десяти дней; значит, вы можете

действовать энергично, тем более, что теперь он не может напасть на вас.

— Я сам нападую на него.

— Напротив, берегитесь этого, вы можете испортить все дело. Ждите его атаки, а потом разом откройтесь и прижмите его. Это будет легко, так как все меры предосторожности будут приняты вами заблаговременно.

— Вы рассуждаете благоразумно.

— Пусть наш враг первым сбивается с пути, пусть он объявляет гражданскую войну, этим он навлечет на себя вину, так как нарушит порядок, который вы поддерживаете.

— Этот план превосходен! — воскликнул дон Бальдомеро. — Я охотно присоединяюсь к нему.

— Но мы должны сохранить все в тайне и действовать с большой осторожностью, — заметил дон Бальтасар, — только так мы и можем добиться успеха.

— Благодарю за совет, сеньор, я в точности исполню его, — сказал дон Мануэль, от души пожимая ему руку.

— Дело предстоит трудное, — сказал дон Бальтасар. — Когда поймут ягуара, он защищается до тех пор, пока не издохнет.

— Ну, мы поступим с нашими врагами, как с ягуарами на облове.

— Но врагам рисковать нечем, они не постоят ни перед чем, значит, мы должны ожидать с их стороны всего, чего угодно.

— Да, да, эта последняя схватка будет ужасной; но лучше покончить со всем разом.

— Что вы думаете делать? — спросил дон Бальдомеро.

— Я уже сказал вам, что намерен последовать совету донна Бальтасара и не терять ни минуты, так как наше спасение заключается в этом. Но для спокойствия нам необходимо разделить обязанности.

— Я, — сказал дон Бальтасар, — тут бесполезен как банкир. А вот в Мексике мои услуги могут вам пригодиться, там я буду следить за нашими врагами, предотвращать измены и доносы на нас.

— Совершенно верно. Когда вы хотите ехать?

— С рассветом.

— Прекрасно! А вы, дон Бальдомеро?

— Дон Корнелио, дон Кристоаль и я — мы будем подбодрять наших друзей и вербовать всех пиратов и бродяг.

— Хорошо. Далее, дон Бенито де Касональ и я отправимся после вас в Урее, где наше присутствие необходимо. Итак, завтра рано утром, или, вернее, через несколько часов, так как теперь уже четыре часа утра, каждый из нас поедет в свою сторону.

— Э-э! — вскричал дон Бальтасар. — Ведь я не лесной бродяга, дорогой сеньор!

— Не беспокойтесь об этом, милейший дон Бальтасар! Я дам вам, мой друг, конвой, который будет сопровождать вас и покинет лишь тогда, когда вы будете в полной безопасности.

— Ну, слава Богу, надеюсь, что не попадусь в какую-нибудь западню.

— Вы приедете целы и невредимы, будьте спокойны. В Мексике знают о вашем путешествии?

— Знают, что меня там нет и думают, что я в Веракрусе, отлучился по делам.

— Отлично. Это даже лучше, чтобы не знали, с какой стороны вы явитесь. Теперь, — добавил банкир, вставая, — постарайтесь соснуть часика два-три, желаю вам приятного сна!

— Еще одну секунду! — сказал дон Бальдомеро. — Мы забыли о главном.

— О чем именно?

— Мы не решили, где соберемся опять.

— Правда, правда, я совсем теряю голову. Ну, так...

— Позвольте, — прервал дон Бальдомеро, — в четырех-пяти милях от Тубака у меня есть асиенда, та самая, которую вы мне продали, дон Мануэль.

— Монте-Негро?

— Она самая! Место это очень удобное. Если вы не придумаете ничего лучшего, то, по-моему, там нам безопаснее всего встретиться: во-первых, мы будем у себя, а во-вторых, мы сможем контролировать все пути, ведущие в Сонору.

— Да, это место выбрано удачно и всем нам прекрасно известно; к тому же, в крайнем случае, там нам будет удобнее всего защищаться.

— Итак, значит, решено? — спросил дон Бальдомеро.

— Решено! — ответили в один голос все присутствующие. После этого, расставшись друг с другом, все разошлись по своим покоям, приготовленным заранее.

Не успели за предводителями платеадос закрыться двери, как послышался слабый шум, после которого открылась часть стены, легко повернувшись вокруг себя, и в образовавшемся проеме показалась человеческая фигура.

Это был дон Торрибио де Ньеблас.

Он обвел комнату испытующим взглядом.

— Прекрасно, — пробормотал он со странной улыбкой, — я тоже буду присутствовать на этом собрании! До скорого свидания, господа; вы тут держали совет не одни!

Он отступил назад, исчез в отверстии, и стена приняла свое обычное положение, так что самый опытный глаз не мог бы открыть этого секретного прохода.

ГЛАВА II. В которой искатели следов принимаются за дело

Мы уже рассказывали о том, что, расставшись с двумя охотниками, Матадиесом и Редбладом, дон Торрибио де Ньеблас сел у громадной лиственницы и, опустив голову на грудь, глубоко задумался над трудной задачей, которую он поставил перед собой, и о средствах ее выполнения.

Прошел целый час, как он был погружен в свои думы. Вдруг раздался крик черноголового орла, повторившийся два раза. Молодой человек сразу поднял голову.

Поднявшись на ноги, он осмотрелся кругом и испустил крик ястреба.

Тотчас же после этого в кустах послышался шум; ветки раздвинулись, на лужайку, точно испуганная лань, прыгнул молодой человек. Это был Пепе Ортис.

Дон Торрибио улыбнулся:

— Вот и ты, брат. Наконец-то! Я ожидал тебя раньше. Добро пожаловать!

— Я опоздал, твоя правда, брат, но не жалею об этом, время не пропало даром.

— Сомневаюсь! Однако, разве есть новости?

— Еще бы, но предупреждаю тебя, я тут ни при чем, все только чистая случайность.

— Объясняйся же скорей, ты знаешь, как нам дорого время!

— Поговорим дорогой. Тут нам бояться нечего, ведь эти места прокляты — даже животные убегают отсюда.

— Твоя правда, я никогда не встречал более пустынного места.

Обменявшись несколькими словами, молодые люди углубились в чащу в направлении, противоположном тому, которому следовал Матадиес и его друг, Редблад.

— Говори, теперь я тебя слушаю! — сказал дон Торрибио.

— Нет, сначала говори ты; скажи, что ты видел?

— Почти что ничего. Мы имеем дело с людьми очень ловкими; они пытались в течение нескольких часов водить нас за нос, но добились только того, что я понял, что с этой стороны невозможно добраться до асиенды.

— Что же ты думаешь?

— Думаю, что настоящие тропинки, ведущие к асиенде, не на этой

стороне, а, по всей вероятности, с противоположного косогора.

— Нам бы только добраться туда.

— Доберемся, не беспокойся.

— У тебя есть слепки?

— Да они мне вовсе не нужны, а у тебя?

— Есть несколько; мы их потом сравним.

— Ну, теперь очередь за тобой.

— Ладно. После того, как мы с тобой расстались, я по обыкновению отправился на свидание. Лукас Мендес уже давно поджидал меня, надеясь, что ты явишься со мной, так как ему нужно видеть тебя.

— Ты объяснил ему, почему я не мог быть?

— Конечно... Но это просто удивительно, брат, — прервал он самого себя, — до какой степени Лукас Мендес изменился после того, как мы с ним расстались!

— Ба-а! Да ты никак сошел с ума; по-моему, он все тот же.

— Ты просто не обращал на него внимания, иначе и сам заметил бы — это просто бросается в глаза.

— Что бросается в глаза?

— Да перемена, произошедшая в нем! Уверяю тебя, это совсем другой человек. Он точно помолодел на десять лет. Лицо его похудело и приняло выражение непоколебимой решимости, которой я раньше не замечал в нем; когда он воодушевляется, глаза его начинают блестеть; вся его фигура как-то выпрямилась; даже голос сделался более уверенным. Одним словом, это совсем другой человек.

— Да ну, ты начинаешь завираться! — сказал дон Торрибио, пожав плечами.

— Вовсе нет, я тебе говорю истинную правду!

— Пусть будет по-твоему, переменился, так переменился, для нас это теперь не играет роли; говори о деле.

— Не теряй терпения, я начинаю. Дон Мануэль убежден более, чем когда-либо, в разорении дона Порфирио; он еще ничего не знает о пронунсиаменто и о назначении дона Порфирио губернатором Соноры и Аризоны; он в полной неизвестности относительно наших действий. Но в последние дни он пребывает в большом волнении; каждую минуту он ждет важных известий. Как только они будут получены, на асиенде дель-Энганьо состоится собрание главных предводителей платадос.

— О-о! Это драгоценные сведения.

— Не правда ли?

— И это все?

— Нет, погоди: несколько дней тому назад на асиенде поселился некий дон Бенито де Касональ. Он очень дружен с доном Мануэлем и, говорят, ухаживает за доньей Сантой.

— Что? — воскликнул дон Торрибио, вздрогнув.

— Я говорю то, что слышал, брат!

— Продолжай, говори, я готов все выслушать!

— Этот Касональ в большом фаворе у дона Мануэля, который хотел бы выдать за него донью Санту. А она ненавидит его, запирается у себя и отказывается от свидания с ним.

— Милая Санта! — проговорил молодой человек с облегчением. — А каков из себя этот Касональ?

— Молод, лет двадцати семи—двадцати восьми, красивый малый, фат, беспечный, алькальд-майор Уреса и один из главных союзников платeadос.

— Нам таких нечего бояться! Продолжай.

— Мне осталось добавить всего несколько слов, смысл которых для меня абсолютно не понятен.

— Но все-таки скажи их.

— Изволь: «Дон Торрибио должен всегда держаться востока, остерегаться друидических памятников и помнить, что левая сторона самая благоприятная, так как находится со стороны сердца». Это для меня загадка.

— Да, и очень темная; но я надеюсь, что со временем она выяснится и мы все пойдем.

— Что касается меня, я отказываюсь понимать!

— Как знаешь... Лукас Мендес больше ничего не сказал?

— Нет, ничего, если не считать того, что если ты последуешь его указаниям, то вы скоро увидите.

— Теперь я начинаю кое-что понимать.

— Ты думаешь отгадать смысл всего этого?

— Может быть; мне кажется, что я вижу свет.

— Очень рад за тебя. Я же нахожусь в тупике.

— Вероятно, наши исследования должны начаться с востока.

— Сагау! Это удивительно!

— Что?

— Да твои слова.

— Почему?

— Потому что это касается моего второго приключения.

— Кстати, ты ведь мне еще не рассказал о том, что делал после того, как расстался с Лукасом Мендесом?

— Я только что хотел начать рассказ.

— Ну говори, я слушаю.

— Ночь уже наступила, мне предстоял длинный путь, но раньше нужно было найти брод в речке, чтобы перейти ее. Я долго шел пешком и очень устал. Так как я не рассчитывал встретить тебя раньше сегодняшнего утра, то мне нечего было торопиться. Найдя развесистое дерево, я решил расположиться на нем на ночь. Я не стал зажигать огонь, боясь обратить на себя внимание какого-нибудь бродяги, шатающегося по окрестностям. Ты знаешь, в пампасах мы зачастую спим на деревьях, это же дерево оказалось вполне удобным для меня. Я живо вскарабкался не него и расположился в густых ветвях, потом, порывшись в ягдташе, с удовольствием поужинал при лунном свете. Единственное, чего мне не доставало, это папироски, — точно предчувствие предостерегало меня от курения. Закусив, я привязал себя ремнем к толстой ветке, чтобы не упасть, приготовился ко сну, пожелал себе спокойной ночи и закрыл глаза.

Ночь была дивная; над пустыней царило торжественное молчание, луна ярко светила сквозь ветви деревьев, воздух благоухал. Я стал засыпать, и приятные грезы уже проносились передо мной. Вдруг я вздрогнул и открыл глаза: мне послышался точно отдаленный гром, который становился все отчетливее. Наконец шум сделался настолько ясным, что я понял: это было не что иное, как мчавшиеся во всю прыть лошади. Я был счастлив, что выбрал себе это местечко, откуда меня не могли видеть, а я мог свободно наблюдать за всем. Долго ждать мне не пришлось; вскоре показалось от десяти до двенадцати всадников. Вместо того, чтобы продолжать свою бешеную скачку, они вдруг остановились как раз там, где я раньше намеревался отдохнуть. Сойдя с лошадей, они привязали их, накормили, затем разожгли два костра и поужинали с большим аппетитом, разговаривая между собой, но не настолько громко, чтобы я мог расслышать, что они говорили. До меня только изредка доносились некоторые слова, которые, признаться, заставили меня призадуматься.

— Что это были за люди? Краснокожие или охотники?

— Ни те ни другие, это были ранчерос, одетые очень богато: четверо из них сияли, как солнце, столько на них было серебра и золота; но это еще что! Надо было видеть их лошадей.

— Что же в них было такого особенного?

— Ничего, если не считать того, что кожа их сбруи совершенно затмевалась золотыми украшениями.

— Но в таком случае эти господа не кто другие, как платеедос; они,

конечно, принадлежат к тому опасному обществу, которое я решил уничтожить.

— Я сам сначала подозревал то же самое, теперь же начинаю думать, что ты не прав: из нескольких их слов, которые я услышал, я понял, что речь шла о ложном следе и о том, чтобы ввести в обман шпионов, спрятавшихся, чтобы выследить их.

— Теперь я больше не сомневаюсь, это были мои молодцы!

— Какие молодцы?

— Говори дальше! — сказал дон Торрибио, радостно потирая руки. — Что было потом? Ведь не просидел же ты на дереве всю ночь, как ворона?

— Нет. Отдохнув до восхода солнца, всадники наконец сели на лошадей и удалились скорой рысью.

— Хм! Что же ты сделал тогда?

— То же, что сделал бы ты на моем месте: отправился вслед за ними.

— Прекрасно!

— Но я не много выиграл от этого.

— Что так?

— Да как же, ты пойми, ведь я шел пешком, а они ехали верхом; к тому же они ехали галопом, так что...

— Так что ты потерял их из виду.

— Почти что.

— Промахнулся же ты!

— Не сердись, я сделал невозможное: мне удалось проследить направление, в котором они удалились.

— И это чего-нибудь да стоит!

— Очевидно, они старались оставить после себя ложный след, всячески его сбивая, чтобы невозможно было ничего разобрать. А все-таки я разобрал, что они вертелись около одного и того же места, постепенно приближаясь к воладеро, к которому, по-видимому, подъехали с востока.

— Ага! — произнес дон Торрибио в задумчивости. — Вот так известие.

— Хорошее?

— Еще бы; теперь мы скоро будем знать наверняка, как нам быть. Где лошади?

— В двухстах шагах отсюда, спрятаны в чаще.

— Они отдохнули?

— Да; сегодня утром они прошли не больше двух миль.

— Отлично! В дорогу! Нет, сперва приведи лошадей, а я пока приготовлю завтрак; нехорошо начинать трудный путь на голодный

желудок. Неизвестно, когда нам удастся поесть и передохнуть в следующий раз. Иди скорее; когда ты вернешься, все будет готово.

— Я просто не узнаю тебя, брат, — сказал Пепе, смеясь. — Ты точно помолодел на десять лет. Я вспоминаю те времена, когда мы с тобой охотились за пумами в наших пампасах, помнишь? Какое это было счастливое время!

— Ты жалеешь о нем, брат?

— Нет, потому что мы с тобой все так же вместе и любим друг друга, как и тогда.

— Дорогой и добрый мой Пепе! — проговорил дон Торрибио с волнением.

Повинуясь невольному движению, молодые люди заключили друг друга в объятия и простояли так с минуту.

— Будем всегда так любить друг друга, брат, — сказал дон Торрибио, — мы вдвоем составляем всю нашу семью!

— Да, это правда, брат, — ответил Пепе Ортис с волнением, — и помни, что пока мы вместе, с нами никогда не случится ничего плохого. К тому же, — прибавил он с милой улыбкой, — скоро нас будет трое, у меня появится сестра.

— Дорогая Санта! — проговорил дон Торрибио, сделавшись вдруг грустным. — Бедняжка, как она несчастна!

— Мы спасем ее, брат! Надейся и не падай духом!

— Увы! Когда я думаю о ее страданиях и о своем бессилии помочь ей, то мужество покидает меня, я делаюсь слаб, как дитя.

— Ну, ну! Брось эти мрачные мысли. Будущее известно одному Богу, а Он не оставит нас. Разве Он не помогал нам до сего времени?!

— Ты прав, я ропщу напрасно! Спасибо тебе, брат; ты придаешь мне храбрости.

Они еще раз крепко обнялись, и Пепе Ортис удалился почти бегом.

— Да, я неблагодарный, — пробормотал дон Торрибио, — провожая его нежным взглядом. — Разве меня не любили и разве я не был счастлив, я, бедный ребенок, брошенный на произвол судьбы почти с самого рождения? Надо мужаться и надеяться, как говорит брат! Итак, поборемся; мое дело правое: или я его выиграю, или мои кости побелеют в саванне.

И, проведя нервным движением рукой по лбу, как бы желая стереть остаток слабости, он с бодрым духом принялся готовить скромный утренний завтрак.

Спустя час молодые люди, закусывая, составили план своего смелого предприятия, затем сели на лошадей.

На лужайке они приостановились, чтобы восстановить некоторые следы; Пепе Ортис показал, смеясь, своему брату то дерево, под густой сенью которого он так хорошо укрывался.

После краткого расследования, на которое они потратили не больше десяти минут, они отправились дальше, но на этот раз, несмотря на скорую езду, внимательно присматривались к следам, обозначившимся довольно ясно после неприятеля, и не пропускали ни малейшего изгиба.

Подъехав к тому месту в лесу, от которого было всего несколько шагов до его окраины, дон Торрибио вдруг остановился, осмотрелся вокруг с любопытством и соскочил на землю.

— Они здесь останавливались ненадолго, — сказал он брату, передавая ему повод своей лошади. — Подожди меня у этого ручейка.

Он нагнулся к воде, спокойной, как зеркало, и с минуту смотрел в нее; затем, разувшись и засучив панталоны выше колен, решительно вступил в поток и быстро пошел против течения; вскоре он исчез из виду.

На дне ручья был мелкий песок. В ширину ручей имел пятнадцать футов и от восемнадцати до двадцати футов глубины. Он многократно изгибался под густыми ветвями; переплетаясь, они образовали зеленый свод, с которого свешивались лианы до самой поверхности воды.

Пепе Ортис не двигался с того места, где его оставил брат; он ждал, подавшись немного вперед и приготовившись стрелять при первой надобности. Весь превратившись в слух, он, казалось, пронизывал взглядом густую зелень кустарника, окружавшего его со всех сторон.

Так прошло с полчаса. Внезапно лианы раздвинулись, и среди них показался дон Торрибио, идущий по руслу ручья. Дойдя до брата, он обулся и сел на лошадь.

— Ну что? — спросил Пепе, как только они пустились в галоп.

— А вот что, — ответил дон Торрибио, — я не ошибся: они тут останавливались; один из них следовал по течению, другой шел против течения, наломал охапку ветвей в двухстах шагах отсюда, затем снес их обратно, после чего они отправились дальше.

— Однако, — сказал, смеясь, Пепе, — положительно, эти господа сплеховали; зная, что их будут разыскивать двое самых искусных искателей следов буэнос-айресских пампасов, они поступают, точно имеют дело с простыми бродягами — янки или канадцами, — и еще рассчитывают ускользнуть от нас! Право, они сумасшедшие!

— Но все же их расчет был верен, надо отдать им должное. Всадник, которого они послали наломать ветвей, сделал это очень ловко, он нигде не оставил следов после себя. Он оставил лошадь среди течения, а потом уже

вошел в воду. Кого угодно это могло бы ввести в обман.

— Ба-а! Да ты расточаешь им комплименты! Их расчет был верен; теперь я спокоен! — сказал Пепе, смеясь.

Разговаривая таким образом, искатели следов выехали из леса и направились галопом через саванну. Их езда продолжалась без приключений до заката солнца; к семи часам вечера они были у густого леса, куда и въехали.

— Стой! — сказал дон Торрибио. — Я чувствую, что неприятель находится позади, пусть он опередит нас.

— Хм! Ты уверен, что мы так близко от него?

— Эти люди не дальше, чем на три ружейных выстрела от нас, я в этом убежден.

— А, это другое дело. Что же нам делать?

— Поужинаем, покормим лошадей, затем поспим часа два — по очереди, конечно.

— Значит, мы тронемся отсюда не раньше десяти часов?

— Не раньше, пусть они считают себя в полной безопасности, пусть думают, что провели нас; а то, если они догадаются, что мы следим за ними, кто знает, куда они могут нас завлечь?! Лучше потерпеть и выждать.

— Хорошо, как хочешь.

Расседлав и почистив лошадей, Пепе Ортис задал им корму, за который благодарные животные принялись с удовольствием.

Покончив с этим, оба охотника уселись на землю, разложили перед собой остатки провизии и поужинали. Огня не зажигали из опасения, чтобы дым не выдал их присутствия; даже не закурили сигар, этого любимого лакомства каждого охотника.

Утолив голод, Пепе Ортис закутался в плащ, лег под деревом и тотчас же заснул с беспечностью человека, привыкшего к жизни в пустыне.

Дон Торрибио с ружьем в руке растянулся подле кустарника и стал мечтать. Он пролежал в таком положении два часа, без всякого движения, но прислушиваясь к малейшему шуму, нарушающему лесную тишину. Наконец он встал, подошел к Пепе, положил руку ему на плечо и нагнулся к его уху:

— Восемь часов! — сказал он чуть слышно. Пепе сразу вскочил на ноги.

— Что нового? — спросил он.

— По-видимому, ничего, — ответил его брат. — Следи внимательно!

— Не беспокойся.

Минуты две спустя Пепе Ортис занял место дона Торрибио, а

последний заснул крепким сном. В десять часов дон Торрибио проснулся, но, посмотрев вокруг себя, увидел, что он один.

— Так! — проговорил он. — Пепе на разведке; тут что-нибудь да есть!

Он встал и в ожидании брата оседлал лошадь, чтобы ничто не задерживало их отъезда.

Но Пепе все не возвращался. Прошло целых полчаса, как дон Торрибио проснулся, но ничто не возвещало о возвращении его брата; молодой человек начал серьезно беспокоиться, не зная, чему приписать столь продолжительное отсутствие, и уже собрался было отправляться на поиски, как вдруг ветви соседнего кустарника тихо раздвинулись и перед ним появился Пепе Ортис.

— Где ты пропадал столько времени? Я уже хотел идти искать тебя!

— Ты прав, — сказал Пепе, не отвечая на вопрос брата, — было кое-что интересное!

— А-а! — проговорил дон Торрибио, моментально забыв о своем беспокойстве. — Я, значит, не ошибся?

— Скажу в двух словах, а вывод делай сам.

— Посмотрим, что такое!

— Только что около трех четвертей часа я преследовал группу всадников, которые, переплыв речку, направлялись во всю прыть к прериям Техаса.

— А-а! И ты узнал их?

— К счастью, да. А то Бог знает, сколько времени еще мне пришлось бы преследовать их. Среди них было восемь индейских пеонов и пятнадцать лошадей. Издали казалось, что на всех лошадях сидят всадники, но благодаря лунному свету я увидел, что ошибся. Представь себе: эти негодяи-индейцы посадили на лошадей что-то вроде манекенов, которыми правили так искусно, что в ста шагах возникала полная иллюзия, будто это живые люди. Но я не так глуп, чтобы попасться на эту удочку; я приблизился к ним настолько, что они чуть не задели меня, проезжая мимо. Тогда мне все стало ясно. Пожелав им благополучного путешествия, я поспешил к тебе. Что ты об этом думаешь, брат?

— Думаю то же, что и ты, вероятно. Платеадос, переправившись через реку, переменили лошадей, приготовленных, конечно, заранее, а усталых лошадей отослали с пеонами, с приказанием углубиться в пустыню и наделать ложных следов.

— Да, именно так!.. Ты на меня не сердись за самовольную отлучку?

— Viva Dios! Напротив, я благодарен тебе: если бы ты не оказался так

догадлив, неизвестно еще, сколько драгоценного времени мы потеряли бы на преследование этих дураков.

— Значит, я хорошо сделал?

— Даже очень хорошо! Тем хуже для них, что им не удалось надуть нас!

— Ну, что же мы теперь будем делать?

— Что? Пойдем опять по настоящему следу, а так как лошади уже готовы, то мы отправимся за этими бандитами немедленно. Право, я ими очень доволен: не думал, что они окажутся так хитры.

Не теряя времени, они вскочили на лошадей и тронулись в путь.

Ночь была светлая, хотя луна слегка заволакивалась облаками; широкая серебристая полоса пересекала прерию по реке Рио-Салинас, на берегах которой росли дикие хлопчатники и кусты. Горизонт терялся за густой, темной массой девственного леса, над которым подымались до неба остроконечные вершины горы; крутые склоны ее представляли самые затейливые рисунки. Правый берег реки обрывался утесом, от которого шли холмы к подножию Сьерры-А-де-Пахарос.

На спуске правого берега реки виднелись развалины жилища, которое несколько лет тому назад должно было представлять из себя внушительного вида ранчо.

Этот мрачный пейзаж при слабом лунном свете и бледном сиянии звезд казался диким и в то же время величественным; это была первобытная и грандиозная природа, вышедшая именно в таком виде из рук всемогущего Создателя.

В саванне царил мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая хищными зверями.

Когда наши искатели следов приблизились к берегу реки Рио-Салинас, дон Торрибио остановился и, протянув руку по направлению к развалинам на противоположном берегу, сказал:

— Посмотри брат, вот ранчо, в котором наверняка были спрятаны лошади для тех, кого мы сейчас преследуем!

— Очень даже возможно, — ответил Пепе. — Я думаю, что мы приближаемся к цели.

— Я тоже так полагаю. Но теперь начинается самое трудное для нас: пространство вокруг нас все больше сужается; перед нами остается совсем маленькое место для работы; может быть, это и хорошо для нас, а может быть, и скверно, смотря по тому, как мы примемся за дело.

— Да, да, — сказал Пепе с уверенностью, — здесь кончаются охотничьи ухищрения и ловушки, которыми пользуются краснокожие, и

начинается работа следопытов.

— Ты рассуждаешь верно, брат; теперь начинается настоящая борьба. Все, что было до сих пор, пустяки в сравнении с тем, что нам предстоит. Несмотря на всю хитрость этих дьяволов, я надеюсь до восхода солнца перерыть все закоулки их таинственной берлоги, которую мы изучим лучше, чем они сами.

— Аминь, от всего сердца, брат! Где мы перейдем речку?

— Вот здесь, по этим следам; предоставим чутью лошадей отыскать брод.

Разговаривая таким образом, молодой человек направил свою лошадь в воду и, отпустив поводья, доверился ее инстинкту. Пепе Ортис следовал за ним, не отставая. Лошади, с минуту потоптавшись на месте, вступили в воду и пошли вперед, не колеблясь. Через десять минут они уже были на другом берегу.

Оба брата соскочили на землю, ввели своих лошадей на ранчо и, привязав их, вышли оттуда.

— Не оставить ли их здесь? — спросил Пепе.

— Я сам подумал об этом, но боюсь, что их украдут и вдобавок еще откроют наше присутствие. Пока я начну поиски, пойдешь поищи подходящее место, где бы мы могли оставить животных на день-два; раньше нам вряд ли удастся вернуться. Иди же скорее.

Они расстались.

Пепе Ортис вошел в лес и принялся за розыски с увлечением, присущим ему во всем, что касалось исполнения приказаний его брата.

Долго он не мог ничего найти; растущие близко друг от друга деревья и густо переплетенные лианы со всех сторон заграждали дорогу. Это был настоящий девственный лес, где ни люди, ни звери не находили себе приюта. Здесь не было протоптано ни одной тропинки, землю загоразивали сухие стволы. Стоячие воды, непроходимые кустарники — вот все, что удалось обнаружить молодому человеку. Разбитый усталостью от бесполезных поисков, он решил вернуться к брату, чтобы посоветоваться с ним.

Но не прошел он и пяти минут, совсем расстроившись от неудачи, как вдруг ему в грудь ударила лиана и он споткнулся. Он попробовал удержаться, но наткнулся на камень, покрытый мхом, и растянулся во весь рост, к счастью, не причинив себе особого вреда, так как упал на лианы и кусты. Пепе Ортис поднялся, ругаясь про себя, и машинально, как это обыкновенно бывает в таких обстоятельствах, осмотрелся кругом, чтобы уяснить себе причину падения.

Внезапно он вздрогнул и вскрикнул от радости: падая, он сдвинул массу лиан и примял куст позади себя, который заслонял собой красное дерево гигантских размеров. В этом великане, с виду совсем крепком, было громадное дупло; на двенадцать футов в высоту от земли вся внутренность дерева сгнила, осталась только одна кора. Ему, по-видимому, было двести — триста лет, и, по всей вероятности, оно могло простоять еще столько же, прежде чем превратиться в прах.

Пепе Ортис, добравшись до него, проник в отверстие, которое и осмотрел самым тщательным образом, после чего удалился, весьма обрадованный: шесть лошадей могли легко поместиться в этой своеобразной конюшне. Молодой человек скоро нагнал брата, которому, смеясь, и сообщил обо всем.

На ранчо нашелся горох, кукуруза и прочие припасы, оставленные платeadос в расчете на скорое возвращение, чем молодые люди и поспешили воспользоваться; для лошадей хватило бы корму на четыре дня. Затем, найдя под портиком замка несколько ведер, они наполнили их водой и, взвалив все на двух животных, повели их в конюшню, найденную таким странным образом Пепе Ортисом, и прекрасно устроили их там. Затем, сложив в уголок провизию и сбрую, вышли из дупла, завалив вход и прикрыв его лианами, так что кроме них никто не мог заметить следов этого потайного убежища.

Покончив с заботами о лошадях, они начали совещаться.

— Во время твоего отсутствия, — сказал дон Торрибио брату, — я внимательно осмотрел окрестности на расстоянии двухсот квадратных метров, но не нашел никаких следов. Есть только одна, едва заметная тропинка с востока. Со всех других сторон дорога совершенно непроходимая; расчистить ее можно лишь топором, а наши противники были на лошадях. Значит, они пробирались по тропинке, а потому я и приступил к тщательному исследованию последней, рассмотрел ее дюйм за дюймом, но безрезультатно. Если бы дело происходило днем, я, конечно, различил бы малейший след, но при свете луны, заволакиваемой облаками, это было невозможно. Тогда я бросил тропинку и принялся за окраины. Вскоре я заметил по обеим сторонам дороги чуть заметные песчаные валики, прикрытые частью травой, частью листьями. Тут я вспомнил о наломанных ветвях, на которые набрел в ту ночь в лесу, где останавливались платeadос, и мне все стало ясно. Оставив ранчо, они привязали ветви к хвостам лошадей, чтобы замести за собой следы; но им не удалось уничтожить валик, образовавшийся от лошадиного галопа.

— А что ты хочешь, брат, — сказал Пепе Ортис насмешливо, — нельзя

же предусмотреть абсолютно все! Несмотря на все хитрости, они позабыли о пыли, скапливающейся посреди дороги, которая, что весьма естественно, отбрасывалась в стороны. Итак, теперь ты попал на след?

— Да, и на этот раз, клянусь тебе, не упущу его! Ну, теперь, брат, в дорогу, мы и так потеряли немало времени!

— В дорогу! — весело воскликнул Пепе Ортис.

Они решительно вступили на тропинку, идя особенной, развалистой походкой, свойственной лишь лесным охотникам. Вскоре тропинка затерялась, и перед искателями следов отовсюду выросли препятствия. Но ничто не могло заставить их отступить или даже замедлить шаги. Они продолжали продвигаться вперед, с глазами, устремленными скорее к небу, чем к земле. Доверяясь своему необыкновенному чутью, им удавалось держаться нужного направления. Они долго шли радом, не произнося ни слова, проходя по тому самому месту, где два часа тому назад проезжали их недруги.

— Ага! — проговорил дон Торрибио, внезапно останавливаясь. — Здесь они устроили привал.

— Да, — сказал Пепе Ортис, — ветви они отвязали, а ноги лошадей обернули войлоком.

Дон Торрибио направился прямо к расщелине, куда были брошены ветви.

— Посмотри, — сказал он брату, — вот где они освободились от ненужных больше ветвей! — И он указал на несколько листьев, валявшихся вокруг.

— Ну, пойдём дальше, — сказал Пепе, смеясь, — думаю, скоро мы найдем еще что-нибудь новенькое.

Действительно, вскоре они заметили еще одно место, где всадники остановились; даже на гладких камнях их опытные глаза улавливали следы.

Остальное было для них сущим пустяком: они прошли сквозь лабиринт скал, как по знакомой дороге, и очутились у входа в грот.

— Уф! — произнес Пепе Ортис. — Наконец-то мы добрались до знаменитой асиенды дель-Энганьо, на которую еще никто не проникал.

— Молчи и зажги факел, — сказал дон Торрибио шепотом, — надо быть осторожнее, чтобы с первых же шагов не потерпеть неудачу.

Пепе притих и зажег лучину, которую достал из своего ягдташа.

Они вступили в грот.

— Что за странный памятник, — проговорил дон Торрибио, — он напоминает мне камни Кариака. Он попал сюда не случайно и должен иметь какое-то значение.

Затем он процедил сквозь зубы:

— «Остерегайтесь дольменов⁶». А-а, это как раз дольмен, значит, я должен быть настороже. Но почему он находится именно здесь, у стены, тогда как его место у входа или же посреди грота?

— Не осмотреть ли нам стены? — спросил Пепе.

— Сейчас так и сделаем, дай-ка мне лучину!

— На, бери.

Молодой человек, подойдя к стене, начал внимательно разглядывать ее.

— Хм! Что бы это значило? — проговорил он через минуту.

Он увидел две головки от гвоздей, почти не заметные, воткнутые по одной линии на расстоянии двух футов одна от другой. Придвинувшись лицом к стене почти вплотную, он несколько минут рассматривал их поочередно и вдруг вздрогнул, заметив на левой головке гвоздя микроскопическое пятнышко желтовато-черного цвета.

— Это пружины, — сказал он, — причем на левую только что надавливали, судя по этому пятнышку. Вот что значит курить папиросу — никотин остается на пальцах, и если при этом потными руками дотронуться до пружины, она непременно запачкается. Теперь мне все понятно!

— Что же ты понял, брат? — спросил Пепе Ортис с любопытством.

— О! Все очень просто. Ты видишь эти две пружины, не правда ли?

— Прекрасно вижу.

— Правая гораздо заметнее, тогда как левая едва видна!

— Правда.

— Эта правая пружина — секретный страж невидимого входа в подземелье, который скрывается за этой стеной. Но горе тому любопытному или шпиону, который, заметив ее, пожелает воспользоваться ею: он надавливает на нее пальцем — трах, и вдруг распрямится невидимая пружина, земля под ним провалится, и он исчезнет навеки в ловушке или же, что еще вероятнее, камень, помещенный как бы для равновесия на гранитном пьедестале, сам собой отодвинется и убьет его наповал. Понял?

— Отлично. Это же просто гениально!

— Очень даже гениально, действительно! Но рядом с этой пружиной — вторая, с левой стороны, которую, кроме нас, никто бы не заметил. Если на эту пружину слегка надавить пальцем, она откроет невидимую дверь. Не более как час тому назад ею пользовались, но тот, кто ее надавливал, забыл предварительно вымыть руки, а потому и запачкал ее никотином, правда совсем немного, но достаточно для того, чтобы я заметил.

— Все это в высшей степени логично; кроме того, ты забываешь...

— Что такое?

— Наставление Лукаса Мендеса: левая сторона — хороша, так как находится со стороны сердца.

— Ах да! Ведь ты прав; он все предвидел, и все пока происходит так, как он сказал. Слава Богу! Я нажимаю!

— Что ж, нажимай!

Дон Торрибио надавил на пружину; часть стены тотчас же повернулась и открыла вход в подземелье.

— А-а! Теперь они в наших руках! — вскричал Пепе Ортис.

— Клянусь честью, и я начинаю убеждаться в этом! Иди за мной.

Они решительно вступили в подземелье, и стена сама закрылась за ними.

ГЛАВА III. В которой дон Торрибио и Пепе Ортис продолжают свои поиски

Лишь только стена приняла свое прежнее положение, Пепе Ортис хотел податься вперед, но дон Торрибио остановил его, прошептал:

— Остерегайся!

— Хм! Чего же остерегаться?

— Пока что все, что мы сделали, — ничто в сравнении с тем, что нам сейчас предстоит.

— Я не понимаю тебя.

— Выслушай, тогда поймешь.

— Да, верно, я просто дурак, что вечно спешу!

— Вот именно. Посмотри-ка на землю, на ней ясно видны следы лошадиных ног, наши враги, следовательно, не сходили с седел.

— Да, ты прав.

— Я сразу заметил это, а потому и сказал тебе «остерегайся». Это подземелье после множества поворотов должно иметь выход не внутри асиенды, а снаружи ее — в дом не въезжают на лошадях. Я думаю, что подземелье наверняка выходит на площадку, шагах в ста от асиенды. Мы имеем дело с людьми осторожными; нам предстоит преодолеть еще немало препятствий, прежде чем мы доберемся до этого таинственного жилища. Для этого, очень может быть, требуется какое-нибудь особенное действие или условный знак, которого мы не можем знать. Если мы будем руководствоваться намеренно оставленными следами, то можем очутиться в западне, и тогда все потеряно. Теперь ты понимаешь меня, брат?

— Думаю, что понимаю; но что же нам делать? Мы и без того находимся в безвыходном положении!

— Очень возможно. Для меня очевидно, что в этом подземелье несколько секретных ходов, в противном случае его устройство было бы нелепым. Наверное, отсюда можно попасть и в сам дом, и в потайные комнаты. Только надо отыскать эти ходы.

— Да, если допустить, что они существуют, хотя, после всего, и это возможно!

— Не возможно, а точно, говорю тебе!

— Хорошо, но как их открыть?

— Это быть может не так трудно, как ты полагаешь; только надо быть

терпеливым и обладать хорошим зрением.

— Вряд ли наши поиски увенчаются успехом!

— Ба-а! Попробуем.

— Обязательно попробуем! Я готов. С чего начнем?

— Давно бы так! Слушай меня внимательно и постарайся как следует уяснить то, что я тебе сейчас скажу. Мы изучим этот след дюйм за дюйм, линия за линией, если нужно. Мы ведь сняли следы всадников, которых преследуем?

— Да, все до единого!

— Прекрасно; теперь мы должны попробовать найти среди всех этих следов и даже под ними такой, которого мы не знаем: если мы найдем его, то половина дела сделана, так как этот самый след, как бы незначителен он ни был, прямо укажет нам на один из секретных ходов.

— А ведь это правда! — вскричал Пепе Ортис, хлопнув себя по лбу. — Так вот почему ты остановил меня!

— А-а! Теперь ты понимаешь! Суть не в том, чтобы не терять следа, как это делают все лесные охотники, надо еще уметь уловить его, что доступно только искателям следов в пампасах. Для нас это пустячное дело, если мы хорошенько возьмемся за него. Разделим этот кусок земли и примемся за работу.

— За работу, так за работу. Да, брат, ты всегда будешь моим властелином.

— Нет, ты стоишь не меньше меня, но ты любишь спешить, не размышляя. Отсюда твоя кажущаяся несостоятельность. Зажги для меня вторую лучину.

Пепе Ортис исполнил приказание, после чего оба искателя следов приступили к работе.

Началось нечто непонятное, невообразимое. Молодые люди, согнувшись почти вдвое, рассматривали каждую крупинку песка, изрытого ногами лошадей и их хозяевами; с сосредоточенным взглядом и сдвинутыми бровями они внимательно разглядывали каждую неровность земли и различали в ней такие подробности, какие для постороннего глаза остались бы незаметны, даже если бы их рассматривали в сильную лупу.

Это странное исследование продолжалось приблизительно минут двадцать—двадцать пять. Потом вдруг, точно сговорившись, они оба разом выпрямились и, приложив одновременно руки к стене, проговорили в один голос: «Здесь!» — после чего оба вздохнули с облегчением.

Они не ошиблись: их розыски действительно не остались бесплодными.

Они прошли около двух третей всего подземелья и остановились у правой стены.

Как раз между ними, на высоте четырех с половиной футов, виднелось на пожелтевшей стене пятнышко величиной с горошину. Его едва можно было различить на мраморе среди массы черных точек, которые каменщики называют обыкновенными слизняками.

Но наших искателей следов провести было трудно. Благодаря своему изумительному зрению они заметили это пятно, каким образом — невозможно ответить, но после непрерывных и тщательных поисков их взгляды как по волшебству остановились на стене, и слизняк был обнаружен ими.

Этот невероятный факт только убедил молодых людей в том, что они идут прямо к цели; они даже удивились бы, если бы результат был иным — так они были уверены в нем. Не могла же их работа пропасть даром!

Первым делом они замели свои следы, оставленные на том участке земли, который исследовали, затем возвратились к прежнему месту.

Дон Торрибио сильно надавил на пятно; оно углубилось в стену, и кусок скалы тотчас повернулся вокруг себя и открыл вход в длинную и узкую галерею с довольно крутым спуском. Молодые люди вошли туда, закрыли за собой вход и смело двинулись вперед по галерее.

Миновав несколько секретных проходов, которые они открыли без всякого труда благодаря свойственной им проницательности, они убедились, что находятся уже внутри асиенды и проходят по ее коридорам, которые соприкасаются с апартаментами.

Сначала они не обращали внимания на некоторые галереи и тайные проходы, попадавшиеся на их пути, чтобы не отвлекаться от тех следов, которые они нашли в первом подземелье и которые они не выпускали из виду.

Эти следы заинтриговали или, вернее, сильно обеспокоили дону Торрибио. Кто их оставил? Кто этот человек, которому так хорошо были известны все ходы и выходы этого таинственного жилища? Друг это или недруг? Вот что необходимо было выяснить как можно скорее, какой бы то ни было ценой, хотя бы ради этого пришлось проблуждать целую ночь в этом громадном подземелье.

Для достижения цели ему нужно было действовать крайне осторожно и на свободе, не опасаясь шпионов и изменников, а человек, которого он преследовал, был, по всей вероятности, или тем, или другим. Вдобавок, ему закрадывалась в голову мысль, что этот незнакомец обладал неким мощным оружием, которым он еще не успел воспользоваться. По какой

причине такая небрежность? Несомненно, он не является обитателем асиенды, даже не временный ее жилец. Какая же у него цель жить так скрытно, следить за всем, что творится вокруг и быть невидимым свидетелем общественной и частной жизни владельцев и гостей асиенды?

Может быть, это неизвестный бандит, узнавший случайно всю тайну и хранящий ее, чтобы в один прекрасный день воспользоваться ею с целью одному завладеть несметными сокровищами, накопленными в течение целых веков в этом таинственном жилище?

Но если это так, то каким образом дон Мануэль и его сообщники, которые так тщательно охраняли свою берлогу, не проведали о намерениях этого человека?

Каковы бы ни были его осторожность и ловкость, во всяком случае, ему нелегко было бы остаться незамеченным среди всех шпионов, спрятанных в окрестностях асиенды и постоянно за всем следящих.

Но все эти предположения и еще многие другие не удовлетворяли дону Торрибио. Для него тут была какая-то тайна, над которой он ломал голову; и чем более она казалась ему непроницаемой, тем больше он чувствовал необходимость разгадать ее как можно скорее. Невозможно добиться успеха, когда не хватает уверенности в своих действиях; можно наделать массу непоправимых ошибок, если чувствуешь, что над тобой тяготеет неведомая сила, которая ежеминутно может воздвигнуть непредвиденные и непреодолимые препятствия.

Было два часа утра, а молодые люди все еще колесили по коридорам и закоулкам подземелья, и конца этому лабиринту не предвиделось; они только что повернули за угол длинного коридора, как вдруг перед ними показался, в двадцати шагах, довольно яркий свет, выходящий из полуотворенной двери и образующий на земле красную полосу.

Они остановились и затушили свои лучины.

— Хм! — произнес Пепе Ортис. — Что это значит?

— Надо посмотреть! — ответил Торрибио в раздумье.

— Хорошо! Я пойду туда.

И он схватился за пистолет, висевший у него на кушаке.

— Ты с ума сошел! — воскликнул дон Торрибио. — Ведь нас могут придушить, попробуй только выстрелить, *cuerpo de Cristo!*

— Да, правда, шум выдаст нас.

Пепе медленно вложил пистолет на прежнее место, а взамен его вытащил топор.

— Так-то лучше! — сказал он, делая шаг вперед. Но дон Торрибио удержал его за руку.

— Ты что? — спросил его Пепе.

— Ничего, только хочу попытаться счастья! — сказал решительно молодой человек.

— Ты, ты хочешь, брат...

— Не только хочу, а сейчас пойду; а ты жди меня здесь.

— Я тебя не пущу! — воскликнул Пепе с жаром.

— Я так хочу,пусти меня. Может быть, тут ничего нет страшного; во всяком случае, я осторожнее и хладнокровнее тебя.

— А если тебя убьют?

— Что же! Ты отомстишь за меня! — отвечал дон Торрибио весело.

— Ты вечно шутишь!

— Потому что ты всегда боишься; а я уверен, что этого вовсе не будет.

— Но...

— Глупый! Да если бы это была ловушка, то дверь не оставили бы открытой, тем более не зажгли бы света. Подумай только: кто бы ни был тот человек, которого мы столько времени преследуем, он, наверное, знает, что мы совсем близко от него; и дверь он открыл нарочно, чтобы предупредить нас, что он нас ждет, вот и все.

— Хм! Все это прекрасно, но...

— А! Ты меня начинаешь бесить; целую четверть часа мы тут придумываем всевозможные ужасы, точно трусы. Разве мы пришли сюда за тем, чтобы отступить? Пустите меня, говорю тебе, все будет хорошо, у меня предчувствие, оно меня редко обманывает, ты это сам знаешь: в этой комнате нас ожидает друг, который и открыл нам дверь.

— Положим, что ты прав, но я в этом не уверен.

— Я буду осторожен, не беспокойся, меня не так-то легко убить, как ты полагаешь; к тому же, тебе отсюда все будет видно, а в случае надобности, ты тотчас же явишься выручать меня.

— Ну хорошо, иди, раз ты этого требуешь так решительно!

— Наконец-то, давно бы так!

— Но при первом же подозрительном звуке...

— Ты вбегаешь. Итак, решено!

— Боюсь я за тебя.

— Ба-а! — пожал он плечами. — Риск — благородное дело.

Пожавший руку Пепе Ортису, молодой человек, который при всей своей храбрости, был очень осторожен, стал подкрадываться на цыпочках к раскрытой комнате, а его молочный брат остался в тени, с двумя пистолетами в руках, готовый ко всему.

Дон Торрибио подвигался очень медленно; но не успел он сделать и

пятнадцати шагов, как вдруг дверь освещенной комнаты распахнулась и на пороге показалась тень человека.

Дон Торрибио остановился, машинально схватившись за один из пистолетов, висевших на его кушаке.

— Не бойтесь ничего, дон Торрибио! — произнес голос, показавшийся ему знакомым. — Идите смело вперед; меня, опасаться вам нечего, я друг ваш. Враг не так бы встретил вас!

— Valgame Dios! — воскликнул молодой человек, храбро двинувшись вперед. — Друг вы мне или недруг, но вот я перед вами!

— Я давно ждал вас, а также и вашего слугу, Пепе Ортиса! — возразил радостно незнакомец.

— А! в таком случае, я здесь! — отозвался весело Пепе, очутившись двумя прыжками подле своего брата.

— Добро пожаловать, сеньоры! — вежливо приветствовал их странный собеседник, отодвинувшись на несколько шагов, чтобы пропустить их.

Молодые люди доверчиво переступили порог и вошли в комнату, освещенную фонарем, стоящим на столе.

Они оба воскликнули от изумления, узнав человека, пригласившего их войти.

Это был не кто иной, как Лукас Мендес.

— Тише! Сеньоры, — сказал он, приложив палец ко рту, — будем говорить шепотом, а то нас могут услышать; у нас тут соседи, за этой стеной.

— Вы, здесь, Лукас Мендес! — сказал дон Торрибио, понижая голос.

— Как видите, ваша милость, и готов к вашим услугам.

— Но каким образом все это случилось?

— Разве вы забыли, что я состою на службе у дона Мануэля де Линареса?

— Как же! Но это нисколько не объясняет мне вашего присутствия в этой потайной комнате...

— О существовании которой мой новый хозяин ничего не знает; не так ли, ваша милость?

— Да, действительно.

— Позвольте мне в настоящее время ничего не ответить вам по этому поводу. Пусть вам будет известно только, что в течение многих лет я обладаю секретом тайников этого дома, — сказал он со странной улыбкой — может быть, вы скоро узнаете все, и тогда поймете мотивы моего молчания.

— Хорошо, я буду ждать; но по крайней мере, надеюсь, вы объясните мне, каким образом вы могли здесь ожидать меня?

— Последний раз, когда я виделся с Пепе Ортисом, пришедшим ко мне вместо вас, я передал вам через него вре указания, какие мог, не нарушая своей клятвы, затем, я рассчитывал на ваш ум и ловкость, как искателя следов, ловкость, о которой рассказывают чудеса; и я надеялся, что указав вам путь косвенным образом, насколько это зависело от меня, помогу вам открыть тайну этих подземелий. Как видите, моя надежда оправдалась, за что я благословляю небо. Теперь ничто не препятствует мне дополнить ваше открытие, дав вам все необходимые сведения для дальнейших действий.

— Отлично, я с радостью принимаю их, это мне даст возможность сберець дорогое время, а вы сами знаете, как я спешу все покончить!

— Не более меня! — проговорил старик прочувствованным голосом.

— Так вот почему я встретил вас здесь?

— Для этого, во первых, ваша милость; а во вторых, потому что ваше присутствие необходимо в собрании главных вождей союза платeadос, происходящем в настоящую минуту.

— Viva Dios! Вот прекрасная идея, Лукас Мендес, друг мой! Где они собрались, эти мексиканские свиньи?

— В столовой, они там ужинают с аппетитом. Они явились сюда не более, как час тому назад; и так как они утомились после длинного пути, то и поспешили сесть за стол. Платeadос еще не начинали разговора о серьезных вещах; вы пришли как раз вовремя.

— Слава Богу! Не будем терять ни минуты! Прошу вас, проведите меня в такое место, откуда я мог бы все слышать!

— Пойдемте, ваша милость; нам нужно для этого сделать всего только несколько шагов.

Он взял фонарь и, дав молодым людям знак следовать за собой, вышел из комнаты, дверь которой осталась открытой.

Пройдя за несколько минут всевозможные проходы, они подошли к двери. Лукас Мендес отворил ее без шума, поставил свой фонарь на землю снаружи и, обратившись к молодым людям, проговорил:

— Ни слова, ни жеста, которые бы выдали наше присутствие в этой комнате: как вам все будет слышно, так же и вас услышат!

— Не бойтесь ничего!

Тогда старик провел их в совсем темную комнату и за руку довел до софы, на которую они и сели, затем он надавил пружину, после чего открылась наверху стены светлая дыра, из которой распространились тепло

и запах кушаний, и в то же время послышались голоса так отчетливо, как будто бы собеседники находились в той же комнате, где были спрятаны они сами.

Момент был выбран удачно: дон Бальтасар Турпид, по настоянию донна Мануэля де Линареса, собирался объяснить, по каким мотивам он завязал отношения с доном Порфирио Сандосом и почему он ссудил его тремястами тысячами пиастров. Дон Торрибио не мог попасть более кстати: платеадос развивали при нем весь план своих действий.

С замирающим от радости сердцем, молодой человек слушал о всех перипетиях, столь интересных для него, о кознях, замышляемых доном Бальтасаром и так горячо одобряемых его сообщниками. Заседание длилось долго, но это не могло утомить донна Торрибио; он лихорадочно следил за циничной откровенностью этих бандитов высшего света, хитрость и мошенничества которых вызывали у него невыразимое отвращение, смешанное с инстинктивным и суеверным ужасом.

Когда все шестеро встали из-за стола и распрощались друг с другом, и на асиенде воцарилась тишина, молодой человек остался с минуту недвижим, с головой, опущенной на грудь и в глубоком раздумье, волнуемый разнообразными чувствами. Неужели он действительно слышал этот омерзительный разговор; не было ли это кошмаром?!

Лукас Мендес, конечно, понял, что происходило в душе юноши; не произнося ни слова, он надавил пружину; открылась секретная дверь и перед их глазами показалась столовая в беспорядке, оставленном после ужина.

Дон Торрибио сейчас же встал, заглянул через порог, и, проговорив несколько слов, которые мы привели выше, отскочил назад с неизъяснимым отвращением; секретный вход тотчас закрылся за ним.

— Теперь, Лукас Мендес, — сказал он глухим голосом, — проведите меня в такую комнату, где мы могли бы свободно переговорить, чтобы нас не услышали!

— Пойдемте, ваша милость! — ответил старик, поклонившись.

Несколько минут спустя они вышли в довольно большую комнату, со скромной обстановкой; на столе был приготовлен холодный ужин.

— Здесь вам нечего бояться, ваша милость! — сказал Лукас Мендес.

— Где мы?

— За спальней старого графа, в которой теперь помещился дон Мануэль де Линарес.

— Не здесь ли останавливался дон Порфирио во время своего пребывания на асиенде?

— Здесь, ваша милость!

— В таком случае, тут должен быть скрытый вход.

— Этих ходов имеется не по одному, а по два в каждой комнате асиенды.

— О-о! Какое излишество предосторожностей!

— В ту эпоху, когда дом строился, эти предосторожности были необходимы.

— Мне по этому поводу рассказывали очень любопытную легенду, но я не прочь был бы узнать истину!

— Но вам не мешало бы закусить, ваша милость. А пока вы будете ужинать, я в нескольких словах постараюсь объяснить вам кое-что.

— Согласен, хотя не чувствую особенного аппетита. Разговор этот, на котором я присутствовал, совсем расстроил меня; до сих пор я и не воображал, что возможно существование подобных мерзавцев!

— Человек — самое подлое и в то же время жестокое создание, ваша милость. Он злоупотребляет способностями, полученными им от Бога, чтобы тиранить все окружающее, в угоду своим порокам и страстям.

— Это суцая правда! Садись там, против меня, Пепе, ты, наверное, проголодался.

— Не особенно, друг мой; но, раз вы мне разрешаете...

— Конечно, садись же; мы тут свои люди!

Все сели и принялись за еду. Лукас Мендес прислуживал.

— Дорогой мой Лукас Мендес, — начал дон Торрибио, напуская на себя веселость, — вы для меня ходячая загадка, которую я не могу никак разгадать.

— Меня, ваша милость? — проговорил старик со странной улыбкой.

— Да как же! Как выражаются мои друзья, французы, вы сотканы из одних тайн. К счастью, я не слишком любопытен, а то бы просто иссох из-за вас. Все в вас необыкновенно и странно в высшей степени. Честное слово, я вас не понимаю: вы мне говорите о мести; отлично, я с вами действую заодно. Год спустя случай сталкивает нас здесь. Оказывается, совсем неожиданно, что мы оба охотимся за той же дичью. Вы оставляете меня, чтобы служить или, вернее, мстить человеку, которого я сам преследую. Сегодня вечером я нахожу вас полновластным хозяином тайны, которая никому не доступна; и к довершению всего, невзирая на ваше пламенное желание мести, на ваши сведения, от которых зависит мой успех, вы ничего не объясняя мне, спокойно предоставляете мне самому выпутываться из этого дела.

— Разве вам не лучше обойтись без меня, ваша милость?

— До известной степени, пожалуй; но мы из-за этого потеряли драгоценное время!

— Может быть, ваша милость; но есть еще один владелец этой тайны; и он заинтересован не менее моего в этой истории; скажу вам более, он ваш друг, ваш союзник, однако и он вынужден хранить молчание.

— О ком вы говорите?

— Разве вы не знаете дона Порфирио Сандоса?

— А-а! — засмеялся он. — Но уж это кажется колдовством. Берегитесь, Лукас Мендес, я скоро начну думать, что вы дьявол, и буду заклинать вас, мой друг!

— Ваша милость ошиблись бы: я простой смертный и самый преданный ваш слуга.

— Это возможно. Но, однако, странный же вы слуга, я таких еще не встречал. Тем не менее, серьезно, неужели вам не надоело хранить все эти тайны и вы не находите, что теперь настало наконец время все разъяснить?

— Увы, ваша милость, для меня слишком тяжелы все эти тайны. Клянусь вам, что они даже свыше моих сил! Но, к несчастью, разъяснение их зависит не от меня; это случится мало-помалу, само собой, в силу обстоятельств; да вот уже сейчас — разве вы не узнали больше, чем вам было известно месяц тому назад?

— Сагау! Еще бы: месяц тому назад я ровно ничего не знал! Но откуда вы сами знаете, что дон Порфирио Сандос отказался открыть мне секрет этой асиенды?

— Я давно знаком с доном Порфирио!

— Вы? Но ведь вы сами же говорили мне, что вот уже двадцать лет...

— И даже больше, как я покинул Мексику; но еще задолго до этого времени я знал дона Порфирио.

— В таком случае, почему же он не узнал вас?

— Это весьма естественно, ваша милость! Лета и пережитые страдания совсем изменили меня; к тому же, дон Порфирио думал, что меня уже давно нет в живых.

— Все это возможно, — пробормотал дон Торрибио в раздумье, — но еще одно слово: кто вам рассказал об этой асиенде?

— Сам граф, ваша милость; я воспитывался с малых лет в его доме.

— Вы?

— Да, ваша милость, граф меня очень любил. Что же касается того, что вы желали узнать...

— Друг мой, вы отвлекаетесь от сути.

— Нисколько, ваша милость; да разве я не получил вашего согласия?

Дон Торрибио закусил губу.

— Да, правда; больше я не стану спрашивать вас, раз вам это не нравится. Итак, возвратимся к легенде.

— В ней есть доля правды среди массы лжи. Достоверно то, что эта асиенда была построена тридцать лет спустя после завоевания неким Ксолотлем, принцем Сиболы, с целью уберечь его неисчислимы богатства от алчности испанских авантюристов и в особенности от знаменитого Альваро Нуньеса Кабеса де Вака, первого европейца, осмелившегося вступить в эти края, где скрывались последние мексиканские патриоты. В то время гора эта была не такой, на нее легко можно было подняться с какой угодно стороны. Принц выписал известного испанского архитектора и поручил ему постройку замков наподобие тех, которые создавались в те времена: с двойными и тройными стенами и потайными ходами. Так как принц был несметно богат и имел массу вассалов, то работа продвигалась с невероятной быстротой. В каких-нибудь два года асиенда была окончена; получилось превосходно, в чем, я думаю, вы сами убедились.

— Действительно, мне кажется, даже в Европе невозможно встретить более законченной и обдуманной постройки!

— Дон Альваро Нуньес Кабеса де Вака пришел к тому же заключению. Во время его месячного пребывания на этой асиенде ему не удалось решительно ничего открыть, хотя, одному Богу известно, насколько этот человек был пронырлив, вследствие своей алчности.

— Но меня удивляет, что архитектор, автор этого чудного творения, не выдавал секрета его.

— Увы, ваша милость, это случилось, быть может, помимо его желания! — сказал Лукас Мендес с насмешливой улыбкой.

— Как же так?

— Этот архитектор привез с собой человек двадцать опытных экспертов, работой которых он руководил при постройке тайных ходов, пружин и прочее. По окончании работ принц щедро наградил их всех.

— Так и следовало!

— Но, к несчастью, ему показалась насмешливой улыбка на губах архитектора, во время клятвы последнего никогда не открывать секретов нового жилища. Принц не сказал ни слова, сделав вид, что ничего не заметил. Он даже обещал ему навьючить на мулов целую грудку золота.

— О-о! Вот что называется царским вознаграждением!

— Не правда ли, ваша милость? Но, повторяю вам, принц был несметно богат и щедр, к тому же он остался доволен работой: и вместо десяти мулов, он дал двадцать. Архитектор со своими спутниками и с

хорошей охраной отправился в Мексику. Но дня три спустя после их отъезда с асиенды на них ночью напали индейцы, позарившись, конечно, на их сокровища. Испанцы, как рассказывали, защищались отчаянно, но не могли устоять под натиском многочисленного неприятеля и пали все до последнего, после тяжелых мучений: вы сами знаете жестокость индейцев!

— Таким образом, секрет...

— Был унесен ими в кровавые могилы.

— Ловко сыграно!

— Может быть; но никогда ни у кого не было подозрений против принца: в то время в этом краю хозяйничали индейцы.

Не прошло и шести месяцев, как выстроили асиенду, как вдруг сделалось страшное землетрясение, которое совершенно изменило внешний вид края: гора на половину обрушилась и с той поры сделалась такой неприступной, какой вы ее видите сейчас. Что же касается асиенды, она осталась невредимой каким-то сверхъестественным образом; ни один из ее камней даже не тронулся. Только она сделалась как будто еще недостижимее. Принц был в восторге, что его секрет остался навсегда только в его собственных руках.

Мало-помалу воспоминание об этих событиях обратилось в легенду, переходя из уст в уста индейцев и охотников. В настоящее время мы с доном Порфирио единственные, которым известна эта история; асиенда остается собственностью той же фамилии, и, с Божьей помощью, оно так будет еще долгое время!

Лукас Мендес произнес последние слова с таким выражением, от которого молодой человек содрогнулся.

— Да услышит вас небо! — сказал он, — но, по всем вероятностям, граф и его сын умерли.

— Quien sabe? Кто знает? — проговорил старик мрачным голосом, — иногда и мертвецы выходят из могил, чтобы отомстить убийцам. Но, — переменил он тон, заметив, что молодой человек перестал есть, — не желает ли ваша милость отдохнуть теперь?

— Нет, у меня есть дело! Пепе, ты сейчас отправишься, ведь ты не слишком устал, надеюсь?

— Чтобы исполнить приказание вашей милости, я всегда бодр.

— Ладно. Лукас Мендес, мне нужно написать письмо!

— Вот все, что вам нужно, ваша милость! — сказал старик, передавая ему бумагу, перья, чернила и прочее.

— Благодарю!

Дон Торрибио закурил сигару, подумал минуты две-три, затем написал

строк двадцать скорым и изящным почерком. Перечтя написанное, он сложил бумагу наподобие письма, запечатал и, повернувшись к Пепе, стоявшему позади его, сказал:

— Это письмо должно быть доставлено дону Порфирио как можно скорее. Гони свою лошадь во весь дух; пусть она потом хоть отдохнет, только догони дона Порфирио. Для нас очень важно вовремя предупредить его. Повтори ему все, что мы тут слышали, я предупредил его, что ты дашь ему все нужные сведения.

— Где я могу найти дона Порфирио, ваша милость?

— В Тубаке или по пути из Марфильского ущелья.

— Я поищу его и найду.

— Поезжай и не дремли!

— Ни одной минуты не потеряю даром.

— Лукас Мендес, проводите, пожалуйста, к ближайшему выходу.

— Где вы оставили лошадей, ваша милость? — спросил старик.

— Мы их спрятали в лесу около какого-то заброшенного замка, в дупле красного дерева, на правом берегу Рио-Салинаса.

— Гм! Если вы выйдете с этой стороны, то потеряете много времени понапрасну. Я проведу вас к противоположному выходу с горы и дам вам вполне отдохнувшую лошадь; так вы выиграете целых четыре часа.

— Хорошо; но что мне делать после того, как я передам письмо дону Порфирио?

— Ты привезешь мне сюда ответ; я буду ждать тебя! Смотри же, торопись!

— Будьте уверены во мне, ваша милость!

Они вышли. Лукас Мендес почти тотчас же вернулся, пробыв в отсутствии не более четверти часа.

— Пепе Ортис уехал! — сказал он.

— Очень рад! Я же теперь отдохну несколько часов. Не можете ли вы предупредить донью Санту, чтобы мое неожиданное появление не испугало ее? Мне нужно переговорить с ней.

— В котором часу вы желаете видеть сеньориту, сеньор?

— Около восьми или девяти часов утра.

— Я предупрежу ее, ваша милость.

— Никто не должен знать об этом свидании!

— Ведь ее опекун объявил, что уезжает сегодня утром.

— Я не помню, говорил ли он об этом.

— Ну, это все равно; я уж устрою так, чтобы вам никто не помешал. В конце концов вы всегда можете вовремя скрыться.

— Правда. Теперь дайте мне плащ и охапку соломы: я просто изнемогаю от усталости.

— Вот комната, приготовленная для вашей милости! — сказал старик, открывая боковую дверь.

Молодой человек вошел в небольшую комнату, в которой нашел кровать с меховым покрывалом.

— Я отлично засну здесь, — сказал дон Торрибио, — разбудите меня, Лукас Мендес, не позже семи часов, мне нужно еще кое-что спросить у вас.

— В семь часов, как всегда, я буду к вашим услугам, ваша милость; приятного сна! — И, распрощавшись, старик вышел.

Молодой человек положил свое оружие на стол — так, чтобы можно достать его рукой, затем, не раздеваясь, бросился на постель и через пять минут уже спал крепким сном.

А Лукас Мендес сел на стул, спинка которого упиралась в дверь комнаты его господина, и не спал, оберегая его сон.

ГЛАВА IV. Отчего дон Порфирио остановился на главной площади пресидио Тубака

Некоторые писатели, не заботящиеся о географической точности, описывают Америку, не имея о ней ни малейшего представления, так как их экскурсия в Новый Свет ограничивалась Ниццей или Монако. Да будет им известно, что Тубак никогда не был городом — ни большим, ни малым, а тем более столицей штатов, Соноры или Аризоны.

Пресидиос, или крепости и форты, как показывает само их название, находились в ту эпоху во власти испанцев и представляли из себя посты, на которых выстроены были исправительные дома, содержащие в себе каторжников и солдат на карауле.

Испанское правительство построило на индейской границе в торговых целях ряд крепостей, сообщавшихся между собой и предназначенных для обмена товарами с краснокожими и для защиты от них же, если бы им вздумалось попытаться грабить и жечь замки и асиенды жителей Новой Испании или нынешней Мексики.

Тубак, расположенный у подошвы горы Пахаррос, на самом возвышенном месте Аризоны, принадлежащей теперь Соединенным Штатам, являлся форпостом цивилизации в этих краях. Бдительность караула, устроенного в нем, распространялась даже на необозримую пустыню Апачерию.

Это пресидио состояло из двойной укрепленной ограды, маленькой крепости и фактории для обмена товаров с краснокожими. Несколько свободных жителей, поместившихся в Тубаке и подчиненных очень строгой военной дисциплине, жили в небольших домиках, построенных без всякого плана и походивших скорее на индейские хижины, чем на жилища цивилизованных людей.

Но эти ранчо, казавшиеся такими мизерными, хранили в себе целые миллионы. В этом уголке колоссальные состояния создавались с невероятной быстротой. Действительно, в Тубаке организовались всевозможные экспедиции искателей золота. Здесь же устраивались свидания беглецов, лесных бродяг и охотников, всех этих передовых людей поневоле. Кроме того, здесь же происходил обмен мехов на слитки золота или серебра, найденных в рудниках саваны.

Жизнь в Тубаке кипела в то время ключом: золото тратилось в изобилии. Из освещенных на всех углах и перекрестках кабаков раздавалось пение. Мескаль, пульке и каталонское рефино лились рекой; под звуки виуэл и харан⁷ шла пляска танцовщиц, собиравшихся сюда со всех концов вице-королевства, чтобы поживиться хоть частицами драгоценного металла, расточаемого пригоршнями за одну улыбку или ласку. Хорошее то было время!

Теперь все крепости снесены, а от Тубака остались одни развалины. Население его уменьшилось на две трети. Всюду появилась нищета. Революция, анархия, постоянные войны и восстания совсем уничтожили пресидию; и тени не осталось от того, что было: улицы пустынные, дома заброшены и валяются от дряхлости; кабачки, мрачные и молчаливые, не видят больше веселых гостей. Жители прозябают; разве изредка кое-где вечером при слабом мерцании звезд, можно встретить несколько бледных, изможденных субъектов, в отвратительных лохмотьях, лежащих или сидящих у дверей своих лачуг и вяло ведущих беседу, или курящих папиросы. Куда девались звонкий смех, шутки, сладостные танцы, харабе и пульке?! Теперь всюду — убожество и нищета.

Только изредка устраивается какая-нибудь экспедиция, или наезжают авантюристы. Тогда на несколько дней пресидию Тубак пробуждается от своей спячки; от летаргии переходит к опьянению и надеждам. Но экспедиция уезжает, и опять воцаряется тишина и оцепенение.

Но вот приблизительно неделю тому назад в Тубаке поселились около дюжины каких-то субъектов, которых, судя по их костюмам, можно было принять за охотников или лесных бродяг, но по их непринужденной походке и более чем подозрительным манерам легко было сразу догадаться, что это авантюристы.

Их заметили однажды утром, на восходе солнца, стучащими изо всех сил в дверь трактира. Невозможно было определить, откуда они явились: с севера или с юга, с востока или запада.

С момента своего водворения эти авантюристы ужасно шумели, кутили, пьянствовали и дрались, играя в монте⁸ с остервенением — денег у них было много: их карманы оттопыривались от золота. Но так как они напивались с самого утра, то от них самих нельзя было узнать, кто они и откуда; на все вопросы, обращенные к ним любопытными, они пожимали плечами и поворачивали спину, отвечая первую чепуху, пришедшую им в голову.

Заметили только одно обстоятельство, не играющее, впрочем,

особенной роли: каждый день за час до восхода солнца один из них садился на лошадь и уезжал из пресидио, куда возвращался лишь с наступлением ночи.

Этот авантюрист выезжал то с одной стороны, то с другой; и когда приезжал обратно, то лошадь его была измучена от усталости, а одежда была вся в пыли.

Тысячу раз пробовали разузнать причины этой экскурсии, но безуспешно: авантюристы не выдавали тайны этих поездок.

Такое странное поведение их продолжалось уже десять дней, как однажды в субботу, около трех часов пополудни, авантюрист, который утром покинул пресидио, в обеденный час прискакал в Тубак во всю прыть.

Прочие авантюристы, рассеянные по тавернам, собрались в одну минуту и обступили новоприбывшего, конечно, чтобы выслушать его донесение, сделанное тихим голосом. Затем последовал спор, которого никто из посторонних не мог расслышать, но который казался очень оживленным и длился около часа; потом по знаку одного из них, которого они признавали, по-видимому, за начальника, все разошлись с беспечным видом и вновь принялись за вино и игру.

День прошел спокойно. Только спустя несколько минут после заката солнца, когда стало совсем темно, жители Тубака к своему великому удивлению заметили, что все авантюристы уехали. Они исчезли так же внезапно, как и явились. Но жаловаться на них было нечего: несмотря на свои бесчинства, они нигде не остались в долгу, заплатив все, что следовало; только и было, что разожгли всеобщее любопытство.

Можно себе вообразить, сколько последовало комментариев по поводу этого исчезновения! Не зная, чему его приписать, стали выдумывать невероятные, фантастические истории, и Бог знает, до чего довело бы возбужденное воображение достойных жителей пресидио, если бы к девяти часам вечера, в ту минуту, когда на звездном небе выплыла луна, их не остановил бы шум, сначала неясный, но все возрастающий по мере приближения и который они признали наконец за топот кавалькады.

Это войско, прекрасно вооруженное, состояло из ста пятидесяти или двухсот человек, под командой трех офицеров. ; Кавалькада двигалась в военном порядке; в середине этого блестящего эскадрона гарцевали несколько дам, около которых ехал офицер в полной форме.

Всадники проехали через пресидио шагом; стрелки и охотники были в сарапе; при свете луны блестела сталь их копий и ружейных стволов, слышалось бряцанье сабель, ударяющих о лошадиные сбруи.

Путешественники достигли главной площади и намеревались, кажется,

проехать мимо, нигде не останавливаясь; в арьергарде было пятнадцать мулов с двадцатью всадниками.

В ту минуту, когда начальник стрелков, ехавший на несколько шагов впереди солдат, начал поворачивать свою лошадь налево с очевидной целью проехать в пустыню кратчайшим путем, хозяин одного трактира, находящегося напротив ратуши — единственного, который был освещен — поспешно подошел к офицеру, и, вежливо кланяясь ему, сказал:

— Buenos noches⁹, сеньор капитан!

— Buenos noches, сеньор! — тотчас же ответил офицер.

— Мне бы хотелось, — начал содержатель гостиницы, — сказать вам несколько слов, кабальеро. Если я не ошибаюсь, вы начальник отряда?

— Я всего лишь один из них, сеньор, — ответил капитан, — наш командир — вон тот офицер! Если вы имеете что-либо сообщить, то обратитесь к нему.

— Благодарю, сеньор капитан, — ответил трактирщик отодвигаясь назад, чтобы освободить проход, — я сейчас переговорю с ним.

Он подождал, пока указанный офицер поравнялся с ним, затем, приблизившись к нему, почтительно снял свой жирный и грязный колпак и с изысканной вежливостью сказал незнакомцу:

— Одно слово, пожалуйста, сеньор кабальеро!

— Что вам угодно? — ответил всадник сдержанным голосом.

— Дать важный совет вашей милости.

— Говорите, сеньор Муньос! — ласково отозвался всадник.

— Ваша милость знает меня? — удивился трактирщик.

— Caray! Знаю ли я вас! — засмеялся всадник. — Посмотрите-ка на меня хорошенько! — добавил он, наклоняясь с седла.

— Дон Порфирио Сандос! Новый губернатор Соноры! — вскричал трактирщик в изумлении. — Valgame Dios! Возможно ли это?

— Как видите, Муньос, но говорите скорее, я тороплюсь!

— Ваша милость направляется, конечно, в Охо-де-Агуа?

— Точно так, хозяин, а так как мне предстоит еще проехать четыре мили, то вы понимаете, некогда терять время...

— Сегодня ночью ваше сиятельство не поедете на асиенду! — решительно сказал трактирщик.

— Как так! кто же это может помешать мне?

— Я, ваше сиятельство! Умоляю, выслушайте меня, а там уж сами решайте, стоит ли вам так спешить.

— Значит; вы хотите сообщить мне нечто важное?

— Очень важное, ваше сиятельство! Ваша милость знает, как я предан

и что на меня можно положиться.

— Конечно, Муньос, вы говорите правду, только... Трактирщик наклонился к нему и проговорил чуть слышным голосом:

— У меня к вам письмо от Твердой Руки.

— О-о! — произнес дон Порфирио, задумавшись. — Это требует размышления. Не найдется ли в вашем доме места, чтобы поместить двух дам и прислугу? — громко спросил он.

— Найдется, ваша милость! Хотя они и не найдут у меня удобств своей асиенды, но ночь скоро пройдет.

— Совершенно верно; так пойдем же все, Муньос, прошу вас!

Дон Порфирио возвратился назад медленным шагом и, обратившись к одному из всадников, сказал:

— Кастор, предупредите, пожалуйста, капитана дона Диего Леона, что мы останемся на ночь в этом пресидио. Мы расположимся на этой площади, затем ваши охотники устроят здесь бивуак.

Кастор был уже пожилой человек, но очень деятельный. Его энергичное лицо дышало прямою и храбростью; в то же время было видно, что он очень умен. Он был канадским охотником и более тридцати лет колесил пустыню по всем направлениям; ему были известны самые тайные уголки ее.

— Слушаю, сеньор, — ответил он, — разве есть какие-нибудь новости?

— Я еще ничего положительного не знаю, но что-то боюсь. Во всяком случае, капитан, примите предосторожности, и, главное, позаботьтесь, чтобы мы были в открытом месте.

— Положитесь на меня, сеньор, и будьте спокойны!

— Благодарю вас!

Тогда дон Порфирио приблизился к дамам и, поклонившись им, сказал:

— Сеньоры, не будете ли вы столь любезны дойти до этой гостиницы, где все приготовлено, чтобы принять вас?

— Разве мы здесь ночуем? — спросила более пожилая из них.

— Да, дорогая Энкарнасьон! Я рассудил, что мы еще очень далеко от асиенды, куда не доберемся раньше полуночи, а с дамами такое путешествие ночью очень затруднительно, так лучше переночевать эту ночь в пресидио.

— Татита керида (дорогой отец), — сказала, смеясь, младшая из дам, — хотя вы очень ловкий дипломат, но нас вам не обмануть; мы видели, как вы разговаривали с незнакомцем.

— Извини, дитя мое, это был хозяин того дома, в котором вы с матерью проведете эту ночь. Он объявил мне, что ваши апартаменты готовы.

— Апартаменты?! Название несколько лестное, пожалуй! — сказала молодая девушка с лукавой усмешкой.

— Хесусита, — остановила ее мать, — к чему так приставать к отцу? Какова бы ни была причина, заставившая его попросить нас остаться здесь на ночь, им руководит желание сделать нам же лучше!

— О, мама! — возразила молодая девушка, смеясь. — Отчего же мне немножко и не подразнить дорогого папу?

— Подразнить-то ты меня можешь, — ответил он с улыбкой, — твоя мать знает, как я люблю вас обеих, она справедлива ко мне!

— Но ведь с этой остановкой не связано никакой опасности, дон Порфирио? — спросила с беспокойством его жена.

— Решительно ничего, моя милая, — весело ответил он, — это простая предосторожность, ничего больше. Признаюсь, ваше присутствие делает меня трусом, я поневоле всего остерегаюсь, а потому мне можно простить эту задержку.

— Ну, довольно об этом, мы, неблагодарные, не сумели сразу оценить всю вашу заботливость! Ведите нас в гостиницу!

Дон Порфирио повел обеих дам с их служанками в дом достойного Муньоса, который хлопотал изо всех сил, чтобы привести в порядок свое убогое жилище, что ему почти удалось благодаря гамакам и багажу, который дамы везли с собой.

В это самое время капитан дон Диего Леон вместе с Кастором исполнил данное приказание: устроили бивуак на площади — к великому изумлению местных жителей, которые давно не присутствовали на подобном празднестве. Они со всех сторон обступили всадников, предлагая им свои услуги и помогая устроиться.

Охотники, приблизительно около ста шестидесяти человек, были все из канадских, американских и мексиканских лесов. В общем, все это были люди честные, решительные и воинственные. Они сохраняли во всем строгую дисциплину и вскоре вошли в мирные переговоры с жителями, и те снабдили их за весьма умеренную плату съестными припасами и напитками.

Зажгли костры; расставили караульных, затем принялись ужинать; взялись за лошадей и их корм, также позаботились о мулах; таким образом, все устроились.

Эта остановка каравана на площади в деревне или даже в городе вещь

весьма обыкновенная; на пограничных станциях она происходит всякий раз, как экспедиция собирается вступить в пустыню.

Властям пресидио не пришлось вмешиваться; только когда алькальд-майор узнал, что этот блестящий отряд состоял под командой дона Порфирио, богатого асиендадо, любимого и уважаемого всеми на пятьдесят миль в окружности, но новое назначение которого ему еще не было известно, он счел своим долгом сделать ему визит и поздравить с приездом в Тубак.

Лишь только дон Порфирио освободился, а донья Энкарнасьон с дочерью поужинали и легли спать, он позвал Муньоса, сгорая от нетерпения узнать поскорее новости, которые тот хотел сообщить ему.

Хозяин гостиницы поспешил на его зов.

— Сядьте, Муньос! — сказал ему дон Порфирио, когда тот вошел в комнату. — Теперь мы спокойны, нам нечего бояться нескромных ушей, сообщайте те важные известия, о которых вы говорили мне.

— Я готов служить вам, как всегда, ваше сиятельство, но, прежде всего, разрешите вручить вам письмо!

— Письмо! От кого? Кажется, никто не знает о моем путешествии, как же это случилось?..

— Не ломайте голову, ваша милость, я вам уже назвал автора письма, но вы забыли: это письмо от белого охотника, известного под именем Твердой Руки! — поспешно прервал трактирщик.

— Ах, да! Как это я мог забыть?! Твердая Рука, дружбой которого я дорожу, действительно знает о моем путешествии, а также и то, что я должен был проехать через Тубак. Дайте мне письмо, Муньос; вы давно получили его?

— Сегодня утром, ваша милость!

— Кто вам передал его?

— Этого я и сам не знаю!

— Как не знаете?!

— Право, не знаю!

— Однако, не само же оно попало в ваши руки?

— Не само, ваше сиятельство, хотя, судя по странности передачи, почти что так.

— Я вас совсем не понимаю.

— Сегодня утром, по обыкновению, в пресидио пришли из окрестностей пеоны продать дичь, фрукты, овощи и говядину. Вы знаете, все индейцы так схожи между собой, что их очень трудно различить одного от другого. Итак, эти люди явились сюда предлагать мне товар.

— Да что тут общего с письмом? — в нетерпении прервал дон Порфирио.

— Подождите, ваша милость, вы поймете!

— Ну, продолжайте!

— Я говорил, что эти люди пришли предложить мне товар. Я накопил несколько корзин фруктов, овощей и говядины; одним словом, пополнил свой запас, да и хорошо поступил, а то вам нечем было бы поужинать сегодня, ваша милость!..

— Это правда. Продолжайте!

— Индейцы, получив деньги ушли. Тогда я раскрыл корзины... И каково же было мое удивление, когда в одной из них увидел письмо, адресованное на мое имя?! Я не поверил своим глазам. Но мое имя было ясно написано; я раскрыл это странное послание и в нем нашел второе письмо с вашим именем; в моем же было написано всего несколько слов:

Муньос, сегодня вечером, около десяти часов, дон Порфирио, которого вы знаете, проедет через Тубак; пригласите его переночевать у вас; если он откажется, назовите ему меня и передайте прилагаемое письмо. Если он станет расспрашивать вас, сообщите ему о последних визитах в пресидио. Вы поймете, что я соблюдаю осторожность для передачи этого письма, а то оно рисковало бы быть перехваченным.

Надеюсь на вашу преданность дону Порфирию Сандосу. Дон Порфирио будет вам благодарен так же, как и я.

Твердая Рука

Вот, ваша милость; вы теперь сами видите, что я не мог знать, кто принес письмо.

— Действительно, Муньос. Где же это послание?

— Вот оно, ваша милость!

Хозяин гостиницы вытащил из-за пояса и передал его дону Порфирию; последний схватил его, распечатал и живо пробежал.

Вот содержимое письма:

Дорогой дон Порфирио,

Согласно условленному плану, вы проедете через Тубак вечером с субботы на воскресенье, и будете продолжать, не останавливаясь, свое шествие до Охо-де-Агуа, куда рассчитываете приехать к одиннадцати или двенадцати часам ночи. Я знаю из верного источника, что наши враги, предупрежденные шпионами, приняли свои меры, чтобы помешать вам достигнуть асиенды. Некоторые из них стерегут вас в самом Тубаке. Как только вы явитесь туда, они сообщат об этом своим сообщникам и все вместе будут поджидать вас в Марфильском ущелье. Их будет не менее

двухсот человек; они думают напасть на вас врасплох и легко покончить с вами. Это самые отчаянные бандиты; им заплачено дорого — значит, они будут драться, как дьяволы. Их цель завладеть доньей Энкарнасьон и доньей Хесус: вы видите, дело серьезное, надо о нем подумать.

Мой совет таков:

Переночуйте в пресидио, откуда вы выедете на другой день, в воскресенье, к девяти часам утра.

Я убежден, что вы сумеете принять всевозможные предосторожности во время вашего перехода из Тубака на асиенду. Что же касается меня, я запрячусь в засаду и внезапно прижму бандитов. Пусть наши враги нападают первые, тогда победа останется за нами.

Крики ястреба, повторенные три раза, возвестят вам о моем присутствии.

Мужайтесь и надейтесь.

Твердая Рука Асиенда дель-Охо-де-Агуа, пятница

P.S. Для пополнения сведений, расспросите Муньоса.

Окончив чтение этого странного письма, дон Порфирио подумал с минуту, потом, приблизив бумагу к огню, хотел сжечь ее; тотчас же опомнившись, сложил ее и спрятал в портфель.

— У вас тут были новости, Муньос? — спросил он трактирщика.

— Да, ваша милость. Дюжина авантюристов проживали тут десять дней и сорили деньгами направо и налево; верно, им не пришлось зарабатывать их!

— Эти авантюристы уехали?

— Да, ваша милость!

— Давно уехали?

— Сегодня ночью; и я уверен, что они удрали, испугавшись вас.

— Как же это? Но ведь они не знали о моем приезде!

— Не скажите: каждый день они посылали кого-нибудь из своих на разведку. Тот, который выехал сегодня, вместо того, чтобы остаться вне пресидио, подобно своим предшественникам, до заката солнца, возвратился, сломя голову, к трем часам. Все авантюристы сейчас же соединились для тайного совещания и затем ночью исчезли, точно провалились сквозь землю. Все это очень подозрительно.

— Хм! Да, тут что-то неладно, надо бы все выяснить. Благодарю вас за добрый совет, Муньос, я хорошо сделал, что воспользовался им, и никогда не забуду вашей услуги.

Он сунул ему в руку несколько золотых монет и встал.

— Разве вы не отдохнете, ваша милость? — спросил трактирщик.

— Нет еще, я сначала посмотрю свое войско, все ли там в порядке.

— О! Здесь вам бояться нечего, ваша милость!

— Знаю, — ответил он, улыбаясь, — но мне хотелось бы знать, удобно ли устроились мои храбрые спутники! — И, завернувшись в плащ, он вышел на площадь.

В действительности дон Порфирио был гораздо более озабочен, чем хотел показать.

Намерение бандитов захватить его жену и дочь особенно тревожило его. Он большую часть своей жизни провел в охотах по лесам, так что ему хорошо было известно, что за люди эти окрестные бродяги и пираты: это — настоящие звери, сохранившие лишь подобие человека, которые за золото готовы на самое гнусное преступление; а потому он дрожал при одной мысли о том, что ему на другой день предстоял переезд через Марфильское ущелье.

Обо всем этом он размышлял, пока шел из гостиницы в лагерь и чем больше он думал, тем больше возрастали его опасения. Было около одиннадцати часов вечера; стрелки и охотники, укутанные в свои плащи, спали, растянувшись на земле; караульщики не дремали.

Капитан дон Диего Леон спал подле огня; дон Порфирио подошел к нему, но остановился и, покачивая головой, проговорил.

— Он еще слишком молод и не знает жизни. Какой помощи, кроме военной храбрости, можно ждать от него?

И он обвел глазами вокруг себя; вдруг он вздрогнул, и на лице его изобразилась радость.

Около огня сидел на корточках человек, облокотившись локтем на колено и, подперев рукой голову, курил длинную трубку, поглядывая неопределенно вокруг себя. Видно было, что он был настолько поглощен своими мыслями, что все окружающее для него точно не существовало.

Этот человек был Кастор, которому дон Порфирио поручил командование над охотниками.

— Вот! — пробормотал дон Порфирио. — Он один может дать мне нужный совет и помочь избежать опасности.

Подойдя к огню, он сел рядом с охотником и, закулив сигару, сказал ему:

— Добрый вечер, Кастор!

— Добрый вечер, сеньор! — ответил канадец, вздрогнув, как будто его внезапно пробудили ото сна.

— Вы спали?

— Нет, я думал!

— Можно узнать — о чем? — спросил улыбаясь дон Порфирио.

— К чему, сеньор? — довольно сухо ответил охотник, — разве стоит говорить вам о разных глупостях?!

— Ба! да отчего же не сказать?! Мы убьем время: мне вот не хотелось спать, я и пришел поболтать с вами! Говорить о глупостях или о чем-либо другом, не все ли равно?

— Вы станете смеяться надо мной, и будете правы, сеньор, если я вам скажу, что мне сейчас взбрело в голову.

— Почем знать? Иногда самые безумные мысли оказываются очень дельными.

— Мы, канадцы, суеверны, сеньор!

— Что вы этим хотите сказать?

— А то, что в большинстве случаев мы думаем не так, как другие.

— Чтобы я мог ответить, Кастор, мой дорогой друг, мне нужно узнать хотя бы некоторые из этих мыслей.

— Вы правы, сеньор; да собственно говоря, отчего бы мне и не сказать вам, что меня мучит? Если вы и посмеетесь надо мной, беда не велика.

— Я не имею привычки смеяться над людьми, которых уважаю, Кастор! Насмешка всегда зла, и она оставляет неизлечимые раны. Я могу иногда шутить, но и то в известной мере, не затрагивая самолюбия моих друзей.

— О! Хорошо; дело совсем простое, сеньор. Когда вы подошли сюда, я думал о нашем путешествии, совершаемом в исключительных условиях: целых две недели нам, по-видимому, не угрожало никакой опасности.

— Совершенно верно, охотник! Что же вы думали по этому поводу?

— Я думал, сеньор, что это неестественно, нелогично, чтобы в таких опасных местах дело происходило бы именно так.

— Ну и что же, по-вашему?

— Ну, я и говорил сам себе, что остающиеся четыре мили до Охо-де-Агуа нам не удастся пройти так же спокойно, что те опасности, которые мы пока миновали, обрушатся на нас разом, совсем неожиданно, и что не далее, как завтра, не дойдя до асиенды, мы попадем в какую-нибудь западню, из которой нам не легко будет выбраться невредимыми.

— Так вот какие мысли пришли вам в голову, Кастор! — вскричал дон Порфирио в волнении.

— Да, сеньор, а теперь зовите меня ясновидцем, смейтесь надо мной, сколько угодно, я не рассержусь.

— Сохрани меня Бог смеяться над вами, Кастор, тем более, что я сам разделяю ваши мысли.

— Вы думаете то же, сеньор?

— Я неверно выражаюсь; вы действительно одарены предвидением, так как почувствовали, угадали те опасности, которым мы действительно подвергаемся.

— Я вас не понимаю, сеньор.

— Я сейчас объяснюсь; вас не удивило, что я распорядился остаться здесь на ночь?

— Конечно, удивило, сеньор, тем более что еще сегодня утром вы говорили, что остановок нигде не будет до самой асиенды, мы прибудем к десяти или одиннадцати часам вечера.

— Вы не догадываетесь, отчего я изменил мнение?

— Право, нет, сеньор, я даже не пробовал понять, отчего вы так поступаете. Разве вы не хозяин и не свободны действовать, как находите нужным без того, чтобы в этом доискивались какой-либо причины?

— Меня заставило остановиться в пресидио письмо. Вот оно. Прочтите его, и вы узнаете, что ваше предчувствие не обмануло вас.

— Сеньор! — сказал он, отталкивая бумагу, которую ему протягивал дон Порфирио.

— Прочтите это письмо, мой друг. Я не хочу иметь от вас секретов.

— Раз вы этого хотите, пусть будет по-вашему, сеньор. — И охотник быстро пробежал записку.

— Какие ужасные новости, — сказал он, возвращая ее обратно.

— Вы видите, вы почти угадали их!

— Правда!

— Что же нам делать?

— Принять предосторожность, черт побери.

— Но каким образом?

В это мгновение поблизости послышался выстрел.

— К оружию, ребята! — закричал Кастор, вскочив одним прыжком, с ружьем в руке.

В одну минуту весь лагерь был на ногах, каждый занял свой пост, готовый к сражению.

Кастор собирался послать двух-трех охотников на разведку, узнать причину тревоги, как послышался стук копыт, скачущей галопом лошади.

— Но!а, не стреляйте! Я ваш друг, Пепе Ортис, везу новости.

Это был действительно голос честного малого, который все узнали.

Кастор повернулся к дону Порфирио и, нагнувшись к его уху, тихо проговорил:

— Мне кажется, вот кто нам даст добрый совет.

— Дай Бог! — проговорил дон Порфирио так же тихо. — Он подоспел как нельзя более кстати.

Вскоре увидели молодого человека, несущегося во весь дух; в одну секунду ему освободили проход к укреплениям.

— Благодарю, кабальерос, — весело проговорил он, — еще немного места, пожалуйста!

Схватив какую-то бесформенную массу, висевшую поперек шеи его лошади, он сбросил ее на землю, где она подпрыгнула, издавши глухой шум.

— Valgame Dios! — вскричал дон Порфирио, отодвигаясь в ужасе. — Что это? Никак труп?

— Да, труп шпиона. Он изволил выстрелить в проходе, я с ним поиграл в прятки около часа, но, как видите, мне удалось очистить дорогу. Я привез его, чтобы как-нибудь узнать, откуда он взялся; может быть, его кто-нибудь и узнает.

И он спокойно соскочил на землю.

ГЛАВА V. Каким образом охотники перешли Марфильское ущелье

а площади началась невообразимая суматоха. Стрелки, охотники, женщины, дети, старики — все в один миг столпились около трупа, лежащего на земле при входе в бивуак, где Пепе Ортис сбросил его, не стесняясь. Каждый проталкивался вперед, чтобы получше разглядеть и порасспросить; все ругались, и кричали, словом гвалт стоял несмолкаемый.

Дон Порфирио, отчаявшись быть услышанным в этой любопытной толпе, столь жадной до зрелища, сделал знак капитану Диего Леону.

Тогда последний дал несколько приказаний своим солдатам, которые тотчас же взяли за оружие и, образовав ряды с помощью охотников, принялись медленно расталкивать народ, подгоняя непослушных древком своих копий; в десять минут вся площадь очистилась.

Жители, усталые, помятые и даже пораненные, вынуждены были разойтись по домам, где они и заперлись для спокойствия.

Около трупа образовался из стрелков и охотников непроницаемый круг.

— Факелы! — приказал дон Порфирио.

Появился Муньос с двумя пеонами. Каждый из них держал в руках зажженный факел.

— Наконец-то, — сказал Пепе Ортис, — мы при свете разглядим, кто этот негодяй!

— А главное, узнаем, кто его послал следить за нами, это еще важнее! — сказал капитан.

— Этот человек переодет! — произнес Кастор, покачивая головой.

— Переодет! — вскричал дон Порфирио, делая два-три шага вперед.

— Да ваша милость! — ответил охотник.

— Почему вы так думаете?

— О! Оно сразу видно, стоит только взглянуть. Посмотрите: его волосы и борода надушены; руки тонкие, белые, видно сейчас, что о них заботятся. Это — кабальеро.

— Но лохмотья, которыми он покрыт?

— Они еще более подтверждают, ваша милость, что этот кабальеро нарочно переоделся в бродягу, чтобы шпионить за нами на свободе.

— Возможно!

— Да оно так и есть.

— Не знает ли кто-нибудь из вас этого несчастного? — обратился дон Порфирио к окружающим.

Последовало всеобщее отрицание.

— Однако было бы весьма важно узнать, кто он... Тогда Муньос подошел к трупу и, наклонившись над ним, сказал:

— Погодите, я знаю его.

— Вы, Муньос?! — удивился дон Порфирио.

— Да, ваша милость; только я не могу понять, каким образом такой богач согласился надеть на себя эти отвратительные лохмотья. Вероятно, какая-нибудь важная причина заставила его так поступить, его, который всегда так заботился о своей особе! — сказал он насмешливым тоном.

— Так вы знаете этого человека? — переспросил дон Порфирио.

— Еще бы, ваша милость, этот человек, при своей жизни, не раз помогал мне заработать крупные суммы. Надо отдать ему справедливость, он не был скуп.

— Значит, вы знаете его имя?

— Как же не знать, ваша милость. Его зовут или, вернее, его звали, так как теперь для него все кончено, дон Лопес Карденас .

— Как! Дон Лопес Карденас! — вскричал дон Диего Леон. — Вы ошибаетесь, хозяин, я его прекрасно знаю: он капитан моего полка.

— Извините, сеньор капитан, вы, должно быть, хотите сказать о доне Бальдомеро, его брате, который действительно в вашем полку?

— Да, вы правы. Разве этот дон Лопес был его родственник?

— Это его младший брат, капитан, один из самых зажиточных помещиков штата, хотя говорят, он обладает всего только одной асиендой дель-Пало-Муэрто, которая не приносит никакого дохода. Однако, это не мешало ему прекрасно одеваться и иметь карманы, всегда полные золотом. Но что это ему взбрело в голову нарядиться так?

— Хм! — произнес дон Порфирио. — Вот это нам и надо узнать как можно скорее.

— Это уж предоставьте мне сеньор; мы теперь знаем, где нам готовят ловушку! — ответил Кастор. — Убитый шпион доказывает, что нас подстерегают совсем близко; но появление Пепе Ортиса, которому вполне доверяет дон Торрибио де Ньиблас, убеждает нас, что наши дела еще не так плохи, как кажется.

— И я так же думаю.

— Что же мы теперь сделаем с этим трупом? Нельзя же оставлять его здесь; если позволите, я его повешу на дереве: пусть он будет пугалом для

других птиц его полета, которые пожелают последовать его примеру.

— Как хотите; но предварительно обыщите его хорошенько; может быть, у него найдут какие-нибудь важные документы.

По знаку Кастора труп тщательно обшарили; но ничего не нашли, кроме туго набитого кошелька и нескольких драгоценностей, которые солдаты и охотники поделили между собой. Затем труп унесли и повесили на большом дереве, у входа в пресидию; после чего все разошлись по местам на покой.

Дон Порфирио пригласил Пепе Ортиса последовать за ним и они оба поместились у огня бивуака. Кастор удалился. Видно было, что он направился к охотникам, что-то сказал троим из них, после чего они взяли свое оружие, укрылись плащами и незаметно вышли из лагеря.

Кастор возвратился и сел напротив дона Порфирио и Пепе Ортиса.

— Вот что я сделал, — сказал он. — Я послал на разведку за бандитами самых хитрых сыщиков саванны. Через три-четыре часа они придут обратно, и мы узнаем, нет ли еще шпионов, подкарауливающих нас, а также уясним себе план неприятеля.

— Вам пришла прекрасная идея, Кастор; но потом что нам предпринять?

— Я и сам еще не знаю; надо сначала выслушать донесения наших посланцев; тогда мы примем свои меры.

— Вы уверены в ловкости этих людей?

— Я вам отвечаю за них. Вы себе представить не можете, на что только они способны: они на моих глазах проделали такие фокусы в этом роде, которые кажутся невероятными. Не беспокойтесь, дело — в надежных руках!

— Слушайте, Кастор, я совсем отвык от пустыни, так как очень долго жил в городах; я всецело полагаюсь на вас, вы поможете нам спастись. К тому же, и дон Торрибио верит в вашу ловкость. Поступайте по вашему усмотрению; я ни в чем не стану вам прекословить; одним словом, я вам даю карт-бланш.

— Я думаю, что вы правы, предоставляя мне эту свободу, сеньор, так будет лучше. Принимаю на себя эту ответственность, хотя она и не легка. Постараюсь все устроить как могу.

— Теперь мы немного успокоились, решивши пока неотложные дела, займемся же Пепе Ортисом, который час тому назад так странно свалился к нам, точно с неба.

— Даю вам честное слово, ваша милость, — ответил молодой человек, смеясь, — я сам не знаю, откуда я свалился; но мне известно, что вот уже

девять дней, как я ищу вас. Я уже начал отчаиваться.

— Девять дней!

— Если не больше.

— Но ради чего вы так искали меня?

— Чтобы передать вам письмо от моего господина.

— Разве дон Торрибио не на асиенде дель-Охо-де-Агуа?

— Нет, ваша милость!

— Отчего же он уехал оттуда!

— Он не мог уехать из нее, ваша милость, по той простой причине, что никогда и не въезжал в нее. Не всегда удается сделать то, что нам хочется. Вам это известно лучше, чем кому-либо, так как вы сами вынуждены были поехать в Мексику вместо Охо-де-Агуа, затем, возвратившись через три недели, вам пришлось побывать в Уресе и еще в других городах Соноры.

— Э-э, Пепе Ортис, как видно вам хорошо известны мои действия! — сказал дон Порфирио, развеселившись.

— О, да! Я много еще знаю; но думаю, прежде всего мне нужно передать вам это письмо.

Говоря таким образом, он вытащил из кармана запечатанную бумагу и протянул ее дону Порфирио.

— Еще письмо! — вскричал Кастор. — На нас сегодня просто сыплются письма.

— Я не знаю, получали ли вы другие письма, но уверен, что то, которое я вам вручаю, самое важное из всех!

— О-о! Что вы говорите?

— Я хочу сказать, что, пока сеньор дон Порфирио деятельно работал, мы, со своей стороны, тоже не сидели сложа руки.

Дон Порфирио вскрыл письмо и в один миг прочел его.

— А! — радостно вскричал он. — Если все, что гласит это послание, правда, то вы, Пепе Ортис, действительно наш добрый вестник.

— Все истинная правда, ваша милость!

— Итак, вам удалось пробраться на асиенду?

— Да, ваша милость; это таинственное жилище для нас не имеет секретов. Теперь мы его изучили лучше, чем его собственные обитатели.

— Слава Богу! Благодаря вам наше дело почти выиграно, и я не нарушил данной клятвы!

— Мы даже присутствовали с моим хозяином на тайном свидании главных вождей платадос и услышали много интересного для вас.

— Дон Торрибио упоминал мне об этом, но ссылается на вас, так как описание подробностей отняло бы у него слишком много времени.

— Я готов, ваша милость, сообщить вам все, что хотите.

— Наконец-то! Меня очень интересует, каким образом вы открыли тайну, недостижимую столько времени для всех, пытавшихся разьяснить ее.

— Я к вашим услугам, ваша милость.

— Говорите, мы слушаем!

Пепе Ортис рассказал в мельчайших подробностях историю их невероятного похождения, начиная с того момента, когда они с доном Торрибио пустились по следам платадос, и кончая тем, как он, Пепе Ортис, вышел с асиенды с поручением своего господина; рассказ его слушался с жадностью; несколько раз его прерывали восклицаниями удивления и восторга; уже прошло несколько минут, как молодой человек замолчал; но его слушатели, точно замерли.

— Это чудесно! — проговорил наконец дон Порфирио.

— Трудно даже поверить всему этому! — сказал Кастор, — мы, все другие лесные охотники, кажемся несведущими детьми перед результатами такой могущественной чудной науки! Какая сила зрения. Столько пронизательности! У меня не хватает слов, чтобы выразить весь мой восторг. А мы еще воображали, что знаем в совершенстве свое ремесло. Оказывается теперь, что мы ничто перед искателями следов буэнос-айресских пампасов; мы даже недостойны завязать ремень их обуви; да, самые ловкие и хитрые краснокожие ничего не стоят перед ними.

— А если нам завтра удастся расстроить план врагов, то они будут в наших руках; все для них будет потеряно.

— Удастся, сеньор Порфирио! — сказал охотник. — Бог за нас!

— У нас еще есть несколько часов, — сказал Пепе Ортис. — Если вы разрешите, я отдохну, так как совсем изнемогаю от усталости.

— И я тоже, — сказал дон Порфирио, — теперь я немного успокоился, и чувствую, как меня клонит ко сну.

— Отчего бы вам не пойти в гостиницу, сеньор, вам там будет удобнее, чем на голой земле!

— Ба-а! — весело проговорил он. — Ночи теперь теплые, а мне приходилось спать на открытом воздухе в ужасную погоду, и все сходило благополучно. Если же случится что-либо, вам, по крайней мере, не придется искать меня, раз я буду с вами. Спокойной ночи, Кастор!

— Как знаете. Спокойной ночи, сеньор.

Пепе Ортис уже спал. Через пять минут и дон Порфирио последовал его примеру.

Охотник зажег трубку и остался один бодрствовать.

Сыщики возвратились в бивуак около четырех часов утра, один после

другого. Сделав свое донесение Кастору, который выслушал их с большим вниманием, они расположились ко сну и тотчас же заснули.

Первым делом охотник хотел разбудить дона Порфирио, но раздумал.
— Нет, — пробормотал он, — нечего спешить, пусть поспит!

Он встал, разбудил других двух охотников и дал им свои инструкции в нескольких словах; затем, пробравшись незаметно за лагерь и удостоверившись, что караульные стояли на своих местах, Кастор подошел опять к огню. На этот раз он и сам растянулся на земле, закрылся плащом и вскоре заснул крепким сном.

Ночь прошла благополучно, с рассветом стрелки и охотники были уже на ногах.

— Когда мы трогаемся, сеньор? — спросил Кастор у дона Порфирио, еще не совсем очнувшегося от сна и зевавшего во весь рот.

— После утренней молитвы, значит — в девять часов, — ответил он. — Что нового?

— Много чего.

— Хорошего или дурного?

— И того и другого; но хорошего больше.

— Значит, мы можем быть спокойны?

— Почти что. Сеньор, я еще жду двух охотников, которые сейчас вернутся; не заботьтесь ни о чем, предоставьте это мне.

— Ну, поступайте, как найдете нужным.

— И прекрасно; если им придется драться, они, по крайней мере, будут с полным желудком; нет ничего хуже вступать в бой натощак.

После этого разговора они расстались.

Дон Порфирио отправился к жене и дочери; он нашел их отдохнувшими и веселыми. Когда они узнали, что караван двинется в путь только в девять часов, то пожелали присутствовать на общей молитве, чтобы поблагодарить Бога за благополучное путешествие и за все явное попечение о них во время опасного перехода через места, наполненные всякого рода неприятелями.

Давно уж в церкви Тубака не было такого стечения верующих; к восьмичасовой обедне, нарочно заказанной доном Порфирио, набралось столько народу, что многим не хватило места внутри церкви.

Все охотники без исключения, люди глубоко религиозные в силу их жизни, близкой к природе, величие которой постоянно утверждает их в вере в могущество Создателя, сочли своим долгом присутствовать на обедне, которую слушали с полным благоговением.

В начале десятого часа мулы были нагружены, лошади оседланы.

Дамы сели на своих иноходцев, затем, по данному сигналу, все тронулись в путь, напутствуемые добрыми пожеланиями жителей пресидио.

Через час Кастор вскрикнул. Тотчас же все ряды разделились и караван выстроился по военному, со стрелками во главе.

Решено было следующее.

Четыре всадника выступали вперед, приблизительно на пятьсот шагов, с копьями у правого бедра. Потом шли стрелки, также с копьями. В ста шагах от них следовал еще отряд стрелков, под командой капитана дона Диего Леона.

Затем уже вступал самый караван, состоящий из ста двадцати храбрых охотников, окружавших двух дам.

Шествие заключалось двумя вьючными мулами и двумя оседланными лошадьми, но без седоков, и, наконец, арьергардом из сорока охотников.

Двое из них, самые ловкие, освещали путь перед авангардом, предводительствуемым Кастором.

Дон Порфирио Сандос принял команду над главным корпусом; Пепе Ортис был около него.

Караван продвигался легкой рысью; в рядах царило молчание, у всех лица были сосредоточенные, в ожидании важных событий, только дамы оставались веселыми и спокойными; дон Порфирио позаботился поддержать в них полное неведение относительно того, что должно было произойти.

Белые стены домов Тубака уже давно исчезли на дальнем горизонте. Охотники перешли вброд довольно широкую реку, называемую Вермехо; перед ними виднелись высокие горы, покрытые лесом, на площади которых возвышалась асиенда дель-Охо-де-Агуа; несколько впереди открывалось громадное ущелье между двумя горами, образовавшееся, вероятно, после потопа; с двух сторон его торчали гранитные глыбы, окаймленные белым алебастром, переливающимся на солнце всевозможными цветами, точно алмазы.

Эта трещина, длинная и извилистая, подымаясь постепенно с первых уступов горы, служила единственной дорогой, ведущей на асиенду. Индейцы прозвали ее на своем поэтическом наречии Оврагом из слоновой кости.

Караван вступил в равнину, покрытую высокими травами; оставалось еще пройти небольшой, но густой лесок; под покровом которого авангард уже скрылся. Вдруг раздался в воздухе крик ястреба, точно человеческий вопль, и повторился три раза на всевозможные лады.

Авангард тотчас же остановился, а остальной отряд ускорил шаг,

чтобы догнать его; вскоре все соединились.

По знаку Кастора всадники сошли на землю; мулов и лошадей сгруппировали и привязали к кольям; дон Порфирио с двадцатью всадниками сплотились на лошадях вокруг дам, которые ничего не понимали и начинали тревожиться, сами не зная почему.

Кастор, обменявшись несколькими словами с доном Порфирио, проскользнули в кусты с пешими охотниками, и вскоре они исчезли из виду.

— Господи! — проговорила донья Энкарнасьон. — Что это? Уж не в западню ли мы попали?

— Я сам боюсь этого, — ответил неопределенно дон Порфирио. — Кастору показалось что-то подозрительное, и мы решили, прежде чем двинуться вперед, произвести рекогносцировку.

— Это более, чем с двумя сотнями человек! — воскликнула донья Хесус с иронией. — Дорогой отец, вы что-то скрываете от нас. Лучше сказать нам правду, чем оставлять нас в такой мучительной неизвестности!

— К тому же, — прибавила донья Энкарнасьон, — если вы ничего не объясните нам, мы можем растеряться в критическую минуту.

— Не мучьте же нас с мамой, — ласково сказала донья Хесус, — мы готовы на все, живя столько времени на индейской границе. Вы сами знаете, что мы не раз присутствовали при битвах; залп выстрелов не испугает нас! Говорите же, умоляю вас!

Дон Порфирио подумал несколько минут, затем решил.

— Пожалуй, вы правы, — сказал он с улыбкой — лучше уж все сказать вам; да и опасность, быть может еще не так велика, как вы воображаете.

И он объяснил обеим дамам в нескольких словах положение дела, закончив свой рассказ следующими словами:

— Когда раздастся крик ястреба, мы устремимся прямо в ущелье, которое, я надеюсь, преодолеем одним духом благополучно, так как наши стрелки, соединившись с охотниками Твердой Руки, очистили западню от бандитов; итак, будем ждать сигнала.

— Давно бы так, отец! — весело проговорила донья Хесус. — Теперь, по крайней мере, мы знаем, что нам угрожает и как мы можем спастись.

Пока происходил этот разговор, солдаты и охотники расползлись, как змеи, в кустарники. Потом вдруг, после резкого свистка Кастора, они, разделившись на две группы, бросились в разные стороны, к обрывам горы, которую храбро стали брать приступом.

Когда они поднялись на значительную высоту, то все соединились, стараясь прятаться за выступами земли и, приготовясь стрелять, замерли на

одном месте, выжидая момента.

Все эти движения были исполнены стрелками и охотниками с такой ловкостью, что бандиты, невзирая на свою опытность, не заметили приближения неприятеля.

Не подозревая, что их засада была обнаружена, они устремили свои взгляды на внутренность ущелья, через которое обязательно должен был пройти караван: они никак не ожидали нападения сзади.

Бандиты, которых было более двухсот человек, запрятались по семидесяти с каждой стороны ущелья, среди скал и кустов; остальные же восемьдесят человек собрались на верхнем выступе с целью отрезать путь в проход.

Караван вступил в ущелье; сорок авантюристов, оставив свои посты, должны были спуститься и загородить дорогу охотникам, которые попались бы, как в мышеловку.

Этот незамысловатый план непременно удался бы, если бы Твердая Рука не предупредил вовремя дону Порфирио, который успел принять необходимые меры, чтобы вовремя избежать западни.

Пока дон Порфирио разговаривал со своими дамами, вот что проделали солдаты, находящиеся в арьергарде: отведя лошадей стрелков и охотников к окраине леса, они прикрепили поводья к седлам; потом, наломав массу колючих ветвей, привязали несколько пучков к стремянам и оставили их болтаться; остальные же пучки поместили под хвостом каждой лошади; затем стали выжидать.

Вдруг в воздухе пронесся крик опоссума; в тоже мгновение с горы раздались выстрелы, повторяемые эхом пустыни; шум сделался несмолкаемым.

Схватка началась.

Дамы в страхе пододвинулись к дону Порфирио.

— Мужайтесь! — сказал он им и, подняв хлыст, добавил: — Вперед!

Повинуясь этому приказанию, солдаты изо всех сил хлестнули лошадей, и те ринулись в ущелье с головокружительной быстротой; они остервенели от колючек, ранящих их в бока и круп.

На горе произошло настоящее сражение: бандиты, вместо того, чтобы напасть, как они рассчитывали, сами были застигнуты врасплох и думали о том, как бы спастись. Вдруг лошади, доведенные до пароксизма бешенства, прилетели как ураган на вершину ущелья и бросились на бандитов, опрокидывая и давя копытами все, что попадалось им на пути.

Произошел невообразимый хаос; бандитами овладела паника, они стали бросаться с горы. Тогда с обеих сторон ущелья раздался залп

выстрелов, и как только лошади умчались, показались стрелки и охотники, и побивая неприятелей из-за скал и кустов, привели их в отчаянное положение.

— Теперь очередь за нами!

— Вперед! — крикнул дон Порфирио.

Двадцать всадников полетели как вихрь, увозя с собой обеих женщин, помертвевших от страха.

Бандиты, выгнанные из засады, бежали в беспорядке по спускам горы, преследуемые выстрелами своих неумолимых врагов.

В ту минуту, когда охотники дона Порфирио вступили в ущелье, их внезапно остановила толпа растерявшихся беглецов, которые сами не знали, куда им деваться.

Эти беглецы, видя, что они преградили солдатам путь, воспрянули духом и стали пробовать пробить себе дорогу во чтобы то ни стало. Все смешалось в беспорядке, напирая друг на друга. Но охотники взяли верх, убив большую часть бандитов и затем опять устремились в ущелье, не взирая на пули, свистевшие над их головами.

Вдруг послышался отчаянный крик доньи Энкарнасьон.

— Дочь моя! Где моя дочь?

Дон Порфирио, оглушенный шумом битвы и ослепленный дымом, в ужасе повернулся на этот душераздирающий крик, слова которого он еще не расслышал. Он подумал, что его жена ранена, взял ее на руки и бесчувственную уложил на седло перед собой, не замедляя хода.

Донья Хесус исчезла!..

ГЛАВА VI. Один из тысячи способов неожиданно встретиться в пустыне

Оставим пока охотников и, посмотрев, что происходило за несколько часов до нашего рассказа, представим читателю новую личность, сына одного из старых и преданных друзей дона Порфирио Сандоса, имя которого уже не раз упоминалось в этой истории.

Дело было еще до восхода солнца; но сова своим зловещим криком уже неоднократно возвещала наступление дня; небо начало светлеть и на краю горизонта показывались сероватые полосы, которые соединялись одни с другими, окрашиваясь всеми цветами радуги. Жизнь начинала просыпаться в глубине лесов и пустынь; в зелени пробегал таинственный шелест; звери боязливо искали себе берлоги, точно сказочные привидения, медленно проходя сквозь кусты, ветви которых трещали под их напором; одним словом, все возвещало пробуждение еще сонной природы.

С вершин высокий гор, освещенных лучами еще невидимого солнца, понемногу спускался свет в долины и ущелья, из которых подымался густой серый туман, образуемый испарениями почвы, исчезающими при первых лучах солнца; это не была уже ночь, хотя день еще не наступал.

Как раз в это время показался всадник, который намеревался проехать мимо горы в Тубак до наступления зноя; он только что обогнул узкую тропинку и собрался спуститься в равнину.

Этот всадник был верхом на прекрасном мустанге, черном как смоль, без единого пятнышка, кроме белой звездочки посреди лба.

Достигнув ущелья, мустанг закивал своей умной головой, наострил уши, начал фыркать и оглядываться с сильным беспокойством, точно человек.

— Успокойся, Негро, — сказал ему хозяин мягким и мелодичным голосом, глядя его по шее, — успокойся, за кустами ничего нет; я их уже давно осмотрел, пойдем-ка дальше!

Разговаривая так со своей лошадью, по-видимому, совершенно спокойно, всадник бросал испытывающие взгляды из-за полуоткрытых ресниц, стараясь, чтобы от него не ускользало ни одно движение в кустах, растущих по краям дороги; а под плащом, небрежно наброшенным на плечи, поглаживал свой пистолет.

Но в действительности опасаться было нечего: стоило ли нападать на

одного путешественника? Кругом царила полная тишина.

Когда всадник въехал на равнину, солнце уже показалось на горизонте, расточая золотистые и пурпурные лучи.

Наступил день. Птицы приветствовали его веселым концертом; жизнь пробуждалась; солнце придало грандиозной пустыне спокойствие и величие, составлявшие резкий контраст с почти зловещим видом, принимаемым той же пустыней ночью.

Сделав несколько сотен метров по равнине, всадник вдруг остановился и, выпрямившись в стременах, стал вглядываться в высокую траву, закрывавшую его почти во весь рост вместе с лошастью.

— Я не ошибся, — пробормотал он, — они запрятались с каждой стороны ущелья. Это, должно быть, бандиты, подстерегающие караван. Как тут быть совсем одному?

Он опустил голову на грудь и глубоко задумался, но тотчас же гордо поднял голову.

— Будь что будет! — проговорил он решительно. — Меня сам Бог привел сюда, это не даром; почему-то пришла же мне мысль к ущелью, хотя это замедляет мой путь по меньшей мере на пять часов?! Тут для меня что-то странное, роковое: верно, это предчувствие! Во всяком случае, я буду свидетелем того, что тут произойдет; почему знать, может быть, мне придется играть немаловажную роль в этом деле?! Двигайся, двигайся Негро, — добавил он своей лошади, — еще немного, и мы отдохнем!

Благородное животное, казалось, поняло эти слова: конь тихонько заржал и прибавил шагу.

В каких-нибудь десять минут всадник въехал в большой и густой лес, расположенный немного левее ущелья, и вскоре остановился на узкой лужайке около громадной скалы, у подножия которой журчал ручей.

— Вот так местечко для остановки, — сказал путешественник, привыкший, подобно всем одиноким людям, выражать вслух свои мысли, — отсюда я все увижу и услышу, оставаясь спрятанным.

Он сошел на землю и, не расседывая лошадь, снял только с нее удила. Путешественник достал мешок с маисом, затем, снявши с себя плащ, разложил его на земле и насыпал на него корму; лошадь следила умным взглядом за всеми его движениями.

— Позавтракай, Негро, — сказал ему хозяин, — затем пойдешь напиться воды; но не надо уходить с лужайки: о нашем присутствии здесь никто не должен знать.

Лошадь тихо заржала и, положив голову на плечи хозяина, выжидала ласки. Он расцеловал ее ноздри; тогда она выпрямилась, весело

подпрыгнула на месте и принялась на еду.

— Теперь моя очередь! — сказал путешественник.

Он сел на траву подле ручья, положил оружие совсем близко от себя, затем вынул фрукты, несколько початков кукурузы, кусок жареной лани, овечьего сыру, бутылку хересу и серебряные стаканчик и вилку.

Все это он разложил перед собой и принялся за завтрак с хорошим аппетитом.

Воспользуемся этим моментом, чтобы изобразить его портрет в нескольких чертах.

Это был молодой человек двадцати четырех—двадцати пяти лет, ростом ниже среднего, прекрасно сложенный, с гибким станом; крепкие мускулы выдавали в нем необыкновенную силу. В общем, это было тело древнего Антиноя с его мужественной красотой, природной грацией и силой атлета. На широкий лоб, на котором горе не оставило еще ни одной морщины, ниспадали густые кудри каштановых волос с золотистым оттенком; черные, густые ресницы окаймляли его большие синие глаза, которые при волнении делались почти черными, и тогда взгляд этого юноши, обычно столь мягкий и мечтательный, принимал магнетическую силу, испуская молниеносные лучи, которых никто не мог вынести; тонкий и прямой нос имел розовые, подвижные ноздри; темные усы, изящно закрученные, темной молнией обрамляли верхнюю губу. Наконец, рот, довольно большой, с великолепными зубами, губами ярко-красного цвета, и маленькая бородка, скрывающая часть красивого подбородка, дополняли описание внешности нашего путешественника.

Одним словом, взглянув на лицо этого молодого человека, можно было подумать, что это портрет работы Ван-Дейка, вышедший из рамки. Он был умен, остроумен, насмешлив, беспечен и смел. Прибавим для полноты нашего описания, что ноги и руки юноши были безукоризненны по своей форме и изяществу.

Костюм, носимый им, мы описывали уже не раз; заметим только, что он был сшит из очень ценной материи, наш герой носил его с грациозной небрежностью.

Чтобы дать понять о богатстве костюма юноши, довольно сказать, что одно кольцо, обхватывающее его шелковый галстук, и украшенное огромным алмазом, было оценено мексиканскими ювелирами в шестьдесят тысяч пиастров; по одному этому можно судить о прочем.

Оружие его состояло из двустольного ружья, только что изобретенного, системы Лефоше, из четырех больших ментонских пистолетов, длинного кинжала, который он носил в правом сапоге,

испанской рапиры, висевшей на его поясе и, наконец, лассо, свернутого у седла.

Вооруженный таким образом, молодой человек не боялся ни людей, ни зверей и смело мог бы выдержать нападение многочисленного неприятеля.

Он был охотник-любитель, так как обладал громадным состоянием и принадлежал к одному из знатных родов Мексики, и слыл во всем округе за самого ловкого, искусного и опасного охотника. Ему дали три различных прозвища: краснокожие звали его Черным Орлом, охотники называли — Горячим Сердцем, мексиканцам же он был известен под именем Руиса Торрильяса де Торре Асула, или попросту дона Руиса; он был единственным сыном дона Фабиана Торрильяса де Торре Асула, друга дона Порфирио Сандоса и, подобно последнему, принадлежал к индейской расе.

Вот каков был этот молодой человек, который, обладая всем, чтобы иметь успех в свете и занимать там первое место, предпочел, к великому отчаянию своего отца, скитальческую жизнь, полную опасностей и приключений.

Позавтракав наскоро, он налил себе бокал хересу, потом спрятал оставшуюся провизию в сундучок, который привязал за седлом, не забыв при этом погладить Негро.

Затем дон Руис опять сел, откусил кончик сигары, закурил ее и углубился в мечты, следя машинально за затейливыми фигурами, образуемыми синеватым дымом сигары.

Так прошло несколько часов; в пустыне по-прежнему все было тихо.

Но к десяти часам утра дон Руис заметил, что Негро насторожился, повернул голову к равнине и зашевелил ноздрями.

— Негро беспокоится, — сказал себе молодой человек, — он что-то слышит.

Он припал к земле и, послушав минуты три, вдруг вскочил.

— Многочисленная кавалькада всадников из Тубака собирается вступить в ущелье, — проговорил он. — Наверное, их подстерегают бандиты. Что тут делать? Предупредить их? Но этим не поможешь делу, лучше переждать!

Молодой человек задумался; вдруг его лицо озарилось улыбкой; он свистнул тихонько; лошадь его тотчас же прибежала; он поцеловал доброе животное в ноздри, вскочил на седло и сказал чуть слышно:

— Тихо, Негро, прячься и поезжай.

Лошадь грациозно повернулась на месте, затем пустилась галопом и почти исчезла в густой зелени.

Вскоре дон Руис остановился у высокого дерева, забросил аркан на

одну из крепких ветвей его и поднялся вверх: теперь он спокойно мог обозревать все, что происходило на равнине.

Заметив охотников, он понял, что они открыли засаду неприятеля и старались разрушить его планы.

Если бы дон Руис узнал предводителей каравана и увидел бы, что там были дамы, само собой разумеется, поспешил бы к ним на помощь. Но расстояние, отделявшее его от них, было слишком велико, и он остался невидимым свидетелем сражения, восторгаясь ловкостью охотников, сумевших разогнать спрятавшихся бандитов.

Когда дон Порфирио пустился вскачь со своим маленьким отрядом, дон Руис вскрикнул от изумления.

— Дамы! Что это значит? Кто они такие? Как они здесь очутились? Куда они направляются?

Он стал следить за битвой с большим волнением и видел, как бандиты у самого ущелья в беспорядке бросились на охотников.

Вдруг молодой человек заметил несколько человек, бегущих по равнине и уносящих с собой бесчувственную женщину. Очевидно, их намерение было добраться до горы и укрыться в одной из ее пещер.

В несколько секунд дон Руис сообразил, в чем тут дело, и сразу решился: живо спустился он с дерева, пробрался сквозь кусты к границе леса и притаился в ожидании.

Прошло несколько минут, которые показались дон Руису целой вечностью. Вдруг послышался шум приближающихся шагов, затем показались бандиты.

Задыхаясь и изнемогая от усталости, они вступили в лес и здесь почувствовали себя в безопасности за густой листвой, остановились, положив свою все еще бесчувственную пленницу на землю.

— Уф! — выговорил один из них, вздохнув с облегчением, — отдохнем немного: я больше не в силах двигаться!

— И я изнемогаю от усталости! — ответил ему товарищ, опускаясь на землю у дерева.

— Хм! — произнес третий. — По-моему, нам отдыхать здесь невозможно, мы будем в безопасности только в горе.

— Ба! Однако мало же заботятся о нас! — возразил первый.

— Пожалуй, он был бы прав, — сказал второй, — если бы Матадиесу не пришла глупая мысль обременить нас этой женщиной!

— Это самая женщина спасет нас, если мы не будем зевать! — ответил третий, который и был сам Матадиес.

— Не думаю. Как только заметят, что она исчезла, все эти черти

пустятся в погоню за нами.

— От вас зависит укрыться заблаговременно! — сказал Матадиес.

— Верно, но эта женщина мешает нам двигаться.

— Правда, она задерживает нас. Но у нас еще есть время. Никто не знает, куда мы направились, — сказал Матадиес, — да и спорить бесполезно; она в наших руках, наша цель достигнута и успех обеспечен. Теперь исключительно от нас зависит получить за нее обещанную награду в десять тысяч пиастров, каждому из нас по три тысячи с лишком — такую сумму не всегда найдешь у ног мула.

— Я это хорошо знаю; но заранее беспокоюсь.

— Почему это?

— Потому что говорят, что дон Мануэль делается скаредным и даже жестоким, когда ему приходится платить.

— Скаредным! Он! да ты, брат, с ума сошел! — ответил Матадиес. — Видно, что ты не имел с ним дел! Это он-то, который черпает сколько угодно из сундуков штата! — добавил он, смеясь.

— Много же там добра, в этих сундуках! — сказал бандит с презрением.

— Дело не в том! Довольно терять понапрасну золотое время, пора отправляться в дорогу.

— Опять пешком, с женщиной, которая не может сама идти? Что же нам делать?

— А то, что следовало давным-давно, — ответил Матадиес, — поймать с помощью лассо, их много блуждает в этих краях. Торопитесь же; а я пока постерегу женщину. Помните, десять тысяч пиастров!

— Подведешь ты нас; не лучше ли убить эту тварь, да и удрать подобру-поздорову?

— А кто докажет ее смерть?

— Мы снесем ее голову дону Мануэлю.

— Идея хороша, — сказал Матадиес нерешительно, — тем более, что дон Мануэль говорил, что ему нужно ее живую или мертвую.

— Ну, так в чем же дело?

— Да, но убить женщину!

— Ты что, заболел? Тебе ведь не привыкать к убийству!

— Правда, но то были мужчины! И если я убивал их, то сражаясь с ними грудь с грудью.

— Полно рассуждать, я берусь покончить с ней, если хочешь! — проговорил бандит, отстегивая топор от своего кушака.

— Стойте, господа! Зачем так спешить, — раздался вдруг

насмешливый голос, и из-за кустов показался дон Руис.

— Горячее Сердце! — вскричали в ужасе все три бандита.

— Я собственной персоной, сеньоры, — ответил он. — Вы не ожидали этой встречи, не правда ли?

— Смерть ему! — закричали бандиты, хватаясь за оружие.

— Бросьте оружие и сдайтесь! — спокойно возразил молодой человек, взявшись за пистолеты.

Бандиты переглянулись и вдруг с диким ревом все бросились на охотника.

— А! Если так, — холодно проговорил он, — пеняйте же на себя!

Двумя выстрелами он сразу положил на месте двух бандитов.

— Сдаюсь! — сказал Матадиес, бросая оружие.

— Ладно! — ответил молодой человек. — Дарю вам жизнь, Матадиес! Вы пожалели эту несчастную женщину, значит, в вас еще есть хорошие чувства; я прощаю вас.

— Благодарю! я не забуду, что моя жизнь была в ваших руках, Кипящее Сердце, и вы пощадили ее!

— Это ваше дело, Матадиес! Берите свое оружие и отправляйтесь, куда хотите: вы свободны!

— Хорошо, я ухожу, но мы еще увидимся!

— Не желайте этого!

— Почему знать? Может быть, вы обрадуетесь, увидев меня опять. Прощайте, Кипящее Сердце, — добавил бандит, подбирая свое оружие, — что бы то ни было, я никогда не буду вашим врагом!

Поклонившись молодому человеку, Матадиес исчез; долго еще раздавался шум от его быстрых шагов через кусты; потом все смолкло.

— Бедная женщина, — проговорил дон Руис, — как бы помочь ей?

Он направился к тому дереву, под которым лежала пленница.

Бандиты, схватив девушку, набросили ей на голову плащ, чтобы помешать ей кричать, и, рискуя задушить ее, крепко затянули ее этим плащом.

Первым делом охотник освободил пленницу от плаща и веревок.

Сердце его сжималось от жалости при виде незаслуженного страдания; в то же время ему интересно было узнать, кто эта женщина, похищению которой бандиты придавали такое громадное значение.

Стоя перед ней на коленях, он начал разворачивать ее голову. Вдруг он вздрогнул и откинулся назад, побледнев как мертвец и широко раскрыв глаза: он увидел лицо молодой девушки.

Она была бела как мрамор, глаза закрыты, дыхания не слышно; она

казалась мертвой.

— Хесус! — воскликнул охотник душераздирающим голосом. — Она! Это она, о Господи!

Его горе и отчаяние были столь сильны, что в первые минуты он точно окаменел, не будучи в состоянии думать, и устремив безумный взгляд на мраморное лицо девушки.

Вдруг из ее груди вырвался вздох, и из глаз покатались две крупные слезы по загорелым щечкам: неукротимая энергия этого исключительного создания взяла верх над страданием.

— Она жива! — вскричал охотник вне себя от радости. — Она жива! Я спасу ее!

Подняв донью Хесус на руки, он усадил ее под деревом и встал перед ней на колени; налив немного хересу в бокал, он левою рукой наклонил голову бедняжки назад, и, поддерживая ее, влил ей в рот вино. Прошла минута томительного ожидания; слезы градом катились по лицу охотника; взоры его не отрывались от дорогого лица. Вдруг по ее нежному телу прошла нервная дрожь, на щеках появился легкий румянец. Она глубоко вздохнула и приоткрыла глаза.

— Слава тебе, Господи! — воскликнул дон Руис в безумном восторге. — Она спасена!

Он опять придвинул бокал к ее губам; на этот раз она сама выпила вино.

— Благодарю! — проговорила она едва слышным голосом. Затем она опять закрыла глаза, опустив свою прелестную головку на плечо молодого человека. Послышалось легкое, но правильное дыхание из ее полуоткрытых губ: девушка впала в глубокий сон, который восстанавливает потерянные силы больного.

Охотник тихонько встал, стараясь не разбудить девушку, приготовил ей постель из листьев, которые прикрыл плащом, потом осторожно, подобно опытной сиделке, положил девушку на это импровизированное ложе и закрыл ее своим плащом. Не теряя ни минуты, он с помощью топоров, оставшихся после бандитов, наломал длинных ветвей, переплел их один с другими и устроил из них шалаш, который вполне укрывал и охранял молодую девушку.

— Теперь мне спешить некуда, раз Хесус здесь, — пробормотал он, — но каким образом она не у себя на асиенде дель-Пальмар? Что такое случилось?.. Отчего она очутилась в пустыне?.. Все это я узнаю.

Размышляя вслух, он набрал хворосту и зажег костер. Потом, подойдя к краю леса, он сильно свистнул, а сам

послушав с минуту, возвратился на прежнее место и сел у огня.

Прошло несколько минут; вдруг послышался шум быстрого бега; кусты раздвинулись, — и на лужайке запрыгал Негро.

Умное животное заржало, увидев своего хозяина, и начало тереться головой об его плечо.

— Где ты пропадал, беглец этакий? — сказал ему ласково охотник, — будет бегать, скоро ты мне понадобишься!

Молодой человек снял с Негро свой сундучок, вынул оттуда котелок, и занялся приготовление обеда.

Покончив со стряпней, он вымыл руки и закурил папиросу.

Около трех часов пополудни из палатки послышался шум; донья Хесус проснулась с улыбкой на устах. Но какая она была, эта улыбка! — грустно было смотреть на нее.

— Вы! — произнесла она с упреком, увидевши молодого человека, склонившегося у входа в палатку.

— Я, сеньорита! — поспешил ответить он, так как ему было понятно значение этого слова «вы», произнесенного таким тоном, — я, сеньорита, имел счастье вырвать вас из рук негодяев, которые обманом завладели вашей особой!

Молодая девушка колебалась; она была бледна и озабочена.

— Вы мне не верите? Вы сомневаетесь во мне? — сказал он с грустью, — хотите, я вам представлю доказательства моей честности, сеньорита?

— Все, что произошло со мной и с вами, до того странно, что мне необходимо все выяснить!

— Это очень легко, сеньорита; стоит вам только выйти из палатки, — и вы увидите на земле трупы ваших похитителей, а сделавши еще несколько шагов, увидите Марфильское ущелье, от которого вы находитесь не более как на три или четыре ружейных выстрела.

— Довольно, дон Руис, — сказала она, протягивая ему руку в волнении, — я была неправа, усомнившись в вас. У вас благородное сердце, простите меня!

— О! — проговорил он целуя ее маленькую ручку. — Уже за одно это я готов пожертвовать своей жизнью.

— Напротив, вы должны беречь ее, — ответила она со своей обычной обворожительной улыбкой, — кто же будет моим защитником, когда вас не станет? А теперь уйдите на минуту, дон Руис, — добавила она, переменяя тон, — я сейчас приду к вам.

Молодой человек поклонился и тотчас же удалился.

Через несколько минут, приведя в порядок свой костюм, она с веселой улыбкой приблизилась к охотнику.

— Что это вы там делаете? — спросила она.

— Как видите, сеньорита, накрываю на стол. Как вы себя чувствуете?

— Превосходно, дон Руис, благодарю вас. Но как я страдала: я уже думала, что умираю, дышать мне было нечем, я задыхалась; какая это была пытка!

— Не вспоминайте про эти ужасные страдания, сеньорита; когда я освободил вас от плаща, вы были в обмороке; вашего дыхания почти не было слышно. О! Как я мучился! Как я боялся, что явился слишком поздно!

— Оставим это; теперь все прошло. Я спасена благодаря вам, дон Руис, и не забуду этого! — проговорила она с оттенком грусти.

— Увы! Я даже не знал, кого именно похитили бандиты; плащ скрывал ваше лицо; я узнал вас только тогда, когда освободил вас от него, и с отчаяния чуть не сошел с ума. Вот уж никак не ожидал встретить вас здесь, более чем в ста милях от вашей асиенды!

— Но вы, дон Руис, какими судьбами вы очутились так кстати на моей дороге?

— Я вам ничего не буду объяснять, сеньорита, пока вы не закусите, хотя бы немного.

— Хорошо, послушаюсь, чтобы не огорчить, вас хотя и не чувствую никакого аппетита.

— Все же попробуйте, сеньорита, сядьте вот тут, подле меня, на плащ. Вот чашка бульону, печеный в золе картофель, фрукты и даже немножко холодной дичи и маису, затем херес, который так помог вам.

— Вы угощаете меня прекрасной закуской, дон Руис, — сказала она, смеясь. — Видно, что вы человек предусмотрительный.

Молодая девушка выпила чашку бульона, в который обмакивала кукурузу, и съела еще сухарик.

— Теперь я исполнила ваше желание, сеньор! Объясните же, как вы сюда попали!

— Сам Бог привел меня сюда, сеньорита, конечно, для того, чтобы спасти вас; иначе я не могу объяснить, каким образом я очутился на вашем пути.

— Действительно, тут что-то странно, говорите же скорей, меня так интересуется все сверхъестественное.

— В том, что произошло со мной, нет ничего таинственного; а напротив, все очень просто.

— Посмотрим!

— Я не стану напоминать вам, сеньорита, о нашем последнем разговоре в соборе Гвадалахары, когда я обратился к вам за разрешением просить вашей руки у вашего отца.

— Я напомню вам, что я тогда ответила сеньору! — поспешно прервала она. — Вот мои слова: «Теперь еще не время делать предложение; вам могут отказать, и мы только испортим наши дела; удалитесь пока; когда придет удобный момент, я извещу вас». Верно я говорю, дон Руис?

— Да, сеньорита, от слова до слова. Я исполнил ваше желание и в тот же день выехал в пустыню. Но с тех пор прошло три долгих месяца, в течение которых я невыразимо страдал: разлука с вами убивала меня. Наконец, я решился увидеть вас во что бы то ни стало, хотя бы на одну секунду. С этой целью я отправился в Пальмар, рискуя возбудить ваше неудовольствие, и вот уже девять дней, как держался направления к вашему дому. Сегодня ночью, поравнявшись с этой горой, на которой вы видите асиенду дель-Охо-де-Агуа, я думал о вас и предоставил лошадь самой себе.

Молодая девушка молча улыбалась.

— Ну? — произнесла она.

— И вдруг я очутился на перекрестке двух дорог, правая сокращала мой путь на целые сутки, левая же замедляла его. Я, конечно, хотел взять вправо, чтобы поскорей доехать до вас, но моя лошадь, — вы ведь знаете, какое это умное животное, — заупрямилась и употребила все силы, чтобы пойти по левой дорожке; в то же время какой-то внутренний голос — верно, это было предчувствие — заставил меня повиноваться моему Негро. Я перестал его сдерживать, и мы поехали по левой тропинке. Вскоре я заметил в кустах людей и блеск их оружия; но они не тронули меня. Однако это обстоятельство начало меня беспокоить; я догадывался, что должна произойти битва, но не знал, с кем. Результат сражения, помимо моей воли, очень интересовал меня; а потому, вместо того, чтобы продолжать свой путь, я выехал в этот лес и остановился здесь. Остальное вам известно, сеньорита. Итак, ваше любопытство должно быть удовлетворено. Теперь за вами очередь рассказать мне обо всем, если вы не против.

— Нисколько, сеньор. Мой отец, по неизвестным мне причинам, возвратившись из своего путешествия в Мексику, нашел, что нам с мамой небезопасно оставаться в Пальмаре, велел наскоро собираться — и мы все под многочисленной охраной отправились в Охо-де-Агуа, которую он приобрел недавно; отец уверяет, что эта асиенда прекрасно укреплена, и мы в ней можем быть совершенно спокойны.

— Как! Вы отправлялись в Охо-де-Агуа, когда...

— Да.

— Здесь виден перст Божий!

— Может быть! — сказала она в раздумье.

— И вы не знаете мотивов?

— Решительно ничего не знаю, только, судя по разговорам, которые мне приходилось слышать, я поняла, что между отцом и доном Мануэлем де Линаресом существует старинная вражда, которая в настоящее время особенно обострилась; что мой отец, получив назначение губернатора штата Сонора, решил, наконец, покончить со своим врагом. А чтобы действовать на свободе и оградить нас от опасности, он и хотел переселить нас с матерью в другое место.

— Все это, вероятно, и есть так, как вы говорите. Но странно, что с некоторого времени индейцы что-то волнуются; большой союз папаго вооружает всех своих воинов; скоро на границе разразится война; и почему знать, не играют ли индейцы роль в той ссоре, о которой вы говорите?

— Это было бы ужасно, хотя весьма вероятно, что индейцы замешаны здесь.

В эту минуту в кустах послышался легкий шум. Дон Руис, не перестававший быть настороже, приложил палец ко рту, как бы подавая знак к молчанию, и стал прислушиваться.

Затем он встал, тихонько подошел к Негро, снял аркан, висевший на его седле, и успокоив жестом молодую девушку, скрылся в густой зелени с той стороны, откуда доносился шум. Донья Хесус, не успевшая еще оправиться от первого испуга, задрожала от страха, устремив неподвижный взгляд на кусты, за которыми скрылся молодой человек, и ожидая, что вот-вот кусты раскроются, и на нее набросится или дикий зверь, или, что еще хуже, краснокожий индеец, отвратительное лицо которого наводило на нее ужас.

Но вдруг ей послышалось, что кто-то борется, и тотчас же вслед за этим из-за кустов показался дон Руис верхом на прекрасной лошади, в полной упряжи.

Он соскочил на землю, привязал лошадь к дереву и поспешил успокоить девушку.

— Простите, сеньорита, что я совсем невольно причинил вам такую тревогу. Но я не мог упустить благоприятного момента, посланного нам самим Провидением. Вы видите, мне удалось завладеть этой лошадью, она очень пригодится для того долгого пути, который предстоит нам!

— Обо всем-то вы подумаете, дон Руис, — ласково проговорила девушка, — право, я даже не знаю, как мне благодарить вас!

— О вашей благодарности ко мне не может быть речи, сеньорита!

— Я вам обязана жизнью, дон Руис. Скоро же буду обязана еще большим, — сказала она с чувством, — счастьем быть возвращенной моим родителям! Они теперь оплакивают меня, думая, что я во власти негодяев! О, когда же я увижу их?!

— Будьте спокойны, сеньорита! Не более как через два часа.

— Значит, мы едем?

— Сию минуту, сеньорита, если желаете.

— О! Еще бы, дон Руис!

Молодой человек вздохнул, — он был так счастлив в эти минуты, — но стал собираться; через пять минут все уже было готово. Приподняв донью Хесус, он помог ей сесть на пойманную лошадь, сам же вскочил на своего Негра, и вскоре они оба исчезли в густом лесу.

— Я навсегда сохраню в своем сердце воспоминание об этом дне, когда я была так счастлива и в то же время в таком отчаянии! — сказала молодая девушка охотнику, одарив его своим чарующим взглядом.

— Да благословит вас Бог за эти слова, сеньорита! — ответил он, подавляя вздох.

Прежде чем выехать из лесу на равнину, дон Руис опередил донью Хесус, чтобы удостовериться в безопасности.

Через минуту они оба остановились.

— Я вижу, — сказал он, — группу всадников около ущелья; но они очень далеко, не могу узнать их.

— Вдруг это индейцы или бандиты? — пробормотала донья Хесус в волнении.

— Надеюсь, ни те, ни другие, хотя положительного ничего не могу сказать.

— Господи, что же делать?

— Притаиться и ждать. Тогда мы узнаем, что это за люди и куда они направляются.

— Будем ждать, нечего делать, увы!

— Мужайтесь, сеньорита, разве я не около вас? К тому же, сейчас мы узнаем, друзья это, или враги.

— Помоги нам Бог! — проговорила она в испуге.

— Может быть, они ищут вас; стойте смирно, не шевелитесь, я пойду рассмотреть их, мне кажется, что это друзья.

— Хоть бы вы угадали, дон Руис!

— Вам уже известно, что мои предчувствия не обманывают меня! — заметил он с улыбкой.

— Но только не уходите далеко от меня, я тут одна умру со страху.

— Через пять минут я вернусь, не бойтесь.

Молодой человек удалился, а донья Хесус замерла в ожидании, считая минуты и секунды и вздрагивая при малейшем шорохе, раздававшемся из кустов.

ГЛАВА VII. Нашла коса на камень

Хотя дон Торрибио изнемогал от усталости и измучился от непрерывных волнений в своих поисках, окончившихся столь блестящим успехом, сон его был лихорадочный, так что когда он проснулся около восьми часов утра, то почувствовал себя еще более разбитым, чем накануне.

Первым делом он зашел в соседнюю комнату; она была пуста. Лукас Мендес встал на два часа раньше своего хозяина, но уходя, оставил на столе лист бумаги, на которой написал крупными буквами:

«Не выходите ни за что до моего возвращения».

— Хорошо, — сказал молодой человек, прочтя бумагу и отбросив ее на стол, — буду ждать!

Он оглядел комнату и, заметив на полках книги, взял одну из них, раскрыл ее и закурил папиросу.

Это был том Корнеля, конечно, на французском языке; но дон Торрибио владел им, как парижанин; к тому же, Корнель был одним из любимых его поэтов.

Отыскав Сида, он углубился в чтение стихов, хорошо известных ему, но тем не менее не потерявших для него своей прелести, и не заметил, как прошел целый час; дверь раскрылась и вошел Лукас Мендес.

Старик был мрачен; он казался грустным и чем-то расстроенным; но когда его взгляд упал на молодого человека, он улыбнулся и, почтительно поклонившись ему, сказал:

— Вот и я, к вашим услугам, ваша милость.

— Наконец-то, — ответил дон Торрибио, закрывая книгу, — ая уже стал отчаиваться увидеть вас.

— Извините, что я так запоздал, ваша милость; но у меня сегодня утром было слишком много дел, теперь же я свободен.

— Вы переговорили с доньей Сантой?

— Да, ваша милость, она ждет вас.

— Viva Dios! И вы мне ничего не говорите! Ведите же меня к ней скорее, прошу вас!

— Путь недалек, идите за мной.

Они вступили в коридор, по которому шли минут десять, потом Лукас Мендес остановился.

— Мы пришли! — сказал он.

— Так открывайте.

Старик положил уже руку на пружину, но вдруг остановился.

— Что же вы? — спросил нетерпеливо молодой человек, — открывайте же, во имя всего святого!

— Молчите! — сказал Лукас Мендес. — Донья Санта не одна; ей говорят, она отвечает: ее опекун с ней.

— Какая досада! Опять ждать! — пробормотал дон Торрибио, топнув ногой.

— Не жалуйтесь понапрасну: быть может, вы услышите такие вещи, которые вам знать необходимо.

— Как же? Да здесь трудно даже различить голос.

— Пойдите!

Он взял молодого человека за руку и, отведя его на несколько шагов, надавил пружину. Перед ними открылось потайное окошечко, затерянное в стене среди затейливых рисунков. Тотчас же им стало видно и слышно все, что происходило в той комнате.

— Слушайте и смотрите, но помните, что ни одним жестом, ни криком, вы не должны выдать своего присутствия! — сказал ему на ухо Лукас Мендес.

— Не беспокойтесь, — ответил дон Торрибио так же тихо.

Он заглянул в окошечко. Перед ним был будуар небольших размеров, меблированный очень богато и с большим вкусом, в стиле помпадур. Донья Санта сидела на низком кресле перед шифоньеркой, на которой лежало вышивание. Она была в домашнем костюме из гладкого шелка, перехваченном золотым поясом. По ее бледности и покрасневшим глазам видно было, что она плакала; но на лице ее выражалась непреклонная воля и решительность; брови ее были сдвинуты под влиянием упорной думы; глаза вспыхивали, когда она поднимала их на своего собеседника, губы складывались в горькую усмешку. Она нервно мяла своими тонкими пальцами батистовый носовой платок, смоченный ее слезами.

Дон Мануэль де Линарес, опекун доньи Санты, быстро вышагивал по будуару, останавливаясь иногда перед молодой девушкой, чтобы сказать ей что-то резкое; видно было, что он сдерживал себя от сильного гнева, готового разразиться каждую минуту.

В тот момент когда дон Торрибио приложился к окошечку, дон Мануэль говорил:

— Я не желаю больше терять драгоценное время на споры с вами, нинья¹⁰. Вы знаете, что через час я уезжаю, а потому требую от вас окончательного ответа.

— Разве я вас задерживаю? — сухо ответила она. — Насколько мне известно, я тут ни при чем! Вы можете выехать из этого дома, когда вам угодно; о, если бы и я могла сделать тоже!

— Да, — сказал он насмешливо, — я знаю ваши непокорные чувства, но к несчастью для вас, что бы вы ни предприняли, вам не удастся выйти из-под моей власти.

— Точно также, как и вам не удастся заставить меня подчиниться вашим требованиям! — сказала она ледяным тоном. — Эта власть, которой вы желаете воспользоваться, я не знаю вследствие каких гнусных мотивов...

— Сеньорита! — вскричал он, топнув ногой в ярости.

— Что же! Вы сами приказали мне быть откровенной с вами, сеньор. Я повинуюсь вам, чем же вы недовольны?

— Хорошо! Продолжайте, но выражайтесь короче, пожалуйста!

— Эта власть, говорю я, приходит к концу. Через семь месяцев я буду совершеннолетняя, следовательно, свободна в своих действиях; через семь месяцев вы получите от меня тот ответ, которого требуете сегодня.

— Берегитесь, сеньорита, — сказал дон Мануэль сквозь зубы, — я могу вас принудить к послушанию.

— В таком случае помните: я вольна уйти из жизни, раз уж не могу покинуть этот замок!

— О! однако вы чересчур смелы! — вскричал он в бешенстве.

Но, тотчас же овладев собой и пройдясь несколько раз по будуару, опять остановился около доньи Санты.

— Слушайте, нинья, — сказал он, стараясь смягчить голос, — поговорим серьезно. Что вы имеете против дона Бенито де Касоналя? — Он молод, красив, богат, принадлежит к одной из лучших фамилий Соноры! Что вам не нравится в нем?

— Ничто; мне решительно все равно: я даже не пробовала присматриваться к нему. Он молод — совершенно верно; красив ли он, я не знаю; богат ли он — мне-то какое дело? — разве я сама не богата? А что касается его рода, то полагаю, и я не ниже его по происхождению.

— Да, вы правы, ваши положения одинаковы; к тому же он любит вас, почему же вы сопротивляетесь?

— Просто потому, что я его не люблю и никогда не буду любить, сеньор!

— Так вот она — ваша откровенность!

— Конечно; могу я быть еще более откровенной?

— Да, если хотите.

— Я вас не понимаю, сеньор.

— Вы отказываетесь выйти замуж за Бенито де Касоналя не потому что вы его не любите, а потому, что любите другого.

— Может быть, сеньор! Но мои сердечные дела касаются только меня; никто, даже вы, не имеете права требовать от меня чтобы я раскрыла свое сердце.

— О! Я уже заметил, что творится в этом сердце, — сказал он с горечью, — и если только этот жалкий авантюрист, в которого вы так глупо влюбились, попадетс^я когда-либо в мои руки, то мы посчитаемся с ним.

— Сеньор, вы забываете, что сами дважды обязаны жизнью тому человеку, которого вы так галантно называете авантюристом. Забываете, что этот человек не побоится ваших угроз и оскорблений; а главное — забываете, что этот человек отсутствует, значить не может защищаться от ваших оскорблений; расточать же их передо мной, женщиной, не благородно.

— А вы защищаете его!

— Я? Сохрани меня Бог от этого! Он не нуждается ни в чьей защите, за него говорят дела его. Поверьте мне, сеньор, вместо того, чтобы желать увидеться с ним, вы напротив, должны благодарить судьбу, что его здесь нет. Не советую вам разыскивать его, так как в тот день, когда вы столкнетесь с ним, он сам потребует от вас отчета. Но довольно об этом: я слишком страдаю, слушая вас. Если в вас есть что-либо человеческое, хотя бы капля жалости в вашем сердце, то избавьте меня от этой пытки. Мои чувства вам теперь известны; что же касается того ответа, который вы продолжаете требовать от меня, то вот он: «Я скорее умру, чем выйду замуж за человека, с которым вы намереваетесь соединить меня, помимо моего желания».

— Тогда это война! — сказал он сквозь зубы.

— Война! — грустно повторила она. — Я не боюсь ее, хотя и не желаю; что такое я? Увы! Бедное дитя без силы и без защиты. Вы можете раздавить меня, я в ваших руках; но никогда добровольно я не подчинюсь вам.

— Санта! Санта! — глухо проговорил он. — Вы злоупотребляете моей добротой к вам!

— О! Дон Мануэль, — прервала она его с жестом мольбы, — пожалейте несчастную сироту, доверенную вашему попечению ее умирающим отцом, не обращайтесь в палача для той, которую вы клялись охранять!

— Я знаю лучше вас, дитя мое, — ответил он с холодной

решимостью, — что мне следует делать; я дал слово, и что бы там ни было, сдержу его; будьте готовы вступить в брак с доном Бенито де Касоналем, как только мы переселимся в Урес, это будет через месяц. Впоследствии вы сами будете благодарить меня, что я не уступил капризу вашему и упрочил ваше будущее счастье.

— Напрасно вы стараетесь обмануть меня, сеньор! Мне известно многое, чего вы и не предполагаете, и чего мне лучше бы и не знать ради моего спокойствия и счастья. Хотя вы тщательно скрывали от меня все, что происходило вне этого дома, но мои глаза и уши часто видели и слышали то, чего они не должны были бы ни видеть, ни слышать. Я присутствовала невидимой свидетельницей на ваших тайных собраниях и при постыдных сделках. Только теперь полог начинает спадать с моих глаз; я предвижу ту пропасть, в которую вы толкаете меня. Вы играете одну из подлых ролей и хотите сделать меня своим орудием. Мое замужество с доном Бенито де Касоналем, который даже не друг вам, а только сообщник, — лишь отвратительная сделка для достижения неизвестной мне цели, одна мысль о которой приводит меня в ужас. Не жертвуйте же мной — слабым и одиноким созданием — для ваших преступных замыслов. Во имя моей умирающей матери и моего отца, который был вашим другом, умоляю вас, дон Мануэль, пожалейте сироту, которую они доверили вам!

— Вы слишком много сказали, Санта, чтобы я отступил назад; еще более, чем раньше, ввиду ваших и моих собственных интересов, я настаиваю на этом браке; так должно быть, приготовьтесь повиноваться мне.

— Итак, вы остаетесь глухи ко всем моим мольбам, — сказала она в волнении, — ничто не может тронуть вас?

— Ничто, — холодно ответил он. — Мое решение принято и оно останется неизменным!

— Тогда сам Бог сжалится надо мной! — грустно сказала она. — Если он не придет ко мне на помощь, то для меня все потеряно.

— Вы правильно говорите: вам только и остается, что надеяться на Бога, — ответил он с колкой насмешкой. — Но этому Богу, к которому вы взываете, нет никакого дела до того, что происходит на земле, Он не любит вмешиваться в наши дела, так как слишком далеко, чтобы следить за нами и думать о нас.

— О! Не богохульствуйте, дон Мануэль, не рассчитывайте остаться навсегда безнаказанным! Загляните лучше в себя, теперь еще не поздно. Бойтесь, час возмездия близок; он может застать вас врасплох; вы погибните, как былинка. Правосудие покарает вас — и почему знать, может

быть, в эту горькую для вас минуту вы найдете утешение во мне, бедном и слабом создании, которое вы так мучаете?!

— Аминь, моя прелестная проповедница! — сказал он — Но, в ожидании пока исполнится ваше мрачное пророчество, запомните мои слова. Я вам раз навсегда высказал мое желание; знайте же, что никакая человеческая сила не может помешать исполнить его. А пока прощайте! Оставляю вас с вашими мыслями, грустными или веселыми; молитесь Богу сколько вашей душе угодно, но думайте о повиновении.

Через десять дней вы придете ко мне в Урес, где я буду ожидать вас. Надеюсь, что уединение благотворно повлияет на вас, и я увижу вас веселой и покорной моей воле.

— Никогда!

— Увидим! Вам дано десять дней на размышления, а мало ли какие мысли могут придти за это время в безумную голову молодой девушки?!

— Прощайте, нинья! Приготовьтесь к отъезду, когда вас предупредит об этом мой мажордом, Лукас Мендес.

Дон Мануэль пожал плечами, взглянул в последний раз на девушку, насмешливо поклонился ей и вышел из будуара, хлопнув дверью.

— О, я несчастная! — вскричала донья Санта. — Мне остается лишь смерть! Увы! Я одна на свете, у меня нет друга, который бы пожалел и защитил меня.

— Вы забываете меня, сеньорита! — раздался около нее тихий и взволнованный голос.

Молодая девушка вздрогнула, точно от электрического разряда: перед ней стоял дон Торрибио де Ньеблас.

— Вы! Это вы, дон Торрибио! — воскликнула она, сложив руки с выражением безумной радости. — О! Я спасена, раз вы здесь!

— Я отдам жизнь мою для этого, сеньорита! — ответил он с чувством.

— О! Это сам Бог послал мне вас, дон Торрибио, — начала донья Санта с глазами, полными слез, — такая радость после стольких страданий. Господи, правда ли это! Я, кажется, схожу с ума.

— Верьте, донья Санта! Вы совсем не так одиноки, как полагали, у вас есть храбрые и энергичные друзья, которые не постоят ни перед чем, чтобы спасти вас.

— Спасти меня! — покачала она головой, сделавшись вдруг грустной, — к сожалению, это немислимо!

— Все возможно, когда на что-либо твердо решиться, донья Санта; не падайте духом!

— Да, это правда; в вас много мужества, дон Торрибио. Но что вы

можете для меня сделать? Ах! Если бы вы только знали!

— Я все знаю, сеньорита; я присутствовал здесь и все слышал.

— Да, действительно, мне ведь Лукас Мендес говорил о вашем визите; я ждала вас с таким нетерпением, в то же время боясь вашего прихода.

— Почему же, сеньорита?

— Простите меня, друг мой, я просто теряю голову. Как я страдаю!

— Надо мужаться.

— В эту минуту я чувствую себя сильнее: вы со мной. О! Ведь вы защитите меня? — сказала она с мольбой.

— Не бойтесь ничего, этот человек уехал, он более не страшен.

— Увы! Он так силен; все склоняется перед его железной волей.

— Да, гений зла укоренился в нем; но я не боюсь его и сумею вас защитить от него, клянусь вам.

— Я верю и вашему доброму намерению, и вашей храбрости, дон Торрибио.

— Так в чем же дело?

— Увы! Я боюсь, что он раздавит вас, подобно тому, как давит всех, кто вступает с ним в борьбу.

— Дорогая Санта, я люблю вас! И эта чистая и глубокая любовь, которую Бог вложил мне в сердце, удесяттеряет мои силы, я избавлю вас от возмутительного тиранства этого человека; моя любовь поможет мне победить его и спасти вас.

— Говорите, говорите еще, дон Торрибио, — сказала она улыбаясь сквозь слезы, — я так давно не слышала дружеского голоса; он раздается в моих ушах, точно нежное пение птички. Слушая вас, я воскресаю!

— Бесценная моя, ведь вы — жизнь моя, два наших сердца составляют одно целое; вы отгадываете мои сокровенные мысли, так же как и я — ваши; вы будете счастливы!

— Счастлива! — проговорила она. — Разве возможно еще для меня счастье?

— Сегодня же, если вы согласны, вы можете избавиться от этого человека, который сделал вас пленницей!

— Ведь это только мечта!

— Все зависит от вас.

— И вы думаете, что он не отомстит мне?

— Нет, потому что вы будете находиться под надежной охраной.

— Разве вы так сильны, друг мой? — сказала она с детским восторгом.

— Я люблю вас, дорогая Санта!

— Я тоже люблю вас, и вы знаете это, дон Торрибио! — проговорила

она, опустив голову, чтобы скрыть внезапную краску, покрывшую лицо.

— Вот эта уверенность и придает мне силы, бесценная Санта!

— В самом деле, только чтобы добраться до меня, вы должны обладать большой силой.

— Я совершил почти чудо, в котором мне помог Бог. Я открыл все тайны асиенды, сам дон Мануэль не знает всех секретных уголков и ходов этого жилища; мне же все известно. Я могу все видеть и слышать, оставаясь скрытым от всех глаз; и теперь жизнь, честь и состояние человека, от которого вы так страдаете, в моих руках: я могу раздавить его, заставить его валяться у меня в ногах, я здесь один, но судьба всех обитателей этой несокрушимой крепости в моей власти, хотя они и не подозревают этого!

— Все возможно!

— Так оно и есть, донья Санта!

— Я верю вам, мой друг и спаситель, одна надежда на вас и поддержала меня в страдании и борьбе с доном Мануэлем. Но неужели вы воспользуетесь своей необъятной силой, чтобы уничтожить его? Лев не бросается на собак: он презирает их, так как сам благороден, велик и великодушен. Вы спасаете меня, охранив от мести этого человека. Такая задача прекрасна и достойна вас; сделать более не соответствовало бы настоящей цели; зачем вам вредить дону Мануэлю?

— Я лично не питаю к нему ненависти, даю вам честное слово!

— Как я счастлива, что вы говорите так. Наше счастье послужит для него достаточным наказанием; чего же нам еще надо?

— Конечно, ничего больше, дорогая Санта; вы рассуждаете, как ангел; и я со своей стороны вполне разделяю ваши благородные чувства; но, увы! на этом свете человек расплачивается за свои поступки. Дон Мануэль слишком долго пользовался безнаказанностью, но чаша переполнилась; и теперь настал час возмездия, которое будет ужасным.

— Что вы хотите этим сказать, мой друг?

— Я хочу сказать, мое бедное и доброе дитя, что этот человек — негодяй, совершивший самые гнусные преступления, в которых он обязан дать людям отчет. Если бы вы были его единственной жертвой, я бы еще согласился простить его. Но к несчастью, не одна вы страдали от него; он возбудил во многих такую ненависть, которая должна разразиться мщением. Я не могу объяснить вам всего по этому поводу, милая Санта: все, что мы с вами можем сделать для этого человека, это не вмешиваться в его дела.

— Боже мой! Вы пугаете меня, дон Торрибио. Неужели все, что

говорят о моем опекуне, правда?

— Для вас лучше никогда не узнать этой правды. Но оставим его. Все, что с ним произойдет, зависит не от нас, славу Богу! Поговорим лучше о наших делах!

— Я ничего не могу придумать! Посоветуйте мне! — отвечала девушка.

— Извольте, сеньорита; но раньше я должен убедиться, что вы имеете ко мне полное доверие.

— Я верю в вас, как в родного брата, дон Торрибио, ведь вы единственный друг у меня!

— Значит, вы исполните мой совет?

— Безусловно, если это зависит от меня!

В это время раскрылась потайная дверь и показался Лукас Мендес.

— Ах! — воскликнула девушка в ужасе.

— Не бойтесь, сеньорита, разве вы не узнаете этого человека?

— Лукас Мендес, мажордом дона Мануэля!

— Да, но на самом деле, это мой верный слуга, помещенный мной на службу к дону Мануэлю, чтобы охранять и защищать вас.

— Он не один раз и делал это. Я и раньше догадывалась, что он мой тайный покровитель, за что искренне благодарна ему! — добавила девушка с очаровательной улыбкой, протягивая свою маленькую руку старику, который почтительно поцеловал ее.

— Вы пришли кстати, Лукас Мендес! — сказал молодой человек. — Что нового?

— Мануэль де Линарес и дон Бенито де Касональ выехали с асиенды и забрали с собой своих. Нас осталось только двое: сеньорита да я.

— Как! А донья Франциска де Линарес и ее сын?..

— Они также уехали, сеньорита!

— Не осведомившись даже обо мне?

— Дон Мануэль распоряжается, и ему должны повиноваться беспрекословно, вы это знаете, сеньорита; и я теперь нарочно пришел сообщить вам, если позволите, о том плане, который придумал для вас.

— Viva Dios! Лукас Мендес, друг мой, как вы вовремя явились сюда! — вскричал дон Торрибио. — Мы с доньей Сантой в очень затруднительном положении, не зная что предпринять.

— В таком случае, если позволите, ваша милость...

— Вы говорите, говорите, Лукас Мендес!

— По-моему, есть одно средство к спасению...

— А именно?

— Уйти с асиенды.

— Уйти с асиенды? Да, но куда уйти? Где выбрать убежище? Ведь я не могу сопровождать донью Санту открыто — приличие не допускает того. Нет, это невозможно!

— Я обо всем подумал, ваша милость! И вот результат моих размышлений: сегодня ночью или, вернее, рано утром, пока вы еще спали, я нашел лошадей и привел их сюда, полагая, что они понадобятся нам.

— Правда, если мы поедem, то лошади нам необходимы. Каков же ваш план?

— Вот он: вы только что сказали, что не можете защищать открыто донью Санту; да и наши дела пострадали бы от этого. Через час я выеду отсюда с сеньоритой и по кратчайшей дороге, никому кроме меня неизвестной, мы с ней прибудем в Урес до приезда дона Мануэля. Донью Санту я оставлю на попечение честной семьи, за которую ручаюсь.

Там она будет в безопасности до того момента, когда ей можно будет спокойно выходить; к тому же, дон Мануэль не станет искать ее, и ей нечего будет бояться его, пока она будет скрываться.

— Знаете, что дон Мануэль назначен начальником полиции Уреса и что для него ничего не будет стоить...

— Повторяю вам, ваша милость, что дон Мануэль не станет даже пытаться разыскивать донью Санту.

— Ну, уж этого я никак не могу понять, Лукас Мендес, после того, что я сам слышал не далее, как час тому назад.

— Дон Мануэль не будет искать сеньориту, так как будет считать ее умершей.

— Умершей!

— Да, умершей, ваша милость! Надо действовать решительно. Завтра, с восходом солнца, оставшиеся на асиенде слуги найдут среди скал труп, одетый в платье доньи Санты: сеньора, обезумевшая от отчаяния, бросилась туда ночью и умерла.

— Но это посягательство на Бога! — проговорила девушка, крестясь.

— Нет, это средство к спасению, — вскричал дон Торрибио. — Ну, а потом?

— Через час донья Санта, переодетая в мужчину, уедет со мной! Я отвезу ее к дуплу того дерева, в котором были спрятаны ваши лошади, там для нее уже все приготовлено. Затем, через несколько часов я возвращусь обратно; завтра труп будет найден; я оставлю асиенду, чтобы сообщить дону Мануэлю об этой ужасной катастрофе.

— Надо решаться, сеньорита, это единственное средство к спасению,

хотя оно и кажется вам таким страшным; я же отправлюсь к дону Порфирио, и мы с ним решим, как поступить с доном Мануэлем.

— Дон Торрибио, вы обещали мне не вмешиваться в его дела.

— Я обещал вам, дорогая Санта, не мстить за нанесенные вам оскорбления! Большого я не могу сделать: повторяю, судьба этого человека зависит не от меня.

— Господи! Что будет со мной без вас?

— Я буду извещать вас о себе каждый день, а скоро и сам приеду в Урес. Санта, умоляю вас, ради вас самих, ради меня, который любит вас, ради нашего будущего счастья, соглашайтесь бежать.

— Пусть будет по-вашему, друг мой, я вам повинуюсь! — сказала она с грустной улыбкой.

— Благодарю, дорогая моя!

— Надо торопиться! — сказал Лукас Мендес. Молодой человек вышел из залы в сильном волнении. Час спустя, после душераздирающих прощаний, донья

Санта, переодетая в костюм ранчери, который делал ее еще прелестнее, выезжала с асиенды вместе с Лукасом Мендесом.

Дону Торрибио день показался нескончаемым; он провел его в комнатах доньи Санты, которые были для него как бы святилищем; разлученный со своей возлюбленной, он старался утешить себя, целуя каждую вещицу, принадлежащую ей.

После заката солнца возвратился Лукас Мендес; он нарочно велел подать обед сеньорите, потом через несколько минут объявил, что сеньора не желает выходить и заперлась у себя в комнате.

Около полуночи, завернув тушу козы в домашний костюм доньи Санты, дон Торрибио и Лукас Мендес снесли это животное к скалам и бросили в неприступном месте; кусок кружев они забросили повыше, на куст.

Все произошло, как предвидел Лукас Мендес: два часа спустя после восхода солнца один из пеонов, проходя по двору асиенды, заметил коршунов, кружившихся над скалой и испускавших пронзительные крики и затем поднимавшихся с кровавыми кусками мяса.

Пеон забил тревогу; все сбежались к скале; сначала увидели зацепившиеся кружева, развеваемые ветром, потом коршунов над какой-то массой, которую приняли за труп доньи Санты. Тотчас же побежали за мажордомом, Лукасом Мендесом, который поспешил констатировать факт ужасной катастрофы.

Через час никто уже более не сомневался в смерти несчастной

девушки, и Лукас Мендес, взяв на себя сообщить эту печальную новость дону Мануэлю, выехал с асиенды дель-Энганьо, где царило всеобщее отчаяние.

Дон Торрибио, успокоенный успехом хитрой выдумки своего слуги, остался один в подземельях, все углы и закоулки которых он хотел основательно изучить: у него тоже был свой собственный план, который он и обдумывал.

ГЛАВА VIII. В которой дон Порфирио вынужден возвратиться в Тубак

Выше было сказано, что после схватки у Марфильского ущелья, лишь только бандитов вытеснили из их засады, дон Порфирио с двадцатью охотниками пустил лошадей во всю прыть, торопясь пересечь овраг: от этого зависел успех сражения. Похищение доньи Хесус было совершено с таким нахальством и быстротой, что кроме доньи Энкарнасьон никто не заметил ее исчезновения. Но бедная мать не могла вынести такого удара и лишилась чувств, отчаянно вскрикнув.

Видя, что она падает, дон Порфирио взял ее на руки, думая, что она ранена, и, положив ее на свою лошадь, умчался с ней во весь дух, боясь погони.

Только, добравшись до вершины ущелья, дон Порфирио понял, что случилось.

Слов не хватает, чтобы описать отчаяние, овладевшее отцом, который внезапно лишился своей единственной дочери: он точно обезумел от горя и стал упрекать себя, что тотчас же не бросился вслед за негодями. Горько плача, он молил свою дочь, моля ее просить ему, что не сумел охранить ее, что не умер со всеми своими спутниками, защищая ее.

Но дон Порфирио был не такой человек, чтобы долго предаваться горю. Благодаря своей железной воле он, видимо, заглушил свою боль, затаив ее в глубине сердца; на вид он сделался невозмутимо спокойным.

Твердая Рука с боязнью следил за состоянием друга, не смея произнести ни слова; а когда увидел, что тот поборол свое страдание, то сказал ему:

— Это большое несчастье! Мы должны во что бы ни стало спасти бедное дитя!

— Во что бы ни стало, — повторил дон Порфирио, как эхо, — что вы сделали, друг мой?

— Послал Ястреба, лучшего из своих воинов, на разведку; он найдет след похитителей. Тогда мы пустимся за ними; может быть, они еще недалеко от нас, так как их пленница должна замедлять бегство. Я надеюсь, что мы найдем ее до вечера.

— Дай Бог, Твердая Рука! Спасибо вам за все, что вы сделали. Ну, а сейчас как нам быть?

— Сию же минуту отправиться на асиенду дель-Охо-де-Агуа; к счастью, донья Энкарнасьон в обмороке: значит, она не страдает пока. Когда она очнется, надо будет выдумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить ей причину отсутствия доньи Хесус. Во всяком случае, постарайтесь скрыть от нее правду, а то это ужасное открытие убьет или сведет ее с ума. Чувствуете ли вы себя достаточно сильным для этого, друг мой?

— Я понимаю вас, не беспокойтесь; я точка в точку последую вашему совету и обману бедную мать. Ну, а вы?

— Я обещаю вам сделать все возможное, чтобы освободить донью Хесус и вернуть ее в ваши объятия сегодня же. Надеюсь, Бог поможет мне.

— Отправляйтесь, дорогой мой, слушайте своего внутреннего голоса; я полагаюсь на ваше благородство и ваше знание пустыни.

— Надейтесь, — ласково проговорил охотник. — Я почти уверен в успехе.

Твердая Рука приказал устроить носилки, на которые уложили все еще бесчувственную донью Энкарнасьон, и все двинулись к асиенде.

Когда люди дона Порфирио скрылись за поворотом тропинки, Твердая Рука послал еще несколько человек на разведку, потом сел у подошвы горы, зажег трубку и стал курить, поджидая Ястреба.

Прошло несколько часов; разведчики возвращались один за другим. Судя по их донесениям, бандиты под влиянием паники рассеялись в разные стороны, и навряд ли скоро опять соединятся.

Это были хорошие новости. Твердая Рука остался ими доволен.

Наконец около четырех часов появился сам Ястреб.

Он был спокоен и невозмутим, как всегда.

Молча присев напротив Твердой Руки, он принял от него трубку, покурил минуты две-три, потом возвратил ее обратно с поклоном.

Твердая Рука покурил тоже в свою очередь; трубка переходила из рук в руки, пока не выкурили весь табак; но оба все еще молчали.

Эта церемония строго соблюдается среди индейцев.

— След не длинен, легко отыскался! — сказал охотник презрительно.

— Значит, удача? — спросил Твердая Рука.

— Эти воры — дрянные собаки, не сумели даже скрыть своих следов!

— Где кончается след?

— В трех или четырех выстрелах от леса.

— Так близко от нас! Вот дураки-то!

— Они мертвые.

— Мертвые? Кто же их убил, не вы ли, вождь?
— Нет, не я!
— А девушка?
— Лилия-Роза освобождена белым охотником.
— О каком охотнике вы говорите?
— Черный Орел! Тот самый, которого белые зовут Горячем Сердцем.
— Как! Горячее Сердце здесь? Вы ошибаетесь, вождь!
— Ястреб видел его и слышал щебетанье мелодичного голоса Лилии-Розы, разговаривающей со своим другом.
— Значит, девушка спасена?
— Да, Черный Орел убил диких собак, только один остался в живых.
— Славу Богу! Горячее Сердце человек честный, девушка, оставаясь с ним, не подвергается никакой опасности.
— Черный Орел обладает сердцем льва; к тому же, он любит Лилию-Розу.
— Так; но этого не может быть! Ведь он ее не знал раньше!
— Уши Ястреба были открыты; он все слышал; Черный Орел давно знаком с Лилией-Розой.
— Странно! Ну, а вы не знаете, намеревается ли Горячее Сердце возвратить нам девушку?
— Ястреб ничего подобного не слышал; молодые люди болтали и ели, сидя на лужайке у разведенного огня. Ястреб знал, что его отец, Твердая Рука, ждет его с нетерпением, и он поспешил прилететь к нему. Доволен ли мой отец?
— Вполне доволен, вождь; благодарю вас! Эти молодые люди весело болтают, забывая все на свете, а их родители плачут и отчаиваются! Надо пойти прервать их сладкий сон; увидев нас, они проснутся.
В пять минут охотники и воины сели на лошадей и стали спускаться с крутых склонов Марфильского ущелья.
Как раз в это все время дон Руис и донья Хесус выезжали с лужайки на асиенду дель-Охо-де-Агуа.
Всадники спустились с горы галопом и в четверть часа проскакали все расстояние, отделявшее их от равнины.
В девяти сотнях метров от леса по знаку Твердой Руки всадники приостановились, положив свои ружья поперек седел.
Сам же Твердая Рука загарцевал по направлению к лесу. Но едва он проехал несколько метров, как дон Руис показался из леса на своем Негро, проделывавшем всевозможные скачки и прыжки.
Так же, как и Твердая Рука, он бросил свое оружие.

Оба охотника продолжали гарцевать, приближаясь друг к другу, пока не съехались, а съехавшись, они тотчас же обменялись дружеским рукопожатием.

— Как я рад встретить такого знаменитого охотника, как Твердая Рука! — сказал молодой человек, вежливо раскланиваясь.

— И я счастлив, что случай натолкнул меня на моего молодого и храброго друга, Горячее Сердце! — не медля ответил Твердая Рука, кланяясь в свою очередь.

— Не трудитесь, друг, искать след похитителей доньи Хесус! Господь уже указал их мне; негодяи убиты.

— Я знаю, что Горячее Сердце спас донью Хесус. Приношу ему благодарность от имени родителей и друзей прелестной девушки.

— Откуда Твердая Рука мог узнать это? — спросил дон Руис, удивившись.

— Горячее Сердце не скрывался, ему не от кого было прятаться! — ответил с улыбкой Твердая Рука. — Ястреб разыскал след, пошел и увидел там молодого охотника, разговаривающего и закусывающего с доньей Хесус. Не правда ли?

— Правда, — ответил, улыбаясь, молодой человек, — Ястреб — умная голова и верный глаз.

— Горячее Сердце собирался выехать из леса?

— Да, чтобы поскорей возвратить донью Хесус ее родителям, которые оплакивают ее.

— Я был уверен, что Горячее Сердце благороден и великодушен, как и его отец, дон Фабиан.

— Вы мне доставляете огромное удовольствие, Твердая Рука, сравнивая меня с моим отцом; я стараюсь подражать ему, но мне еще далеко до него!

— Вы еще молоды, Горячее Сердце, и перед вами хорошие примеры.

— Так как вы здесь, Твердая Рука, то не возьметесь ли вы доставить донью Хесус до Охо-де-Агуа?

— Нет, извините, я этого не сделаю, несмотря на то, что я — близкий друг отца этой девушки.

— Почему же?

— Потому, мой юный друг, что я не хочу лишать вас радости самому возвратить отцу и матери дитя, которое вы спасли.

Дон Руис покраснел от удовольствия.

— Как же я пойду туда? — смущенно сказал он. — Я почти не знаком с доном Порфирио и доньей Энкарнасьон. Передайте им, что я счастлив,

спасши горячо любимую ими дочь и что я попросил вас отвезти ее.

— Нет; это ваш долг, хотя он так труден для вас, — пошутил Твердая Рука и добавил, — я обращаюсь теперь не к Горячему Сердцу, славному охотнику, а к дону Руису Торрильясу де Торре Асула, заслуженному кабальеро; дон Руис не может уклониться от этой обязанности.

— Вы серьезно так думаете, Твердая Рука? Ведь вы тоже — кабальеро и даже из наиболее знатных!

— Вот именно в качестве такового я и говорю вам, дон Руис!

— Хорошо, раз это так, я согласен!

— Наш путь не долог.

— Мы едем вместе?

— Конечно!

— Значит, все к лучшему, Твердая Рука?

— Да, если я и не хотел бы теперь ехать на асиенду, то отправился бы туда нарочно для вас.

— Для меня? По какому поводу?

— Потому что мне надо сообщить вам о некоторых весьма важных делах, которые вам необходимо знать.

— Я не понимаю вас.

— Что вполне естественно; но ведь вы не отказываете мне в разговоре?

— Ни в коем случае, я очень рад поговорить с вами, когда хотите.

— Я вас ловлю на слове, дон Руис! Сегодня вечером мы переговорим!

— Хорошо, итак до вечера, сеньор; а теперь позвольте мне пойти успокоить донью Хесус: она ждет моего возвращения.

— Это правда. Идите скорей, дон Руис; вы найдете меня на этом самом месте.

— Через пять минут мы с доньей Хесус будем здесь. Охотники обменялись опять рукопожатиями; дон Руис

поворотил лошадь и во весь дух помчался к лесу, в котором на минуту скрылся и затем сейчас же показался оттуда в сопровождении девушки.

Донья Хесус совсем мало знала Твердую Руку. Она видела его в Пальмаре только один раз, но слышала о нем много хорошего, в особенности от своего отца: а потому ей хотелось ближе познакомиться с ними.

Твердая Рука поклонился девушке с изысканной вежливостью и успокоил ее относительно состояния здоровья ее матери.

Между тем солнце начинало уже спускаться за горизонт; нельзя было более терять ни минуты, чтобы добраться до асиенды до ночи; все

двинулись по направлению к ущелью.

Не успели охотники сделать несколько шагов, как заметили всадника, скачущего во всю прыть. Твердая Рука приказал остановиться, чтобы подождать этого человека, которого он как будто узнал: это был Пепе Ортис.

Твердая Рука нахмурился, опасаясь дурных известий; ему показалось странным, что тот мчался так по саванне, в такое позднее время.

Между тем Пепе Ортис также узнал всадников и спешил J поскорей доехать до них.

— Э-э! Это вы, сеньор Пепе Ортис? — окликнул его Твердая Рука дружелюбным тоном.

— Да, я, сеньор!

— Вы куда?

— В Охо-де-Агуа.

— Как вы неосторожны! Разве можно лететь так одному, по пустыне?

Пепе Ортис лукаво усмехнулся.

— Я сначала сопровождал дона Порфирио Сандоса, которого нашел в Тубаке, но вынужден был вернуться в пресидио.

— А!

— Да. Мне послышались выстрелы, верно, дрались?

— Была серьезная схватка.

— А дон Порфирио?

— Он миновал западню.

— Слава Богу! Так что теперь...

— Он находится в Охо-де-Агуа и через полчаса мы его увидим. Нет ли чего нового?

— Без этого разве я отстал бы от каравана?

— Верно. Что же такое?

— Много чего.

— Хорошего или дурного? Пепе Ортис закачал головой.

— Я сейчас ничего не могу сказать вам, но когда мы приедем на асиенду, вы все узнаете.

— Ладно; я не настаиваю!

Через полчаса Твердая Рука и его спутники были на асиенде, где их ждали с большим нетерпением. Дон Порфирио выбежал к ним на встречу.

— Ну, что? — спросил он с замиранием сердца.

— Я тут, я тут, отец! — вскричала девушка, протягивая к нему руки.

Дон Порфирио снял ее с седла и прижал к своей груди, осыпая ласками; и отец, и дочь плакали от счастья быть опять вместе после

стольких страданий.

Как только волнение дона Порфирио немного утихло, он, не выпуская дочь из своих объятий, обратился к Твердой Руке.

— Друг, — сказал он, — ведь это вам я обязан тем, что опять вижу свою дочь?

— Нет, мой друг, — откровенно ответил охотник, — другой, более молодой и счастливый, чем я, освободил ее из рук бандитов и сам возвратил бы ее вам, если бы мы с ним случайно не встретились в саванне.

— Другой, говорите вы? Где же он, дайте его сюда, чтобы я мог выразить ему всю мою радость!

— Вот он! — сказал Твердая Рука, указывая на молодого человека, спрятавшегося сзади него.

— Дон Руис! Сын моего старого друга! Он спаситель моей дочери?!

— Он самый, друг мой!

— Так и должно было случиться! Да будет воля Господня. Руис, сын мой, я вознагражден не по заслугам, видя ваше счастье!

Дон Порфирио прижал к груди обоих молодых людей.

— Хорошо, дети мои, — сказал он в волнении, целуя то того, то другого, — Руис, вы спасли ее, я только одним и могу отблагодарить вас...

— О, отец мой!

— Сын, так как вы теперь действительно мой сын, поцелуйте свою невесту!

Мы не беремся описать все счастье молодых людей при такой неожиданной развязке. Дон Порфирио подошел к Твердой Руке.

— Ну, — спросил его охотник, — теперь мы привели вам беглянку. А здесь что делается? Как чувствует себя донья Энкарнасьон?

— Что мама? — воскликнула девушка.

— После того, как к ней вернулось сознание, она впала в глубокий сон, который еще продолжается.

— Слава Богу! Сведите меня к ней поскорее, отец! Я хочу, чтобы она сразу увидела меня, проснувшись.

— Иди, дитя мое, иди!

— Возвращайтесь скорей, дон Порфирио, — сказал Твердая Рука, — мне надо поговорить с вами!

— В чем дело?

— Сейчас узнаете, торопитесь!

— Я привез важные известия! — сказал Пепе Ортис выступая.

— Я приду сию минуту! — дон Порфирио, скрываясь вместе с дочерью.

Между тем Твердая Рука, дон Руис и Ястреб пошли в залу, где по мексиканскому обычаю стояли уже на столе всевозможные напитки.

Пепе Ортис последовал за ними, но скромно сел поодаль на скамейку, подле двери.

Дон Порфирио возвратился через полчаса; он был сильно взволнован и сейчас же поспешил успокоить своих друзей.

— Все сошло вполне благополучно. Донья Энкарнасьон, проснувшись от горячих ласк дочери, очень обрадовалась, увидев ее; и прежде чем успела сообразить все, что произошло, Хесус так ловко сумела обмануть ее, что она теперь убеждена в своей ошибке, и думает, что ее дочь была с нами во время прохода через ущелье. Значит, с этой стороны нам больше нечего опасаться. Теперь я к вашим услугам, простите, что запоздал!

— Прекрасно, — сказал Твердая Рука, — я в восторге, что дела приняли такой оборот.

— Вы хотели что-то сказать мне?

— Да, кажется, об очень важных известиях.

— В чем же дело?

— Я сам не знаю; но Пепе Ортис, которого мы встретили в саванне, говорит, что он привез важные новости.

— А-а! Он наконец догнал нас, беглец этакий, ведь он скрылся вдруг, не сказав никому ни слова, и погнался за каким-то субъектом. Где же он?

— Я здесь, сеньор! — отозвался Пепе Ортис, вставая и походя к дону Порфирию.

— Что вы хотите сообщить нам, мой друг?

— Весьма важные известия, сеньор!

— О которых вы узнали сегодня?

— Да, ваша милость, когда я поехал за человеком, который мчался за нами.

— О-о! Тут что-то серьезное!

— Мы ничем не можем пренебрегать теперь! — заметил Твердая Рука.

— Что же это был за человек, — спросил дон Порфирио, — и чего он хотел от нас?

— Это был Муньос, сеньор!

— Трактирщик из Тубака?

— Да, он!

— Гм! Я не думал, что он такой пряткий. Тут что-то кроется! Ну, объясняйтесь же, Пепе Ортис, говорите смелее, мы выслушаем вас, только будьте кратки!

— Постараюсь, ваша милость, рассказать вам все в нескольких словах!

Час спустя после вашего отъезда из Тубака в пресидио на всех парах влетел всадник. Вдруг его лошадь взвилась на дыбы и затем повалилась замертво на землю, увлекая за собой всадника, всего истерзанного и без чувств; его отнесли в гостиницу. Там он первым делом осведомился о вас. Узнавши о вашем отъезде, он пришел в такое волнение, что Муньос сильно забеспокоился, а так как, вы сами знаете, он предан вам, то и предложил отправиться вслед за вами и привезти вас с собой. Раненый, конечно, согласился. Муньос сел на лошадь и уехал. Когда он мне сообщил обо всем, я подумал, что не стоит беспокоить вас, что лучше мне самому вернуться в Тубак с Муньосом.

— И хорошо сделали!

— Трактирщик сначала заупрямился; он хотел непременно поговорить лично с вами; но я убедил его, и мы тогда оба повернули лошадей. Лишь только я увидел раненного, как тотчас же узнал его.

— Кто же это был? — в нетерпении спросил дон Порфирио.

— Лукас Мендес, ваша милость!

— Лукас Мендес! — воскликнули в один голос дон Порфирио и Твердая Рука.

— Да, он самый, ваша милость. И вот, что я узнал: дон Мануэль заманил вас по ложному следу. Пока все ваше внимание было сосредоточено здесь, он собирал войска с другой стороны; сам же, воспользовавшись моментом, отправился в Урес.

— Скорей к делу! — воскликнул дон Порфирио в беспокойстве.

— В двух словах; в Уресе произошло восстание, вся Сонора поднялась на него и провозгласила дону Мануэля военным и гражданским губернатором штата.

— Его! О, какое безумие!

— Это еще не все, ваша милость: Синалоа и Аризона тоже на пути к восстанию; они хотят соединиться, составив самостоятельную республику, президентом которой намереваются назначить дону Мануэля. Далее, апачи и сиу присоединились к мятежникам и подступили к границам.

— Эти сведения получены вами из верных источников?

— Мне передал о них мой хозяин, дон Торрибио. Он отправил Лукаса Мендеса, доверив ему это кольцо, которое вы должны узнать

— Где оно?

— Вот, извольте, ваша милость.

— Да, все сведения верны! — сказал дон Порфирио, надевая кольцо на один из пальцев. Где теперь дон Торрибио?

— В окрестностях Уреса, чтобы иметь возможность следить за

неприятелем и приготовить ему отпор.

— Хорошо, я узнаю его в этом. Но еще не все потеряно, особенно, если мы будем действовать решительно; но куда нам деть дам?

— Лукас Мендес уверяет, что завтра он в состоянии будет сидеть на лошади; он берется найти для них безопасное убежище.

Он нагнулся к уху дона Порфирио и прибавил ему шепотом несколько слов.

— Хорошо! — согласился тот с улыбкой. — Сеньоры, через час мы сядем на лошадей. Асиенда дель-Охо-де-Агуа будет снесена. С какой стати нам оставлять после себя такую крепость?! Вы поедете с нами, Твердая Рука?

— Нет, я лучше оставлю вам своих охотников, а войско возьму с собой и отправлюсь в свои деревни. Если апачи и сиу взбунтуются, то папаго и команчи удержат их. Через неделю я буду со своими людьми на вилле, что на Рио-Хиле; туда и посылайте за мной, если я вам понадобится, а до отъезда я сам взорву укрепления Охо-де-Агуа.

— Пусть будет так, благодарю вас, и рассчитываю на вас, мой друг!

Они искренне пожали друг другу руки.

— А вы, дон Руис? — обратился дон Порфирио к молодому человеку. — Вы что хотите делать?

— Я? Разве я теперь не сын ваш? Я не оставлю вас.

— Прекрасно, я в этом был уверен, дитя мое, и очень счастлив иметь вас подле себя! Мужайтесь, господа! Нашему врагу еще далеко до победы. С Божьей помощью мы обратим этот триумф в поражение.

Через час все охотники и стрелки выезжали опять по Марфильскому ущелью в Тубак.

Донью Энкарнасьон с дочерью сопровождал сильный отряд, который до восхода солнца въехал в пресидио и опять расположился на главной площади.

ГЛАВА IX. Масса дурных известий

Мексика, кажется, единственная страна в мире, где самые алчные стремления увенчиваются успехом. Постоянная анархия сделала то, что здесь все возможно; чем безумнее предприятие, тем более шансов на удачу; с энергией и золотом здесь всего можно добиться, какова бы ни была намеченная цель. Планы дон Мануэля де Линареса, которые во Франции сочли бы чудовищными, и автора их запрятали бы в темницу, в Мексике никого даже не удивляли. Напротив, их находили заманчивыми; у дон Мануэля являлись ревностные сторонники, готовые поддержать и защитить его, рискуя всем.

Какова бы ни была репутация дон Мануэля де Линарес, но это был богач, или, по крайней мере, слыл за такового: золото сыпалось в изобилии из его рук; уже одного этого было достаточно, чтобы он приобрел себе массу друзей. Кроме того, в Соноре и других соседних штатах почти не было войск, а те, которые еще оставались там, легко было купить. В силу всего этого повсеместное восстание произошло без единого выстрела. Довольно было нескольких часов, чтобы все, соединившись, признали власть смелого злоумышленника. Жители по привычке отнеслись к этому факту вполне равнодушно: в общем, им было решительно все равно, будет ли у них губернатором дон Порфирио Сандос или же дон Мануэль Линарес; они знали, что как в том, так и в другом случае, им придется платить громадные налоги. В Мексике, справедливо можно сказать, чем более происходит перемен, тем прочнее старые порядки.

После восстания прошло две недели. Дело было вечером, пробило десять часов. В городе Уресе, расположенном на индейской границе, дул сильный ветер, так называемый *кордонасо*, которого все боялись вследствие опустошений, производимых им всюду, где он появлялся. Эти *кордонасос* берут свое начало в Кордильерах и являются настоящим бичом для стран, в которых они свирепствуют.

Дождь лил как из ведра; небо время от времени разрывали зловещие зигзаги молний; раскаты грома раздавались несмолкаемым эхом в пещерах и горах. Город казался вымершим; на улицах не было ни души; все дома заперты и свет всюду загашен; только в одном месте, точно на маяке, виднелся огонек, блестящий из окна дворца, находящегося на главной площади. Это было окно рабочего кабинета, с роскошной обстановкой, в котором сидели два человека; перед ними стоял огромный стол, покрытый

зеленой скатертью и заваленный книгами, бумагами и журналами.

То были дон Мануэль и его друг, дон Крестобаль Паломбо. Дон Крестобаль был в дорожном костюме.

Оба друга казались озабоченными и мрачными. Их разговор, без сомнения, весьма интересный, происходил вполголоса, точно они боялись, что чье-либо нескромное ухо подслушает их.

— Десять часов, а никого еще нет! — сказал с досадой дон Мануэль.

— Разве вы кого-нибудь ждете?

— Конечно, я сижу без известий целых три недели, я ничего не знаю, а потому вынужден бездействовать; с часу на час я ожидаю курьера.

— Погода скверная; дороги теперь непроходимы. А откуда вы ждете вестника, из Синалоа, или из Аризоны?

— Нет, не из этих штатов; там у нас верные друзья, на которых можно положиться.

— Я это знаю, но знаю также и то, что никогда нельзя продавать шкуру медведя раньше, чем убьешь его. Откуда же этот вестник?

— Из Марфильского ущелья.

— О-о! Там враг силен, сам дон Порфирио!

— Это правда; но наши люди испытанные и под командой дона Бальдомеро де Карденаса.

— Да, такой командир чего-нибудь да стоит: дон Бальдомеро не только храбр, но и хитер, как краснокожий. Но что вы затеяли?

— Я приказал похитить у дон Порфирио его жену и дочь.

— От души желаю вам успеха; может быть, вы получите теперь более приятные известия, чем те, которые я вам привез.

— Да, я просто теряю голову в этом деле. Итак, вы ничего не нашли?

— Ровно ничего, кроме того куска кружев, о котором я вам говорил.

— И у вас были верные люди?

— Десять прекрасных охотников, самых смелых и ловких.

— И они не могли добраться до трупа?

— Мы все испробовали, но это оказалось невозможным.

— Как это странно!

— Что могло заставить бедную девушку решиться на такую ужасную смерть?

Дон Мануэль покачал головой.

— Вы знаете, почему она покончила самоубийством?

— Ничего не знаю! — ответил он сердито.

— Что же вы качаете головой?

— Потому что я убежден, что она осталась жива.

- Кто, донья Санта?
- Да, я готов поклясться в этом!
- Вы, кажется, сошли с ума, милый друг, ведь я же видел ее труп!
- А кто докажет, что это был труп доньи Санты?
- А чей же еще?
- Вот видите, вы сами не уверены.
- Однако...
- Вы не уверены, говорю я! Положим, вы видели туловище, это туловище было одето в платье доньи Санты, я согласен с вами; но рассмотрели ли вы черты лица?
- Вы сами знаете, как велико расстояние.
- Но вы сами говорили мне, что вам показалось неестественным, что донья Санта, бросаясь со стены, могла попасть туда, где лежит так сказать, ее труп. Говорили вы это или нет?
- Я вам еще раз повторяю мои слова, дорогой дон Мануэль: «Почти невозможная вещь». Но все-таки она упала туда.
- Дон Кристобаль, знаете, что мои предчувствия редко обманывают меня. Я утверждаю, что донья Санта жива и что исклеванный труп, виденный вами, не ее.
- Положи, что это так, но ради чего такая комедия?
- Чтобы ввести нас в обман; донья Санта или сама скрылась с асиенды, или же ее похитили.
- Но кто? Ведь ее никто не мог видеть при той страже, которая ее охраняла. Не через стену же она прошла.
- Очень может быть.
- О! Дон Мануэль, вы меня считаете за дурака!
- Нисколько, мой милый друг; это дело весьма важно, и если хотите знать правду, я боюсь!
- Бойтесь, вы?!
- Да, мой друг; согласитесь, что тут какая то необъяснимая тайна.
- Да, действительно.
- При тех обстоятельствах, в которых мы находимся, меня беспокоит все, что принимает таинственный оборот, я боюсь всего необъяснимого, я дрожу не за одного себя, а за всех нас.
- Вы начинаете создавать себе химеры; какое особенное значение может для нас иметь исчезновение этой девушки? Чего нам бояться ее, даже если она осталась жива?
- Дон Мануэль горько усмехнулся.
- Вы слепы, дон Кристобаль, или же вы умышленно не понимаете!

— Я? О! Клянусь вам!

— В таком случае, вы, значит, не потрудились подумать, какие будут последствия этого невероятного бегства; вы не допускаете, что донья Санта не могла пройти сквозь стены асиенды, а равно не могла сама перепрыгнуть все рвы, опустить подъемные мосты без того, чтобы не увидели сторожа. Но это не все: выйдя с асиенды, она очутилась бы одна, в пустыне, пешком, без денег, вдали от всякого жилища. Не зная дороги и будучи слишком слабой, она не могла бы добраться до первого мексиканского поселка.

— Все ваши доводы, дон Мануэль, в высшей степени логичны; сознаюсь, я не подумал...

— Погодите! — сказал он, презрительно пожав плечами. — Это еще не все. Предположим, что она вследствие своей энергии решилась пройти одна через громадную пустыню...

— О! Это немыслимо, дон Мануэль!

— Значит, она бежала не одна; с ней было несколько сообщников, сильных и храбрых мужчин, опытных и хорошо знающих неизвестные ей дороги, эти секретные ходы и выходы в подземельях, о которых мы сами имеем лишь смутное понятие.

— О-о! — проговорил дон Кристобаль, бледнея. — Вы правы; но тогда, если все действительно так, мы погибли!

— А! Вы наконец поняли меня! — сказал дон Мануэль с насмешкой. — Мой страх и беспокойство больше не удивляют вас?

— Наша тайна в чужих руках; теперь мы во власти врагов. Но как они могли разузнать все?

— Вот это-то и требуется выяснить как можно скорее, дон Кристобаль.

— Есть один человек, которому известны все тайны асиенды; помните, как он необычайно скрылся?

— Да, это дон Порфирио. Он лучше нас знает все тайные ходы и помещения асиенды; но, не взирая на его ненависть к нам, никому не откроет секрета.

— Ведь он поклялся отомстить нам?

— Да, но он также поклялся, что не раскроет тайн асиенды, и даже при исполнении своей мести не нарушит клятвы: это честный человек! — сказал дон Мануэль странным тоном. — Если бы он намеревался не сдержать своего обещания, разве он стал бы ждать целых двадцать лет?

— Какой же черт держать нас в своих лапах?

— Я сам ищу его! — проговорил дон Мануэль в раздумье.

— Но странно, что этот человек, кто бы он ни был, открывши тайны

асиенды, до сих пор не проявляет себя, хотя бы нападением на нас!

— Вот это-то меня и пугает; чтобы так действовать, у этого человека должна быть уверенность в своей необъятной силе; он скрытно подстраивает против нас козни, чтобы доконать нас.

— Этот человек — дон Торрибио! При него ходят слухи, что мексиканское правительство поручило ему уничтожить наш союз.

— Так! — проговорил дон Мануэль. — Это бахвал и враль, как и все уроженцы Буэнос-Айреса! Он хвастался, что может разбить всех нас в несколько дней. Однако, что же он сделал пока? Вот уже пять месяцев, как он рыщет по Соноре. Чего же он добился? Ничего!

— Позвольте заметить, дорогой дон Мануэль, что, судя по тому, что вы сами изволили говорить, этот человек не может быть ничтожным противником. Он даже, по вашим же словам, оказывал вам услуги в критических обстоятельствах, из которых вам без его помощи трудно было бы выбраться.

— Оставим это, мой друг! Допустим, этот человек храбр и умен, но из этого еще не следует, что он обладает какими-то особенными способностями, которые ему приписывают, но которых он до сих пор ничем не проявил. Если бы у него на самом деле была такая сила, то он был бы не человеком, а демоном. Где ему, иностранцу, открыть тайны, которых столько искусных искателей следов не могли понять многие годы? Даже предполагать такую вещь нелепо!

— Все же не мешает быть осторожнее, дон Мануэль.

— Нет, он тут не причем, уверяю вас; к тому же, он в моих руках. Мне известен каждый шаг его через старого слугу.

— Лукаса Мендеса?

— Да.

— Вы так уверены в этом человеке, дон Мануэль! Что же касается меня, то, признаюсь вам, его странные манеры, смиренная и в то же время хитрая физиономия внушают мне подозрения; по-моему, это — несомненный изменник!

— Вы не в своем уме, дон Кристобаль; право, вам всюду мерещится измена!

— Потому что она есть в действительности.

— До известной степени. Но зачем преувеличивать?! Не надо бояться; трусость — самое ужасное зло. Когда она овладевает человеком, то он не в состоянии здраво рассуждать и правильно поступать; я уверен в Лукасе Мендесе; он доказал мне свою несомненную преданность.

— Не буду настаивать относительно его, но...

— Вы все-таки остаетесь при вашем мнении, черт побери?

— Признаюсь, да!

— Как вам угодно! Будущее покажет вам, что вы ошибаетесь!

— От души желаю этого.

— Возвратимся же к моей воспитаннице. Я сам не знаю почему, но с того дня, как она исчезла, я не имею ни минуты покоя. Как она могла выйти с асиенды? Надо это разузнать во что бы то не стало. Донья Санта скрывается, мы должны разыскать ее. Когда же она будет в наших руках, — он при этом нахмурил брови, — мы сумеем выведать от нее, кто тут орудовал.

— Не поздно ли теперь приниматься за розыски?

— Напротив, теперь самый удобный момент. Она спрятана, наверное, недалеко от нас; успокоившись, что ее считают умершей, она перестанет быть настороже, будет выходить и в один прекрасный день попадет прямо к нам в руки. Для этого надо усердно следить за ней. Согласны вы взяться за это?

— Як вашим услугам.

— Ну, так слушайте: не жалейте золота. Вы знаете, что это — ключ, отмыкающий все двери. Но будьте осторожны и терпеливы; вы увидите, заблудшая овечка найдется через неделю.

— Дай Бог! С завтрашнего же дня я принимаюсь.

— Прекрасно, я уверен, что вы найдете ее.

В эту минуту послышался шум скачущей галопом лошади, затем вопрос караульного: «Кто там»? — после чего с треском раскрылись и захлопнулись ворота дворца.

— Вот курьер! — сказал дон Крестобаль.

— Что же он медлит? — сказал дон Мануэль в нетерпении. — Что он там делает на дворе?

Дверь кабинета открылась, и показался привратник.

— Курьер к его превосходительству, губернатору! — доложил он с поклоном.

— Пусть войдет!

— Ваше превосходительство, он, бедный, весь измок, с него просто течет вода и грязь!

— Ничего, пусть входит — и сию же минуту!

Привратник раскрыл дверь и пропустил человека, который вошел тяжелыми шагами, шатаясь, как пьяный и оставляя позади себя лужи грязи.

Дон Мануэль и дон Крестобаль сразу узнали его. Это был Матадиес, грозный бандит. Но в каком ужасающем виде! Он еле держался на ногах от

усталости, одежда на нем висела клочьями; на том месте, где он остановился, тотчас же образовалась громадная лужа грязи.

— Пить! — проговорил он хриплым голосом. — Трое суток у меня ничего не было во рту!

По знаку дона Мануэля, привратник вышел и вскоре вернулся с двумя пеонами, из которых один принес кресло, а другой поднос, заставленный питьем и едой.

— Сядьте сюда, — сказал дон Мануэль, — и закусите: я подожду расспрашивать вас, пока вы не подкрепите свои силы.

Бандит с облегчением опустился в кресло и с жадностью набросился на еду, совершенно забыв, где он и кто перед ним. В каких-нибудь четверть часа с подноса все исчезло.

— Ну что, вам теперь легче? — спросил дон Мануэль бандита, утиравшего рот рукавом.

— Да, ваша милость, я просто умирал с голоду и усталости, но теперь — *alabado sea Dios!*¹¹ — все кончено; я готов отвечать вам! — И он, без церемоний взяв со стола папиросу, закурил ее.

— Откуда вы? — спросил дон Мануэль, как бы не замечая вольности бандита.

— Из Марфильского ущелья.

— Ну? — разом вскричали оба.

— Ну, господа! — грубо ответил он. — Мы сами попали в западню, которую приготовили для других.

— Это что значит? — сердито воскликнул дон Мануэль.

— На нас напали врасплох; половина товарищей погибла, а другие разбиты. А между тем, клянусь вам, мы дрались, как ягуары.

— *Rayo de Dios!* Неужели это правда? — вскричал дон Мануэль в ярости.

— Подлецы этакие, они пустились в бегство при первом же выстреле!

— Нет, ваша милость, — сказал бандит, — я говорю вам истинную правду. Только тридцать человек из наших ушли: враги били нас без пощады. Я остался в живых каким-то чудом; мне удалось, с помощью нескольких товарищей, похитить донью Хесус, но...

— Где же она? Надеюсь, вы ее не убили?

— Донья Хесус в настоящее время пребывает на асиенде дель-Охо-де-Агуа, со своими родителями и друзьями.

— Несчастный! Вы подло изменили мне!

— Я так и знал! — проговорил дон Крестобаль. Бандит пожал плечами.

— Я не изменник! — холодно ответил он, — донью Хесус отнял у нас проклятый охотник; он же убил моих спутников. Мне же, неизвестно по какой причине, пощадил жизнь.

— Как, один человек? — закричал дон Мануэль.

— Да он издевается над нами! — сказал дон Крестобаль.

— Я ни над кем не издеваюсь, — возразил тот с горечью, — а говорю правду, что он был один. Но этот человек справится с двадцатью людьми — это Горячее Сердце.

— Дон Руис! — проговорил дон Мануэль.

— Сын дона Фабиана Торрильяса де Торре Асула, друга дона Порфирио Сандоса! — сказал дон Крестобаль.

— А! Это ужасно, сама судьба идет против нас.

— Ба! — проговорил дон Крестобаль, напуская на себя спокойствие. — Постараемся отомстить!

Вдруг показался привратник с докладом:

— Сеньор Наранха изволили приехать.

— Наранха! Вот кстати-то. Пусть идет скорей!

Весь измокший от дождя, новоприбывший вошел в комнату и остановился перед своим хозяином.

— Есть новости? — спросил дон Мануэль в нетерпении.

— Только одна! — лаконически ответил самбо.

— Важная?

— Судите сами, ваше превосходительство!

— Не виляйте, говорите прямо.

— Дон Порфирио Сандос идет на Урес во главе многочисленного войска.

— Вы это наверное знаете?

— Наверное.

— Значит, все потерянно! — воскликнул дон Мануэль.

— Почем знать? — ответил самбо насмешливо. — Напротив, может быть, все выиграно.

Дон Мануэль посмотрел на него с изумлением. Наранха ничего не ответил, но только многозначительно взглянул на Матадиеса, который преспокойно курил папиросу.

— Подойдите сюда! — сказал губернатор бандиту. Тот встал и подошел к нему.

— Слушайте, — сказал ему дон Мануэль, — пойдите отдохните и выспитесь. Завтра я вам дам инструкции; я вами очень доволен; вот возьмите себе пока.

Он протянул ему кошелек, наполненный золотыми монетами. В глазах бандита сверкнула радость, и он весело ответил губернатору:

— Сегодня, завтра и всегда я готов служить вашему превосходительству. Как я хорошо сделал, что поступил к вам на службу: вы так щедро оплачиваете услуги!

Затем он повернулся и вышел из комнаты.

— Теперь нам бояться некого, говорите всю правду! — сказал дон Мануэль, — лишь только дверь закрылась за бандитом.

— С удовольствием! — ответил Наранха, присаживаясь.

Не станем входить в подробности разговора, последовавшего между ними. Скажем только, что результатом его явились новые ужаснейшие проекты.

ГЛАВА X. Вечерний разговор между двумя девушками

то время как дон Мануэль де Линарес, дон Крестобаль Паломбо и самбо Наранха совещались во дворце, как бы им погубить дона Порфирио Сандоса, с другой стороны площади, в кокетливой и уютной комнате сидели и болтали две девушки; одна из них покачивалась, сидя в кресле, и курила тонкую папироску из душистого табака.

Ставни их дома были наглухо заперты; спущенные плотные портьеры не давали внутреннему свету проникнуть наружу; все двери были крепко заперты. Эти предосторожности показывали, насколько они боялись нескромных взглядов.

В этой комнате находились донья Санта дель Портильо, опекуном которой был Мануэль де Линарес, от тиранства которого ей удалось избавиться благодаря дону Торрибио де Ньебласу. У одной из стен стояла кровать, приготовленная на ночь и обтянутая легким пологом. На противоположной стороне висела картина художественной работы, изображающая поклонение волхвов. В углу комнаты, за полуоткрытой шелковой занавесью, усеянной серебряными звездами, виднелась статуя Богородицы из белого мрамора; тут стояли свечи и висела теплящаяся лампадка на серебряной цепочке.

Вдоль третьей стены стоял комод в стиле Ренессанс, на котором лежал какой-то инструмент, вроде мексиканской мандолины, потом стояла роскошная жардиньерка, ежедневно наполнявшаяся живыми цветами; затем на стене красовались часы и венецианское зеркало шестнадцатого столетия; в больших промежутках и в середине комнаты были расставлены турецкие диванчики и креслица с плотными персидскими подушками.

Тут были также разные столики, на которых виднелись журналы, ноты, перчатки, веера, флакончики и прочие принадлежности молоденьких девушек, и, конечно, пианино *Soufletto* дополняло обстановку.

Рядом с этой комнатой устроена была уборная, и затем комната камеристки.

Таково было гнездышко доньи Санты. Молодую особу, сидящую на другом кресле, звали Лолья Нера. Это была красивая метиска, почти ровесница доньи Санты, которую она очень любила. Лолья Нера служила ей в качестве камеристки и была ее подругой и в то же время —

наперсницей.

Лукас Мендес, не забывший ни о чем, позаботился, как бы облегчить донье Санте ее одиночество, а потому и представил ей Лолью Неру, которую та встретила с радостью и сразу полюбила. С этой минуты донья Санта почувствовала себя счастливой и горячо благодарила старика за такой приятный сюрприз.

Несколько минут между девушками царило молчание.

— Что же вы не ложитесь, нинья? — спросила Лолья Нера, чтобы прервать молчание.

— Рано еще! Мне не хочется спать! Немного позже, — ответила донья Санта, смахнув своим розовым ноготком пепел с папиросы. — Так ты встретила его?

— Кого? — лукаво спросила камеристка. — Лукаса Мендеса?

— Злая! Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю! — сказала она, слегка нахмутив брови.

— О нем, не правда ли?

— Да! — ответила она совсем тихо.

— Я встретила его.

— Сколько раз?

— Четыре, и все на том же месте.

— Где именно?

— Ведь я же говорила вам после каждой встречи.

— Я забыла.

Лолья Нера улыбнулась.

— У второй исповедальни, налево от входа в церковь! — сказала она.

— Так; и он говорил с тобой?

— Конечно, каждый раз.

— Что же он говорил тебе?

Лолья Нера, видя, что ее хозяйка нарочно прикидывается такой забывчивой, ответила с необыкновенным терпением, но шаловливо:

— Он сказал мне: «Сеньорита, мне необходимо поговорить, хотя бы одну минуту, с вашей прелестной хозяйкой»...

— Ты уверена, что он сказал «прелестной»?

— Я повторяю вам буквально, — сказала компаньонка, смеясь, — не изменяя ни одного слова.

— Ну, хорошо, продолжай!

— «Мне опасно оставаться в этих местах, но я нарочно приехал сюда ради нее».

— Что ему нужно от меня, милая Лолья?

— Не знаю; только сегодня он вот еще что сказал: «Скажите своей госпоже, что мои враги догадываются о моем присутствии в Уреса. Я рискую жизнью, оставаясь здесь, но ни за что не уеду, не повидавшись с ней».

— Бедный молодой человек!

— И такой красивый, такой храбрый и гордый!

— Ты однако хорошо рассмотрела его!

— У меня на то и глаза, нинья; да и как же я могла бы узнать его, если бы не смотрела на него?

— Правда, я совсем сумасшедшая.

— Нет, но вы забывчивы!

— Ты говоришь, что его жизнь в опасности?

— Это не я говорила, а он.

— Бедный молодой человек! — повторила Санта.

— Очень может быть, что он так добивается свиданья с вами, желая оказать вам большую услугу.

— Оказать услугу, мне?

— Ваше теперешнее положение вовсе не так безопасно; он, вероятно, хочет дать вам полезный совет. Что бы вы там ни говорили, однако он спас вам жизнь уже два раза.

— Лолья, вы забываетесь.

— Вот как! Разве я говорю неправду?

— Я не говорю этого; но вы знаете, что я должна скрываться; вы знаете, до какой степени мой опекун ненавидит этого молодого человека.

Лолья Нера пожала плечами.

— Но девушка семнадцати лет, прекрасная собой, как вы, нинья, не может никого ненавидеть; ненависть — старческая страсть.

— Я не ненавижу дона Торрибио.

— Какое счастье! — сказала камеристка насмешливо.

— Ах! Если бы только это зависело от меня!

— От кого же это и зависит, как не от вас?

— Эх! Точно ты не знаешь, что я не смею выходить.

— Кроме как к обедне.

— Лолья!

— Нинья!

— Ты будто не понимаешь меня, на самом же деле отлично знаешь, что я хочу сказать.

— Да, я знаю дорогая Санта! Но знаю также и то, что молодость — весна жизни, время счастья, и что губы семнадцатилетней девушки должны

раскрываться лишь для сладких звуков любви. Что нам за дело до ненависти, заговоров и разных несчастий?! Нам все улыбается, все радуется нас и манит к счастью! Цветы благоухают только для нас! Для нас дует легкий ветерок сквозь деревья, сияет солнце на синем небе; для нас поют птички и светит луна на небесном звездном своде; и, ветерок, и солнце, и луна, и звезды, — все нашептывает нам на своем таинственном наречии эти четыре слова, решающие жизнь и счастье женщины: «люби и будь любима». А вы создаете себе химеры и мучаетесь, между тем счастье совсем близко от вас.

— Лолля, я вам приказываю замолчать!

— Хорошо, я буду молчать, нинья, если хотите, но это не помешает дону Торрибио позабыть, чем он рискует ради любви к вам. Он окружен врагами и страшными опасностями, но ему все нипочем, лишь бы увидеть вас на одно мгновение и сказать вам слово, которое, может быть, еще раз спасет вас.

— Ну? — проговорила она в волнении.

— Как! Вы не понимаете, в какой опасности находится этот человек ради вас? Не чувствуете, что его сердце принадлежит вам, что он любит вас?!

— Ах!.. Ты ошибаешься; он просто добр, он интересуется мной, так как видит, что я страдаю...

— О! Если бы это было возможно!

— Если хочешь ты говорить правду, Лолля: я знаю, что он любит меня, он сам сказал мне об этом. Но я боялась поверить такому счастью. Теперь же, я его чувствую, вот тут! — добавила Санта, приложив руку к сердцу, учащенные биения которого приподнимали ее грудь.

— А вы?

— Я горжусь, я счастлива!

— И только? — улыбнулась метиска.

— Ты хочешь, чтобы я сказала тебе? — проговорила донья Санта, сильно покраснев.

— Хочу, да, дорогая Санта!

— Ну, так знай же правду, зачем я буду скрывать от тебя: я тоже люблю его, я отдала бы жизнь мою за него.

Она заплакала; потом слезы перешли в сдержанные рыдания.

— Зачем плакать, бесценная Санта? — утешала ее Лолля Нера, осыпая нежными ласками, на которые способны одни женщины. — Ведь этой любви улыбаются сами ангелы! Когда вы почувствовали, что любите дону Торрибио?

— Я сама не знаю, мне кажется, что я всегда любила его. Когда я увидела его в первый раз на палубе корабля, такого гордого, спокойного, несмотря на ураган и бурю, ободряющего всех несчастных, столпившихся около него, я мгновенно узнала его; мое сердце переполнилось, по всему моему существу пробежала неведомая дрожь, и какой-то тайный голос сказал мне на ухо: «Это он!» Наши взгляды встретились. Я почувствовала, как от его взгляда точно что-то вспыхнуло в моем сердце, с той минуты и поняла, что принадлежу ему всецело, что он властелин мой и что только от него зависит мое счастье.

— А он, госпожа? — спросила Лолья спокойным тоном.

— Он не сказал мне ни одного слова, даже не сделал намека, хотя, мне кажется, сразу догадался о моей любви. Я чувствую, что он любит меня так же, как и я его; настоящая страсть не ошибается; у нее является своего рода предвидение: все понимается, все угадывается, когда любишь.

— Что может быть выше вашего счастья: любить и быть любимой?! Вы не можете жить один без другого, а вы не решаетесь... Ведь надо же предпринять что-либо относительно дона Торрибио? Вы отказываетесь от свидания с ним?

— Ах! Что мне делать! Лукас Мендес приказал, ты сама знаешь, почему, не...

— Извините, нинья, но теперь нечего думать ни о Лукасе Мендесе, ни об осторожности... Думайте о своей любви!

— Увы! — тихо проговорила девушка.

— Когда любишь, то не рассуждаешь, а действуешь. Войдите в его ужасное положение; подумайте, чему он подвергается ради того, чтобы увидеть вас и переговорить с вами, а вы еще колеблетесь!

— Ты, моя милая, очень интересуешься им, как я вижу.

— Еще бы, ведь он любит вас, а ваше равнодушие может довести его до отчаяния. Если вы не согласитесь на свидание с ним, то можете натолкнуть его на какой-нибудь роковой шаг и сами будете потом раскаиваться, так как вы одна будете виноваты.

— Ты неумолима!

— Что же вас останавливает?

— Невозможность.

— Невозможность чего, нинья?

— Этого свидания, точно ты не понимаешь!

— Я ничего не понимаю, нинья.

— Разве ты не знаешь, что я, так сказать, пленница в этом и доме, что я не смею выходить, не приняв всевозможные f предосторожности, и то

только в церковь?

— Ну, так что же?

— Как, ты хочешь, чтобы я нарушила честное слово, и приняла бы дона Торрибио здесь, у себя?! Во первых, моя репутация будет потеряна, а главное, его могут узнать, а тогда мы оба погибли.

— Да я вовсе и не говорю, чтобы вы позволили ему придти сюда; но ведь вы ходите в церковь де-Мерсед, к шестичасовой обедне?

— Ты сама знаешь, что хожу, раз ты меня сопровождаешь туда каждый день.

— Ну, так слушайте. В такой ранний час почти все спят еще, не исключая и вашего опекуна, который будет себе спокойно поживать у себя во дворце; и нас никто не узнает, тем более, что мы, по обыкновению, укутаемся с головы до ног.

— Ну?

— Завтра вы пойдете к обедне, в шесть часов утра?

— Конечно, как всегда!

— Так хотите, я вам дам совет?

— Давай голубчик; если он хорош, я исполню его.

— Отлично; вот что я сделала бы на вашем месте: завтра я пошла бы к обедне, прослушала бы ее с усердием; по окончании же ее, вместо того чтобы выйти из церкви, вошла бы в исповедальню, да вот, например, хоть в ту, которая рядом с Богоматерью.

— Отчего же непременно в исповедальню, и именно в эту, а не в другую?

— Если вы еще не поняли, сеньорита, бесполезно и объяснять вам! — ответила девушка с насмешливой улыбкой.

Наступило короткое молчание, донья Санта покраснела как пион; по ее учащенному дыханию видно было, что в ней происходила сильная борьба.

— Ты демон, Лолья! — проговорила она наконец.

— Демон, который вас любит, дорогая няня, и желает вам счастья.

Пробило полночь. Девушки расстались на ночь. Десять минут спустя Лолья Нера спала крепким сном; что же касается доньи Санты, то она, помолившись Богу, долго ворочалась с бока на бок и только к двум часам утра сомкнула глаза от усталости, с именем дона Торрибио на устах.

На следующий день все произошло так, как говорила Лолья Нера.

Прослушавши обедню, девушка, дрожа от страха, проскользнула в исповедальню, дверь которой камеристка открыла перед ней.

Через полчаса она вышла оттуда счастливая и улыбающаяся; ей удалось увидаться с своим возлюбленным и, несмотря на толстую стену,

разделявшую их, они обменялись несколькими словами, столь дорогими для любящих сердец.

— Пойдем, — сказала она Лолье Нере отрывистым голосом, — о, как я счастлива! Я все расскажу тебе.

— Опустите вуаль, няня! — ответила ей девушка. Донья Санта улыбнулась, тотчас же опустила вуаль, и обе девушки стали поспешно переходить площадь, столкнувшись почти лицом к лицу с доном Кристобалем Паломбо и Наранхой, которые так и не заметили их, упустив из-под самого носа.

Через пять минут молодой человек, переодетый в солдата, тоже вышел из церкви и на минуту остановился у одной из колонн; потом, взглянув многозначительным взглядом на дворец губернатора, усмехнулся и затем направился к реке большими шагами.

Дон Кристобаль и Наранха проехали совсем близко от него, разговаривая вполголоса, но не только не обратили на него внимания, а даже совсем не видели его: до такой степени они были поглощены своим разговором.

Этот солдат был дон Торрибио де Ньоблас.

ГЛАВА XI. Каким образом дон Торрибио добился свидания с доном Мануэлем и последствие этого свидания

Было около трех часов пополудни. Жители Уреса, сидевшие до сей поры по домам, взаперти, вследствие невыносимой жары, начали понемногу открывать ставни и двери своих квартир, лавок и магазинов; на улицах стали показываться монахи, солдаты, нищие и даже негоцианты.

Одним словом, город стал постепенно принимать свою обычную внешность и оживление, но не веселость, так как, по своей малочисленности, Урес едва ли не самый скучный город в Мексике.

Дон Мануэль де Линарес сидел у себя в кабинете, подписывая ордера и депеши, которые ему передавал дон Крестобаль Паломбо. Вдруг послышался шум лошадей, въезжавших во двор дворца.

— Что это? — спросил он у дона Крестобалья, кладя на стол недочитанную депешу.

— Не знаю, пойду осведомлюсь, если хотите!

— Пожалуйста; меня что-то беспокоит приезд этих всадников!

Дон Крестобаль встал и вышел. Он был в отсутствии не более пяти минут; все это время дон Мануэль не отрывал устремленного на дверь взгляда.

— Ну, — спросил он, лишь только тот показался, — кто это?

— Удивительно, дорогой дон Мануэль, как верны ваши предчувствия!

— А что?

— Я готов держать пари на тысячу, что вы не отгадаете, кто именно хочет непременно видеть вас.

— Я не расположен отгадывать загадки, — резко сказал дон Мануэль. — Потрудитесь объяснить, кто это; верно, враг?

— Да, и один из самых опасных.

— Его имя?

— Дон Торрибио де Ньоблас.

— Дон Торрибио, здесь! — вскричал в изумлении губернатор.

Дон Мануэль заходил в волнении по своему кабинету.

— Что ему нужно от меня? — спросил он, вдруг остановившись.

— Я спрашивал у него, но он ответил мне, что лично все передаст вам. Сказать ему, что вы согласны принять его?

— Нет! — вскрикнул он, — мне нужно сначала узнать его намерения.

— Я тоже так думаю.

— С другой стороны, дон Торрибио де Ньеблас — дворянин, и я обязан ему; отказ может оскорбить его; лучше принять.

— Так я скажу ему?..

— Что я к его услугам; когда он войдет, я вас попрошу удалиться.

— Вы решаетесь остаться один с этим человеком?

— Отчего же нет? Ведь он уже два раза спас мне жизнь! Не с целью же убийства он явился сюда?! К тому же, этот человек в высшей степени благороден; я ничего не имею лично против него; ну, идите же!

Дон Крестобаль вышел с поклоном. Вскоре затем доложили:

— Сеньор дон Торрибио де Ньеблас.

— Просите! — сказал дон Мануэль. Дон Торрибио показался. Дон Мануэль встал, сделал несколько шагов ему навстречу с самым любезным видом и улыбкой на губах.

— Друг или недруг, очень рад вас видеть, сеньор дон Торрибио де Ньеблас!

Молодой человек поклонился и сел в кресло, которое ему подкатил служитель.

Дон Торрибио был в богатом и элегантном мексиканском костюме, который очень шел ему.

Он подождал, пока привратник вышел, затем, вежливо обратившись к дону Мануэлю, начал:

— Сеньор дон Мануэль де Линарес, вы встретили меня словами: «друг или недруг, очень рад вам». Не скажите ли вы мне откровенно, что вы этим хотели сказать?

— С удовольствием, кабальеро! Эти слова означают, что несмотря на некоторые недоразумения, возникшие между нами, я чувствую к вам искреннюю симпатию и что, каковы бы ни были мотивы вашего визита, все-таки я рад вам и счастлив видеть вас.

— Благодарю вас за такое дружеское объяснение, сеньор! Я в восторге и теперь могу надеяться, что все, что у вас в сердце имеется дурного против меня, изгладится. Я же лично, сознаюсь, до сих пор не могу понять той ненависти, которую вы выказывали мне. Но, считая вас за врага, я готов говорить с вами почти как с другом.

— У меня связаны прекрасные воспоминания с вашей личностью, дон Торрибио, ради которых я не могу быть вашим врагом. Постараюсь доказать вам это на деле, когда к тому представится случай. Теперь же прошу вас объяснить мне настоящую цель вашего визита; надеюсь, что вы

явились ко мне не для того, чтобы доставить мне удовольствие видеть вас, хотя мне это и очень приятно.

— Действительно, дон Мануэль, мой визит имеет другую, серьезную причину: я послан к вам моим другом, доном Порфирио Сандосом.

— Что ему угодно от меня? — спросил дон Мануэль, насторожившись.

— Дон Порфирио, сеньор, поздравляет вас с ловкостью, которую вы обнаружили в пронунсиаменто, чтобы занять место, принадлежащее ему.

— А-а! Дон Порфирио поздравляет меня?

— Совершенно искренне, сеньор, — спокойно ответил дон Торрибио, — ему было решительно все равно, быть или не быть губернатором Соноры: вы знаете, что дон Порфирио не честлюбив.

— Зачем же он тогда хлопотал об этом губернаторстве?

— Это по другим соображениям, сеньор.

— Могу я узнать, по каким именно?

— Я нарочно приехал к вам, сеньор, чтобы сообщить их вам.

— Как вы любезны, сеньор, примите заранее всю мою благодарность!

Оба человека вежливо раскланялись, как два дуэлянта перед выстрелами.

— Пожалуйста, соблаговолите!

— Сию минуту я буду иметь честь объяснить вам, сеньор!

— Отлично, кабальеро, я слушаю вас!

— По известным причинам, о которых я не стану теперь распространяться, сеньор дон Порфирио Сандос преследует двадцать лет какую-то ему одному известную цель с необыкновенным упорством, свойственным лишь его расе; затем, он решил во что бы то ни стало уничтожить страшный союз бандитов, которые разоряют Мексику; я должен сказать вам правду, сеньор, что усердно помогаю ему в этом деле.

— Как вы называете этот союз?

— О! Он очень известен, к сожалению: это союз платeadос.

— Вы с доном Порфирио затеяли трудную вещь, сеньор! Все мексиканские власти старались о том же, и все напрасно; и вы нечего не добьетесь.

— Вы думаете? — спросил дон Торрибио насмешливо.

— Убежден!

— На чем же вы основываете такую уверенность?

— На том, что дон Порфирио пробыл месяц правителем Соноры.

— Я не понимаю вас, сеньор.

— Сейчас поймете: в течении этого месяца дон Порфирио со своими друзьями успели перерыть архивы всех городов Соноры.

— А! — проговорил дон Мануэль презрительно.

— Когда все было перерыто, вы себе представить не можете, какие любопытные сведения оказались в руках дон Порфирио. Да, эти платеадос очень смелые и ловкие бандиты. Я больше не удивляюсь, что они так легко увертываются от преследования правительства, — они сильнее его. Но странно, их глава еще не додумался делать революцию ради своей выгоды и объявить себя независимым.

Молодой человек сделал особенное ударение на последних словах, с такой злой усмешкой, от которой дону Мануэлю не поздоровилось.

— А! Он отыскал такие драгоценные сведения в этих архивах! Я и не знал этого; надо бы и мне заглянуть их.

— О! Теперь это было бы бесполезно. Вы бы там ничего не нашли.

— Отчего это, позвольте спросить?

— А потому, что дон Порфирио Сандос добился правления в Соноре исключительно для того, чтобы отыскать эти документы, и, конечно, раз они очутились в его руках — поспешил спрятать их в верное место.

— А! — проговорил дон Мануэль сдавленным голосом.

— Итак, вы видите, что вам не стоит терять время на бесполезные поиски! — сказал молодой человек.

— Этот факт весьма важен.

— Дон Порфирио ответит, перед кем следует; но это еще не все.

— Что же еще?

— Разыскивая документы платеадос, дон Порфирио нашел другую вещь: объяснение, чем мотивировалось его путешествие в Апачерию, во время которого вы так ловко лишили его правления; но он очень смеялся.

— Он смеялся над моим пронунсиаментом?

— От всего сердца. Это убедило его в том, что все, что он узнал, оказалось правда.

— Как это?

— Вы торопитесь?

— Я? Нисколько! Отчего вы меня спрашиваете об этом?

— Потому что, если вы можете подарить мне еще несколько минут, я расскажу вам очень интересную историю.

— Говорите, милейший дон Торрибио, вы так хорошо умеете рассказывать! В чем же дело?

— Оказывается, что храбрые индейцы, апачи, сиу и пауни-волки, которые более десяти лет оставались спокойными и жили в мире с мексиканцами, теперь сильно взбунтовались. Они вошли в сношение с известными негодьями, которые замышляют объявить себя независимыми

от Мексики и приготовляются соединиться с ними и напасть массой на границы нескольких пунктах зараз.

— О-о! Дело принимает серьезный оборот, — сказал дон Мануэль, вздрагивая, что не ускользнуло от глаз молодого человека. — Но уверены ли вы в точности этих известий?

— Я не имею обыкновения говорить неправду, сеньор!

— Но, соглашаясь с вами в важности этих фактов, позвольте вам заметить, что во всем этом нет ничего такого, что бы могли приписать лично мне, чтобы обвинить меня.

— Совершенно верно, сеньор, но я еще не кончил!

— А! — проговорил губернатор сверкнув глазами на молодого человека, — пожалуйста скажите, в чем это обвинение?

— Извольте, сеньор; только позвольте поправить ваше выражение: я не формулировал никакого обвинения против вас, да и не брался за это. Но я взялся передать вам только то, что говорят; слухи же так и останутся слухами, если не найдется несомненных доказательств для положительных улик.

— Слушаю.

— Колдуны, о громадном влиянии которых на индейские племена вам хорошо известно, пустили слухи, что теперь наступил срок для исполнения пророчеств, данных свыше их предкам: что белые будут навсегда изгнаны с американского материка, на котором восстановится господство Инков.

— Гм! Какие странные пророчества!

— Разве вы ничего не знали о них, сеньор?

— Гм! А вы, сеньор Торрибио?

— Я — иностранец!

— Да, это правда. Но даю вам слово, я слышу от вас о них в первый раз.

— Значит, вы не знаете, что они прибавляют?

— Решительно ничего и буду в восторге узнать это.

— Говорят... Вы видите, все та же формула. Итак, говорят, что священный огонь, доверенный императором Монтесумой перед его смертью одному из его верных друзей, нашелся, и что серебряная коробочка, в которой он хранился, будет представлена счастливым обладателем ее всем начальствующим лицам, в полном собрании на общий совет; потом этот человек, указанный пророками, примет на себя команду над всеми войсками краснокожих и будет признан ими как единственный и законный наследник Монтесумы.

— Все это очень фантастично: легенда недурно придумана; и имя

этого человека называют?

— Да, называют, сеньор, и не только по поводу этого дела, но его упоминают везде, где вопрос идет о грабительствах и пожарах.

— Как, говорят... — вырвалось у дона Мануэля против его желания.

— Говорят, что этот человек — душа заговора, что он главный зачинщик, и все делается по его наущениям!

— Но ведь это возмутительная, гнусная клевета! — вскричал губернатор.

— Так вы знаете, кто этот человек сеньор? Ведь я, кажется, не назвал его?

— Но, вы сами, сеньор дон Торрибио, откуда вы набрались таких сведений? — сказал губернатор с перекосившейся улыбкой, желая скрыть свое волнение.

— Не я набирал их сеньор, это дон Порфирио Сандос. Лично мне ничего не известно; он же многое узнал во время своего пребывания в Охос-де-Агуа и теперь у него масса доказательств; несколько негодяев которые так изменнически напали на него в Марфильском ущелье, попали к нему в руки и много чего порассказали ему.

— Разве можно верить словам подлых бандитов? — сказал дон Мануэль, пожав плечами.

— Конечно, нельзя, сеньор, но эти слова подтверждаются документами, которые хранятся у дона Порфирио. На трупе Лопеса де Карденаса нашли портфель, наполненный самыми компрометирующими бумагами.

— Как, дон Лопес де Карденас убит! — вскричал дон Мануэль, позеленев от ужаса.

— Да, выстрелом, когда он явился в Тубак шпионить за доном Порфирио! — небрежно ответил молодой человек, крутя папиросу.

Дон Мануэль вздохнул и опустил голову на грудь. Наконец он поднял голову и бросил угрожающий взгляд на молодого человека.

— Хорошо, — сказал он со злостью, — зачем же вы явились сюда и как осмелились сделать это?

— Сеньор кабальеро, — ответил дон Торрибио, несколько испугавшись его грубой выходки, — я бы мог совсем не отвечать вам на подобную дерзость. Но я явился сюда с целью предложить вам мировую, а потому даже оскорбление с вашей стороны не остановит меня на полпути.

— Предложить мне помириться? — изумился дон Мануэль.

— Да, кабальеро; иначе чем же объяснить мое присутствие здесь?

— Я не понимаю вас, сеньор; ваша дружба к дону Порфирио, моему

заклятому врагу, содействие, которое вы ему оказываете, говорят сами за себя.

— Вот здесь то вы и ошибаетесь, сеньор дон Мануэль. Я иностранец, и мне нежелательно было бы вмешиваться в чужие распри; дон Порфирио Сандос оказал мне громадные услуги. Что же касается вас, то вы сами питаете ко мне некоторую признательность. И я решился на следующее: встав между вами, постараться прекратить эту ненависть, которая разделяет вас, найти такое средство примирения, которое оказалось бы удобным и выгодным для обеих сторон. Это так просто, справедливо и честно, я убежден, что все остались бы довольны.

— Вы поражаете меня: вы-то ради чего интересуетесь этим делом?

— Но весьма важной причине, сеньор: я хочу помирить двух людей, которые, хотя и при разных обстоятельствах, были мне полезны.

— Прекрасная цель! — проговорил дон Мануэль насмешливо.

— Пусть между вами и доном Порфирио существовала страшная, неумолимая ненависть, я не отрицаю этого, но эта ненависть, не прекращающаяся столько лет, дала слишком много жертв с той и с другой стороны.

— Но что же вы хотите сказать?

— Сеньор дон Мануэль де Линарес, — сказал дон Торрибио с сильным ударением на каждом слове, — если эта ненависть действительно существовала, теперь, слава Богу, она угасла!

— Угасла! — воскликнул дон Мануэль, подпрыгнув на стуле.

— Со стороны дона Порфирио, по крайней мере! — спокойно ответил дон Торрибио.

— Как, он забыл?

— Все, кроме одного!

— А именно?

— Что вы оба — мексиканцы, преданные своему отечеству, что этому отечеству грозит опасность со стороны диких язычников, что вы должны соединиться и идти рука об руку, чтобы защищать его. Повторяю вам сеньор, дон Мануэль, ненависть дона Порфирио навсегда готова исчезнуть. Есть доказательство, которое убедит вас, что я говорю правду.

— Доказательство! Где же оно, дон Торрибио?

— Если бы дон Порфирио Сандос захотел уничтожить вас, он давно добился бы этого. В его руках бумаги, в которых заговорщики и бандиты ссылаются на вас, как на своего руководителя. Кто ему мешает представить эти бумаги куда следует, присоединив к ним секретные документы, в которых значится имя человека, претендующего незаконно завладеть

престолом Инков, и изложены все планы и средства для исполнения этого преступного замысла?

— Он не сделал этого! — пробормотал дон Мануэль дрожащим голосом.

— Не сделал по своему благородству; он находит недостойным себя, даже подлым доносить на вас, своего врага!

— Он был бы гораздо великодушнее, если бы принес эти бумаги сюда, и я уничтожил бы их перед вашими глазами!

— Конечно, — ответил дон Торрибио с иронией. — Но раз эти ужасные доказательства будут уничтожены, то он остается безоружным перед вами. Дон Порфирио еще не уверен в ваших добрых намерениях, чтобы сделать столь непростительную глупость.

— Значит, вы мне предлагаете условия? — сказал дон Мануэль дрожащим от злости голосом.

— Может быть; во всяком случае, дон Порфирио желает мира.

— Приготовляясь вместе с вами к войне?

— Мы только обороняемся: вспомните о западне в Марфильском ущелье!

— Не я устраивал ее!

— Не стану спорить; но все же вы допустили ее; а асиенда дель-Пальмар, на которую вы пробовали напасть?

— Я не знаю, на что вы намекаете. Я, в свою очередь, тоже буду откровенен с вами, сеньор дон Торрибио. Вы полагаете, что я верю в ваши добрые намерения, о которых вы говорите так красноречиво; вы просто выдумали предлог, чтобы явиться сюда; неужели вы думаете, что я не знаю ваших проделок?

— Что вы хотите этим сказать?

— Я знаю, что вы проживаете скрыто в Уресе уже шесть дней. Ради какой цели? Я догадываюсь. Но смотрите, берегитесь, чтобы мои предположения на перешли в уверенность.

— Вы угрожаете мне, сеньор?

— Может быть, отвечу и я вам. Но помните, что между нами всякое примирение невозможно: вас и всех ваших друзей я всегда буду считать своими врагами. Знайте, что я неусыпно буду следить за каждым вашим шагом и расстрою все ваши проекты, направленные как против меня, так и против известных особ моего семейства, на которых вы осмелились обратить ваше особенное внимание.

— Это уж слишком, сеньор! Подобные намеки я считаю за оскорбление как лично себя, так и для той особы, которую я глубоко

уважаю. Раз вы объявляете войну, — хорошо, мы принимаем вызов. Мы сделали последнюю попытку удержать вас на краю бездны. Теперь пеняйте сами на себя!

— Давно бы так; наконец-то мы поняли друг друга, сеньор дон Торрибио де Ньоблас! Возвращайтесь-ка к вашему другу, дону Порфирио Сандос, и передайте ему наш разговор: я не желаю принимать его милостей, а равно и сам не дам ему пощады. Что же касается вашего путешествия в Урес ради секретной цели, — вы ее не добьетесь.

— Довольно, сеньор, я удаляюсь! — ответил молодой человек с язвительной улыбкой.

— Так прощайте же, сеньор дон Торрибио, — сказал губернатор и добавил с сарказмом: — Поверьте мне, самое лучшее, если вы последуете моему совету — обратиться подобру-поздорову в двадцать четыре часа. Предупреждаю вас, что по истечении этого срока ваше пребывание здесь подвергается опасности!

— Я уеду, когда мне заблагорассудится, сеньор, — гордо ответил молодой человек. — Ничто не может ускорить или задержать моего отъезда! Прощайте, дон Мануэль де Линарес! Помните, что я вам предлагал мир, и вы сами отвергли его!

Губернатор пожал плечами. Дон Торрибио вышел.

— Позвать сюда дона Кристобаля Паломбо! — распорядился дон Мануэль.

— Нельзя терять ни минуты, — проговорил он, оставшись один, — эти черти разузнали все неизвестно, какими путями. Выбора для меня не может быть. Надо действовать решительно — иначе, я погиб! Что же касается прекрасного юноши, влюбленного в мою воспитанницу, то я выслежу его, голубчика. Но не лучше было бы... нет, еще не поздно! Что бы там ни было, доведем дело до конца. Слава Богу, я еще не побежден!

В эту минуту в кабинет вошел дон Кристобаль.

— А, — сказал губернатор, повернувшись к нему, — теперь мы одни, мне много о чем надо переговорить с вами!

ГЛАВА XII. В которой Лукас Мендес является в новом свете

Дон Мануэль де Линарес со страхом следил, как все восставало против него. Его разговор с доном Торрибио де Ньибласом нанес ему последний удар, убедив в том, что его враги не только не считали себя побежденными, но, напротив, готовы были объявить ему открытую войну; они вывели на свет все его козни, обнаружили его заговоры и, конечно, им были известны остальные темные дела его.

К тому же, они должны были чувствовать за собой большую силу, раз дон Торрибио позволил себе так нахально явиться к нему во дворец.

Им овладел невыразимый страх. Только надежда на мщение спасла его от припадков бешенства, угрожавших ежеминутно его жизни.

Когда дон Мануэль пришел в себя и хладнокровно подумал о своем положении, он сознался, что оно оказывалось почти безвыходным; но, со свойственным ему упрямством, составлявшим отличительную черту его характера, он решил действовать с новой энергией.

Немедленно созвав своих верных сообщников, Наранху, дона Кристобая Паломбо, дона Бальтасара Турпида и прочих, он принялся за дело.

Состоялся совет, на который был приглашен Лукас Мендес в качестве секретаря. На этом совете решили, что губернатор сбросит маску и открыто станет помогать исполнению своих революционных проектов. Платеадос рассчитывали на свои силы благодаря своим обширным связям и ловким сообщникам, чтобы объявить войну мексиканскому правительству и принудить его войти с ним в соглашение.

Три дня спустя со всех сторон Соноры начали сходить войска к Уресу. Город оживился и наполнился людьми; вскоре собралось около четырех тысяч человек пехоты и артиллерии, прекрасно вооруженных и снабженных всевозможными припасами.

Между жителями распространился слух, что это приготовление к войне с индейцами; и все радовались возможности расправиться с непримиримыми врагами.

Каково же было их изумление и беспокойство, когда утром через два дня они увидели, что войска вступили к ним в город, переполнили все кварталы и с барабанами и музыкой во главе выстроились на главной

площади перед дворцом губернатора, а артиллерия заняла все улицы, с заряженными пушками и зажженными фитилями.

Через десять минут с треском раскрылись дворцовые ворота и показался губернатор верхом на великолепной лошади, в полной генеральской форме в сопровождении блестящего штаба.

Войска, повинаясь команде, двинулись со всех сторон, образовав огромный непроницаемый круг, среди которого очутился губернатор со своим штабом.

Губернатор после громкого приветствия солдат подал знак к молчанию, и, развернув бумагу, которую держал в руке, собрался приступить к чтению. Вдруг дон Кристобаль Паломбо, гарцевавший недалеко от него в адъютантском костюме, нагнулся к нему и быстро сказал ему на ухо несколько слов.

Губернатор поднял голову и посмотрел с беспокойством вокруг себя.

— Это правда! — проговорил он. Потом, обратясь к одному из командующих офицеров, прибавил: — Полковник, кажется, здесь не все войска?

— Действительно, сеньор губернатор, — ответил офицер, кланяясь, — не хватает одного полка кавалеристов, двух рот артиллеристов и одного пехотного батальона. Но зато нам удалось завербовать все гражданские корпуса, они налицо, все без исключения.

— Да, я знаю. Но почему те не явились? Кажется, вам был отдан приказ по этому поводу, полковник?

— Все, что зависело от меня, я исполнил по приказанию вашего превосходительства. Я явился в казармы с...

— Говорите короче, кабальеро; нам некогда выслушивать длинные речи! — резко прервал его губернатор.

— Извольте! Скажу в двух словах: они не хотели даже выслушать меня, казарму заперли, а полковник отказался принять меня.

— Хорошо, кабальеро; мы потом посчитаемся с ними. Затем губернатор принялся за чтение бумаги. Содержание ее состояло в подстрекательстве к гражданской войне; правительство представлялось в ужасных красках: обвинялось во взяточничестве, деспотизме и проч., оплакивалась несчастная страна, терпевшая столь постыдное иго. Губернатор воззвал ко всем добрым гражданам, чтобы они постояли за свою свободу; им обещались золотые горы, если они соединятся под знаменами человека, который клялся возратить им свободу и наградить их всеми благами мира. Много еще чего говорилось в этой бумаге; но все эти напыщенные фразы годны были лишь для того, чтобы ими заткнуть рот

дуракам, поверившим этому пустозвонству.

Солдаты выслушали многословную речь с примерным терпением, конечно, не поняв ни одного слова. Но как только чтение было окончено, со всех сторон раздались громкие восклицания. Тут же, как было заранее условлено, дон Мануэль де Линарес был провозглашен президентом республики трех штатов, спасителем отечества и диктатором; мексиканское же правительство поставили вне закона, как это практиковалось при каждом пронунсиаменто: мексиканцы очень опытни в этих делах.

Затем последовало назначение офицеров. Всех произвели в следующий чин, а солдатам пожаловали по два пиастра. В заключение церемонии к жителям обратились с напыщенной прокламацией, до которой им, в сущности, было мало дела. Таким образом в Уресе произошла революция.

Новое правительство сейчас же дало знать себя, ознаменовав свое вступление насильственным займом у богатых коммерсантов и местных банкиров.

Каждое правительство нуждается в деньгах для устройства — и весьма естественно, что достает их там, где может, то есть берет у тех, кто их имеет. К тому же, местные обыватели, привыкшие с незапамятных времен к пронунсиаменто, заранее знали, чем кончится эта история; а потому заплатили с покорностью.

В общем, все остались довольны результатом пронунсиаменто: президент и его сообщники были удовлетворены; народ спокойно согласился на все; негоцианты и банкиры выдали деньги, не сказав ни слова. Все шло прекрасно; толчок был дан, оставалось только следовать по намеченному пути.

Но, к несчастью, дело почти тотчас же приняло дурной оборот, неизвестно по какой причине, к великому удивлению новых правителей.

Прошло каких-нибудь два-три часа. Вдруг на всех улицах города объявились баррикады. Во всех церквах забили в набат; послышался треск пальбы и выстрелов из пушек. Одним словом, в Уресе произошло форменное восстание; всюду дрались с остервенением.

Как же это случилось? Откуда внезапная перемена в городе, обыкновенно таком тихом и безмятежном?

Сейчас объясним все; но для этого заглянем несколько назад.

Расставшись с доном Мануэлем, дон Торрибио отправился к своим спутникам, ожидавшим его на лошадях во дворе дворца.

Небольшое войско медленно проезжало через главную площадь; в тот момент, когда оно поравнялось с одним из домиков, в окне последнего

приподнялась тюлевая занавеска; в образовавшееся отверстие проскользнула маленькая ручка и бросила цветок так ловко, что он упал прямо на плащ молодого человека; одновременно с этим послышался прелестный голосок, который пролепетал с необыкновенной нежностью только одно слово, которое для влюбленного имеет столько прелести.

— Recuerdo¹².

Дон Торрибио прильнул к цветку губами и, устремив пылающий взгляд на таинственное окошечко, тихо ответил:

— Carino!¹³

— Siempre tuya!¹⁴

Последние слова долетели, как шелест, до ушей молодого человека; затем ручка исчезла, и занавесь снова опустилась.

Дон Торрибио тяжело вдохнул, поцеловал цветок, и, спрятав его на сердце, поехал дальше.

Вскоре маленькое войско остановилось. Дон Торрибио, посоветовавшись со своими спутниками, решил распустить их; каждый поехал в свою сторону; начальник остался один.

Пришпорив коня, он скоро выехал за пределы города.

Окрестности Уреса в высшей степени живописны; но дону Торрибио некогда было любоваться пейзажем; он то и дело подгонял свою лошадь; он упорно искал чего-то глазами, но все не находил.

Он скакал галопом по берегу реки Соноры, покрытому роскошной растительностью, около часа, и вдруг остановился, посмотрев вокруг себя испытующим взглядом. Убедившись, что не ошибся, он взял левее и среди массы зелени, в которой он утопал, сразу отыскал тропинку и решительно въехал на нее, пришпорив коня. Через десять минут он очутился на узком песчаном берегу. Напротив, на расстоянии одного выстрела, высился довольно большой остров, покрытый густым лесом.

Молодой человек пустил лошадь в воду и, опустив уздечку, сказал:

— Ищи брод!

Умное животное, предоставленное самому себе, понюхало воду, потом вдруг двинулось в сторону и уверенно пошло вперед. Через пять минут оно уже подходило к острову, не замочив даже подпруг седла.

Проехав несколько минут по берегу, дон Торрибио направился к группе скал, за которыми скрылся; найдя опять тропинку, он углубился по ней в чащу леса и вскоре выехал на лужайку, на краю которой виднелась палатка; у входа ее стоял человек, облокотившись на ружье; это был Лукас Мендес. Заметив дону Торрибио, он улыбнулся и сделал несколько шагов к

нему на встречу. Дон Торрибио сейчас же соскочил с лошади, дал ей корму и подошел к Лукасу Мендесу.

Старик не имел почти ничего общего с тем человеком, которого мы представили читателю в начале нашей истории. Все в нем изменилось. Хотя человек оставался тот же, но это не был больше знакомый нам Лукас Мендес; в нем появилась гордость, решительность и властность, которых дон Торрибио раньше не замечал в нем и которые очень удивили его и произвели на него сильное впечатление. Сам не зная почему, дон Торрибио волновался, видя старика совсем преобразившимся; он невольно чувствовал к нему и уважение, и дружбу, и участие.

Лукас Мендес был в изящном охотничьем костюме, красиво облегавшем его стать.

Он вторично улыбнулся, заметив удивление молодого человека, на лице которого читал, как в книге, каждое движение его души.

— Ну, пойдём! — сказал он ему. Он вошел первый в палатку. Стол, состоявший из доски, положенной на два бочонка, был покрыт дичью, ветчиной и прочими блюдами, было также несколько бутылок французского вина и бутылка коньяку; два деревянных обрубка заменяли собой стулья.

— Закусим, — сказал Лукас Мендес. — Вы, наверное, проголодались после такой долгой езды, ваша милость!

— И даже очень! — ответил молодой человек, с улыбкой кивнув головой, точно желая отогнать преследовавшие его мысли.

Но и во время еды он был озабочен. Лукас Мендес не спускал с него глаз.

— Вы удивлены? — спросил он.

— Признаюсь! — откровенно ответил дон Торрибио.

— Перемене, произошедшей во мне?

— Вы угадали; эта перемена так велика, что я насилу узнал вас.

— Хорошо, — сказал старик с загадочной улыбкой, — но это еще не все: вы увидите нечто другое! А эта невероятная перемена? Она очень естественна, ваша милость. Скоро я достигну цели, которой добиваюсь многие годы. Я сдержал свое обещание, исполнив клятву, данную двадцать лет тому назад; удовлетворение, которое я испытываю, думая о желанном результате, совершенно преображает меня.

— Странная метаморфоза! — задумчиво проговорил молодой человек.

— Подождите еще несколько дней, и она будет доведена до конца.

— Вы знаете, Лукас Мендес, я до сих пор все еще не могу понять вас.

— Потерпите еще немного, и вам все станет ясно!

— Это ваше дело; но во всем этом меня интригует одна вещь: мне иногда кажется, что вы и дон Порфирио преследуете одну и ту же цель.

— Почему знать? — сказал старик со странным выражением.

— Ну хорошо! Через несколько дней я наконец все узнаю.

— Вероятно,

— Слава Богу, меня не касается эта ненависть и месть; я счастлив, что ничего подобного не испытываю; я один на свете, мне не у кого спрашивать никаких отчетов.

— Почему знать? — снова сказал старик, пристально посмотрев на него.

— Что вы этим хотите сказать? — удивился молодой человек.

— Ничего, ваша милость, это я сам с собой говорю,

— Как я рад, а то вы меня напугали. Но, — проговорил он, осушив бокал, — не пора ли нам заняться делами?

— Як вашим услугам, ваша милость! Дон Мануэль приказал собрать все войска, состоящие при Уресе: около четырех тысяч человек; но из них по крайней мере тысяча шестьсот перешли на нашу сторону; они не тронутся из казарм до приказа дона Порфирио.

— Отлично! Через двое суток дон Порфирио приведет войско в тысячу сто человек — солдат и охотников. Они нагрянут на неприятеля, как снег на голову. Да, на этот раз негодяю несдобровать! Однако, как он хитер!

— Да, он хитер и изворачивается двадцать лет, должен бы, кажется, устать. А у вас не имеется людей?

— Извините! Я набрал двести пятьдесят охотников, храбрых и преданных людей, с Кастором во главе; по одному моему знаку они все готовы положить за меня головы.

— Эти степные охотники — верные люди, на них смело можно рассчитывать. Но и из них двое изменили вам!

— Правда, Редблад и Матадиес; но первый убит доном Руисом, а что сделалось с другим — я не знаю.

— А я знаю, потому что слежу за ним.

— Значит, мне нечего и беспокоиться?

— Нет, это уж мое дело!

— А ваши охотники где?

— Вот уже шесть дней, как они скрываются в самом Уресе.

— Черт побери; но ведь это слишком рискованно, разве вы не боитесь, что их накроют?

— Я за них спокоен; все они осторожны и шагу не сделают без моего приказа! Дон Порфирио явится через два дня; надо предупредить, чтобы он

еще не показывался; мы не можем ничего предпринять ранее, чем через четыре дня.

— Отчего?

— Потому что только через четыре дня дон Мануэль сбросит с себя маску и заставит солдат провозгласить себя президентом республики трех штатов: Соноры, Синалоа и Аризоны.

— Это верх безумия!

— Нет, это результат вашего визита к нему. Он хочет попробовать окончательно раздавить дона Торрибио, пока тот еще не раздавил его самого.

— Это ужасно!

— Дон Мануэль дошел до такого состояния, что вынужден прибегать к отчаянным мерам в надежде на спасение.

— Неужели?

— Вы знаете, мне все хорошо известно.

— Меня часто удивляет, до какой степени дон Мануэль доверяет вам.

— Это мой секрет, ваша милость. Но будем лучше говорить о делах, скоро нам надо расстаться!

— Говорите, Лукас Мендес, теперь вы приказываете.

— Вы смеетесь, ваша милость!

— Нисколько; я в восторге, что, в силу обстоятельств, после того как вы были моим слугой, вы делаетесь равным мне, и очень возможно, что скоро сделаетесь моим повелителем.

— Наша жизнь состоит из контрастов. Вы поймете это, ваша милость, когда будете постарше. Знайте только, что бы ни было, я останусь навсегда вашим другом. А пока скажите дону Порфирио, чтобы он напал на Урес врасплох, в этот четверг, то есть через четыре дня, в пять часов вечера, за час до заката солнца, ни раньше, ни позже, и пусть не беспокоится о том, что произойдет в тот день в городе.

— Все будут исполнено, как вы сказали; через два часа Пепе Ортис выедет на встречу к дону Порфирио.

— Отлично; куда вы спрятали своих охотников?

— Они теперь на шхуне, которую я нарочно нанял.

— Они не сойдут на землю?

— Только некоторые, на которых я наиболее полагаюсь.

— В каком трактире они остановятся?

— У Домингеса, на набережной, почти напротив таможенной брандвахты.

— Я знаю ее; место удачно, и Домингес человек верный; в четверг, при

закате солнца, пусть ваши охотники высадутся, как можно осторожнее; чтобы не возбудить подозрений, переоденьте их в костюмы стрелков и ждите меня.

— Слушаю.

— Будьте осторожнее, а пока прощайте. Да, если вы мне понадобится до четверга, где я могу найти вас?

— На моей шхуне! Я не выйду оттуда до последней минуты.

— Итак, решено. До свидания, дон Торрибио! Скоро вы убедитесь, до какой степени я предан вам! — прибавил старик в сильном волнении.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, извините меня, до свидания!

— До свидания, Лукас Мендес, желаю вам успеха!

— Теперь наша судьба в руках Бога! — проговорил старик в раздумье.

Через десять минут дон Торрибио, перейдя реку, выезжал из леса.

— Еще четыре дня! — сказал Лукас Мендес, провожая взглядом молодого человека. — Четыре дня, и потом!.. О Господи! Помоги мне! Тебе одному известно, что я начал эту борьбу не только из мести! Справедливость должна восторжествовать, наделив каждого по заслугам.

Он вошел в палатку и через несколько минут вышел оттуда, переменяя костюм, а через час уже въезжал в Урес.

ГЛАВА XIII. В которой дон Порфирио Сандос мстит за себя с мечом в руках

Солнце садилось в багровых облаках, и почти тотчас же день сменился ночью. В это время из лесу выезжал всадник, который был не кто иной, как наш знакомец Пепе Ортис, направлявшийся к Уресу. Внезапная темнота не смутила юношу: в тропических странах все привыкли к такому явлению. К тому же, его глаза скоро освоились с темнотой и он видел довольно ясно, чтобы верно держать путь.

Подъехав к густой чаще, он остановился и два раза крикнул по-совиному.

Почти тотчас же со всех сторон ему ответили такими же криками, точно он вспугнул целую стаю сов; вслед за тем начали появляться всадники и молча становились за ним в ряды; все в мундирах стрелков; сам же Пепе Ортис был в капитанском мундире.

— Сколько нас? — спросил он сдержанным голосом.

— Пятьдесят, — ответил ему лейтенант, по голосу которого можно было узнать, что это был дон Руис Торрильяс де Торре Асула, — больше я не успел собрать, но зато каждый из них стоит троих по своей храбрости и честности.

— Благодарю вас от имени дона Торрибио и дона Порфирио!

— Не стоит благодарности; итак, сегодня ночью?

— Сию минуту, ваша милость; наши войска уже заварили кашу, а дон Порфирио ждет условного сигнала, чтобы нагрянуть со стороны Ариспе.

— А нам что делать?

— Мы присоединимся к дону Торрибио; он теперь сидит в трактире подле речки. Вы больше никого не ждете?

— Нет, все мои люди здесь!

— Ну, в таком случае, — сказал Пепе Ортис, принимая тон командира и обнажая саблю, — направо, по четыре в колонну и марш скорой рысью!

Лишь только маленькое войско удалилось, из кустов выпрыгнул человек и пустился вслед за всадниками, приговаривая со злорадством:

— Молодец, Матадиес! Вот дураки-то: рассказывают громко о своих делах среди дороги. Viva Cristo! Если на этот раз дон Мануэль не заплатит мне по крайней мере ста унций, то будет не благ...

Бандит не успел закончить: в воздух взвилась веревка и, стянувши ему

шею, поволокла за лошадью, мчавшейся во весь дух. Он всячески отбивался, стараясь освободиться от петли, но все напрасно; его тело, ежеминутно зацеплявшееся за кусты, превратилось в сплошную рану, и вскоре он умер в страшных мучениях. Тогда всадник остановился, удостоверился в смерти бандита, снял с него веревку и, сев на седло, поехал по направлению к городу.

— Так тебе и надо, несчастный шпион, — проговорил он, — ты наказан по заслугам; упокой, Господи, его душу! — И он набожно перекрестился. Этот всадник был Лукас Мендес.

Пока бывший слуга дона Торрибио расправлялся со шпионом, Пепе Ортис во главе своего войска въезжал в город.

Ночь была темная, улицы пустынные; все жители позакрывались у себя, ежеминутно вздрагивая от выстрелов, доносившихся из центра города, где шла ожесточенная битва.

Пепе Ортис, прекрасно изучивший Урес, повел свое войско, по узкой и грязной улице, в тот квартал, где находились казармы и велел им загородить входы на улицы. Затем, взял с собой шесть человек, он направился к кабачку, в котором офицеры часто собирались поиграть, попить и повеселиться. Пепе Ортис был уверен, что и теперь многие из них не утерпят, чтобы хоть на несколько минут не забежать в кабачок с деньгами дона Мануэля, которые тот раздавал по случаю пронунсиамента.

Он пошел в кабачок и вызвал самого хозяина, который узнав, что его спрашивает капитан в сопровождении нескольких солдат, не осмелился послушаться и поспешил выйти к нему.

— Что вам угодно, капитан? — спросил он, искоса поглядывая на Пепе Ортиса.

— Что ты предпочитаешь, — вдруг сказал ему тот, — получить десять унций, или погибнуть? Выбирай скорей, без рассуждений!

— Сагау! Конечно, лучше получить десять унций. Что нужно для этого?

— Сколько теперь офицеров в твоей конуре?

— Двадцать или двадцать пять самое большее, ваша милость!

— Ты лжешь, наверное, больше!

— Нет, ваша милость; теперь кажется дерутся, им и то очень трудно оставить свой пост. Да если вы сомневаетесь, проверьте сами!

— Ну ладно! Сделай так, чтобы через пять минут они все вышли!

— Это нетрудно: я им скажу, что их требуют во дворец.

— Это уже твое дело, но ты должен их выпроводить! Понял?

— Слушаю, ваша милость. И я получу десять унций?

— Вот они, бери; но берегись; если ты меня обманешь, тебя ждет смерть.

— Обмануть вас, ваша милость! Не беспокойтесь! Вы слишком щедры для этого! К тому же я их не знаю, этих офицеров; мне до них решительно нет дела!

— Им не сделают никакого зла. Иди же, я жду здесь! Нам неизвестно, что именно придумал трактирщик; но офицеры стали выходить по два, по три, и все попались в ловушку.

Пепе Ортис, забрав их, заставил идти впереди войска.

— Знаете, мой друг Пепе Ортис, — сказал ему дон Руис Торрильяс, — вам пришла блестящая идея: солдаты, лишённые начальников, уже наполовину побеждены. Жаль, что вы не забрали их ещё больше!

— Это не моя вина, ваша милость: я и то сделал, что мог! — добродушно ответил юноша.

Дон Руис засмеялся.

— Если так будет продолжаться, я думаю, мы попируем! — сказал он.

— Я убежден в этом, — ответил Пепе Ортис. — Вот вы увидите!

Разговаривая, они незаметно доехали до трактира Домингеса; ворота мгновенно открылись, чтобы впустить их и тотчас же захлопнулись за ними: видно было, что их давно ожидали.

Дон Торрибио, стоя подле Домингеса, держащего в руке фонарь, встречал всех.

— О-о! — сказал он Пепе. — С какой ты большой компанией. Где ты наберёвал столько храбрых товарищей?

— Это не я набрал, а дон Руис Торрильяс! — ответил Пепе.

— Дон Руис Торрильяс, разве он здесь?

— Здесь, сеньор, и весь к вашим услугам! — ответил молодой человек, выступая вперед вместе со своим Негро.

— Очень рад видеть вас, — искренне воскликнул дон Торрибио, — ваше присутствие сослужит нам великую службу. Я имею честь быть другом вашего отца...

— Я надеюсь, дон Торрибио, что вы не откажете и мне в вашей дружбе. Что касается меня, то мое пламенное желание — сделаться вашим другом!

— Я был уже им, ещё не зная вас, дон Руис!

— А теперь?

— Вот моя рука!

— Как я рад! — весело воскликнул дон Руис. Молодые люди крепко пожали друг другу руки и поцеловались. Затем, предшествуемые

Домингесом, дон Руис, дон Торрибио и Пепе Ортис вошли в довольно обширную комнату и разместились по скамейкам.

Снаружи доносился страшный шум; стрельба становилась сильнее.

— Мне думается, что нам сейчас дадут сигнал! — сказал дон Торрибио.

— Дай Бог! — ответил его новый друг.

— Так мне надо поторопиться, — сказал Пепе Ортис, — запрятать подальше дичь, которую я подобрал в пути.

— Что?! О какой дичи ты говоришь?

— О! Пустяки, двадцать солдат, да двадцать пять офицеров-мятежников.

— Молодец, тебе часто приходят прекрасные мысли!

— Я это и сам знаю, — сказал он смеясь, — но только признаюсь, эти господа очень стесняют меня. Куда я их дену?

— Есть о чем тревожиться! Домингес, не найдется ли у вас места для этих пленников?

— Сколько угодно, сеньор! — отвечал хозяин. — Задняя стена моей гостиницы выходит прямо на реку. Дайте сигнал, и сюда сейчас же подплывет лодка, в которую мы и спустим голубчиков через окошко.

— Как мешки с пшеницей! Домингес, вы неоценимы! Ты слышишь, Пепе; не теряй же времени, мой друг.

Пепе тотчас же вышел с хозяином трактира. Молодые люди остались одни.

Дон Торрибио сильно беспокоился, думая о донье Санте; одна, в маленьком домике на главной площади, она подвергалась большим опасностям; там должен быть самый разгар сражения.

Так прошло полчаса; они оба молчали, думая каждый о своем.

Пепе Ортис возвратился с Домингесом.

— Кончено, — сказал он, — мешки спущены благополучно, наконец-то я развязался с ними!

— Одно слово, Домингес! — сказал дон Торрибио.

— Рад служить вашей милости! — ответил хозяин, кланяясь.

— Сначала возьмите себе вот это, — сказал молодой человек, протягивая ему кошелек, — верный счет дружбы не портит. Ведь мы условились за пятьдесят унций, не правда ли?

— Да, ваша милость.

— В этом кошельке шестьдесят! Итак, мы теперь квиты!

— Как вы добры, сеньор дон Торрибио; служить вам доставляет удовольствие. Теперь я ваш должник, — добавил хозяин с ласковой и

почтительной улыбкой.

— Нисколько, вы были верны, я остался доволен вами! Я доказываю вам это, награждая вас. Вам известен пароль?

— Да, ваша милость; он был сообщен при мне полковнику Искиердо самим губернатором.

— О-о! Какой же он?

— Santiago, ampare la Patria!¹⁵

— Гм! Это почти испанский боевой клич¹⁶. Впрочем, не все ли равно?! Благодарю вас. — И, повернувшись к Пепе прибавил: — Пойди посмотри, все ли оружие в порядке и скажи от меня Каस्तору, чтобы он велел своим людям садиться на лошадей; торопись, нам, наверное, сейчас дадут сигнал.

Предчувствие дона Торрибио не обмануло его. Едва прошло несколько минут, как вышел Пепе Ортис, как послышались удары в ставни одного из окон той комнаты, где сидели молодые люди.

Дон Торрибио тотчас же встал и, подбежав к окну, стукнул в его ставни три раза, два раза подряд, и раз, погодя немного. Снаружи послышался едва уловимый голос.

— Santa libertad!¹⁷

— Ni oro, ni plata!¹⁸ — тотчас же ответил дон Торрибио.

— Ni engano!¹⁹ — продолжил тот же голос.

Дон Торрибио подал знак Домингесу, который пропустил человека, проскользнувшего в нее, как змея; калитку тихонько заперли на задвижку.

— Вы готовы? — спросил этот человек, войдя в залу и сбрасывая с лица покрывало.

— Мы ждали вас, Лукас Мендес, с большим нетерпением! — ответил дон Торрибио.

— Сколько у вас всего человек?

— Триста пятьдесят, и все — люди верные, вооруженные с головы до ног.

— Я не знал, что вас так много!

— Дон Руис Торрильяс привез нам пятьдесят всадников.

— Тем лучше, они пригодятся нам! Бунтовщики дерутся отчаянно, и не пропади у них часть офицеров, то неизвестно...

— Да, я то знаю, как Пепе Ортис поймал их.

— Хорошо придумано! Благодаря Пепе мы можем выиграть сражение. Мятежники дерутся не на жизнь, а на смерть; зная, что им нечего ждать пощады, они не отступают ни на шаг, дон Порфирио уже недалеко от площади. Вот куда нам надо проникнуть; разделите ваше войско на два

эскадрона, вы будете командовать первым, а дон Руис — вторым.

— А вы?

— Я буду сопровождать вас! Ну, скорей! Только не забудьте внушить своим людям, чтобы они все на сегодняшнюю ночь считали бы себя настоящими солдатами.

— А дон Порфирио?

— Когда мы завладеем дворцом, я пушу ракету, после которой он, а также генерал Кабальос, нагрянут на неприятеля.

— Итак, едем с Божьей помощью!

Все всадники сидели уже в седлах, вооруженные копьями и ружьями. Образовались два эскадрона. Дон Торрибио стал во главе первого с Пепе Ортисом и Лукасом Мендесом; дон Руис и Кастор впереди второго.

— Откройте ворота! — сказал дон Торрибио Домингесу. Последний исполнил приказание, и всадники двинулись. Ночь была совсем темная; не только не было луны, но

даже ни одной звездочки не виднелось на небе. Всадники подвигались медленно, шаг за шагом, боясь обратить на себя внимание.

Но, не прошло и четверти часа, как при одном из поворотов они заметили точно в тумане красноватый свет и сыпавшиеся искры, среди которых двигались неясные тени; затем виднелась черная полоса, на которой показались другие неподвижные силуэты; всадники догадались, что это — баррикада.

— Осторожней! — сказал Лукас Мендес сдержанным голосом.

Охотники невольно вздрогнули, чувствуя предстоящую схватку, но продолжая двигаться вперед. Когда они приблизились шагов на тридцать к баррикаде, на них нацелились ружья и раздался чей-то громкий голос:

— Кто идет?

— Свои! — ответил дон Торрибио.

— Кто такие? — продолжал голос.

— Стрелки из Гвадалахары!

Произошел небольшой перерыв. За баррикадой задвигались. В это время человек тридцать солдат с лошадей, которых спрятали в арьергарде; сами же, пешие, стали за доном Торрибио.

Затем спросил офицер пароль.

— Santiago, ampare la Patria! — ответил дон Торрибио.

— Верно, — сказал офицер, — но почему вы велели некоторым солдатам сойти с лошадей?

Дон Торрибио посмотрел вокруг себя, потом, нагнувшись к офицеру, схватил его за шиворот, приставив дуло пистолета к его груди:

— Потому что я хотел прогнать вас с поста, — сказал он тихим, но угрожающим голосом, — сто унций и чин капитана, если вы будете молчать. Но за одно слово или крик я вам размозжу голову! Взгляните-ка, что делается.

Офицер обвел вокруг себя любопытным взглядом, чтобы уяснить себе настоящее положение.

Получилось нечто для него неожиданное: пока он переговаривался с доном Торрибио, как того требовала военная дисциплина, охотники, под предводительством Лукаса Мендеса, проскользнули в темноте к баррикаде и завладели ею без выстрелов и без боя. Сторожа, конечно, заранее подкупленные, не только не оказали ни малейшего сопротивления, но, напротив, с удовольствием присоединились к ним.

— Ловко сыграно! — проговорил небрежно офицер. — Прекрасно выполнено, честное слово! Я сдаюсь, сеньор, и с этой минуты готов служить вам. Что я должен делать?

— Обещать честно исполнять свои обязанности, капитан!

— Обещаю, сеньор! Сагау! Сразу два чина, какое счастье! Сегодня утром был унтер-офицером а вечером сделался — капитаном. Большого мне и желать нечего, по крайней мере, теперь! — прибавил он, смеясь.

— Ну и прекрасно, — сказал дон Торрибио, пряча пистолет. — Не беспокойтесь, благодаря вам битва теперь скоро окончится.

Это смелое нападение было произведено с такой ловкостью, что нигде не возбудило тревоги. Дон Мануэль не подозревал, что делалось в нескольких шагах от него, а потому ему не заботился о предохранении себя от страшного удара. Дон Торрибио отвел в сторону Пепе Ортиса, поручив ему принять некоторые меры относительно доньи Санты, которую он хотел избавить от ужасного зрелища битвы, происходившей пока на ее глазах, затем в сопровождении двадцати охотников направился ко дворцу.

Лукас Мендес по взятии баррикады пустил ракету, чтобы возвестить дону Порфирио и генералу Кабальосу, что решительная минута настала.

Четыре пушки, захваченные при взятии баррикады, повернули в сторону мятежников, на которых, как град, полетели выстрелы, в то же время дон Руис, Лукас Мендес и Кастор напали на них с тылу, чем привели их в большое смятение.

Бунтовщики, очутившись среди двух огней и видя, что всякое отступление отрезано, дрались отчаянно. Почти все были убиты, лишь немногим удалось спастись. Тогда дон Порфирио с генералом Кабальосом вступили на главную площадь, где их встретил дон Руис со своими охотниками.

В эту минуту дон Торрибио выходил из дворца в ярости.

— Ну, что? — спросил дон Порфирио.

— Дон Мануэль скрылся! — вскричал молодой человек.

— Скрылся?

— Да! Во дворце нет ни души; негодяй сбежал!

— Оставьте его, — вмешался в разговор Лукас Мендес. — Где бы он ни пропадал, я найду его; и на этот раз уж мы не выпустим его!

Дон Порфирио со своими друзьями тотчас же отправились во дворец. Дон Торрибио не ошибся: видно было, что дон Мануэль не успел даже захватить с собой самых секретных бумаг.

Дон Порфирио приступил к водворению в городе порядка и спокойствия; затем разослал во все концы гонцов за беглецами, из которых многих поймали.

Только дон Мануэля и его сообщников никак не могли найти: они исчезли бесследно.

Жители Уреса были счастливы, что могли наконец спокойно вздохнуть под охраной законной власти республики, и деятельно принялись за уборку трупов и уничтожение баррикад, на которых пролилось столько крови.

Через несколько часов город принял праздничный вид, во всех домах зажгли иллюминацию, улицы наполнились ликующей толпой народа; все пели и плясали, громко восхваляя новое мексиканское правительство и губернатора Соноры, так храбро отнявшего похищенный у него пост.

Только в одном доме царил мрак и уныние; в доме, в котором укрывалась донья Санта после своего бегства с асиенды.

Когда Пепе Ортис вошел туда по поручению дон Торрибио, то нашел его пустым; выломанные двери и опрокинутая мебель показывали, что девушку похитили после долгого сопротивления. В комнате ее царил невообразимый хаос.

На пороге лежали два трупа, обезображенные до неузнаваемости.

Кем они убиты? Кто такие похитители? Не было ли все это последней мезьей дон Мануэля?

Вот вопросы, которые задавал себе дон Торрибио, бледный как полотно, с неподвижным взглядом и разбитым сердцем. Он метался, как сумасшедший, по этим комнатам, где еще так недавно была его возлюбленная.

В первый раз в жизни в душу его закралась ненависть; он только теперь понял, что месть может доставить наслаждение.

— О! — простонал он. — Кто мне разыщет мерзавца, который так подло разрушил мое счастье?!

— Я! — сказал Лукас Мендес, тяжело кладя ему руку на плечо.

— Вы! — воскликнул он, поворачиваясь и пристально взглядывая на него. — Но кто же вы, наконец?!

— Человек, любящий вас и желающий вам счастья! — И, взяв его под руку, он увел его из этого дома с помощью Пепе Ортиса и дона Руиса.

Молодой человек, окончательно упавший духом, позволил себя увести без всякого сопротивления; он ослаб, как ребенок, склонил свою голову на плечо Пепе и горько заплакал.

ГЛАВА XIV. В которой следопыт выручает влюбленного

Прошло около двух месяцев после окончательного падения дона Мануэля и его сообщников. Все это время дон Порфирио употребил, чтобы смирить и успокоить краснокожих, недовольных мексиканским образом правления; он восстановил порядок в администрации и облегчил участь настрадавшегося народа.

Задача бала нелегкая и выше сил заурядного человека. Но, хотя дон Порфирио не хватал с неба звезд, — это был человек честный, любивший свое отечество; к тому же, он обладал железной волей и большой энергией. Принявшись деятельно за работу, он выказывал везде справедливость и награждал добрых и злых по заслугам. В силу этого ему удалось добиться хороших результатов.

У дона Порфирио имелось масса документов и писем, обличавших платeadос. Сняв с них копию, он отослал бумаги в Мексику. Тотчас же по всей территории республики начались розыски этих страшных бандитов, которые разоряли страну и наводили на всех ужас. Большинство из них были пойманы; но, к несчастью, главных вожаков не могли найти. Ходили слухи, что они убежали в Соединенные Штаты, в ожидании более благоприятных для них времен.

Однако дон Бальтасар Турпид и дон Бенито де Касональ были арестованы. Ожидались важные разоблачения, но любопытство публики было обмануто: на следующий день их обоих нашли мертвыми в тюрьме; дон Бальтасар перерезал себе горло; а дон Бенито де Касональ повесился на перекладине окна.

Итак прошло два месяца со времени событий, о которых мы рассказывали в предыдущей главе. Был четверг; луна сияла на небе, усеянном звездами, и освещала своим бледным светом величественные еще развалины вымершего ныне города Амакстлана, расположенного у разветвления Рио-Хилы и при впадении в нее Рио-Салинаса и Рио-Пуэрко. Несколько человек, казавшихся охотниками, сидели вокруг огня в большой комнате дворца Монтесумы и кончали ужинать; их оружие лежало на полу подле них, а тут же, в отдаленном углу комнаты, их лошади ели корм.

Охотники эти были хорошо известные читателю Твердая Рука, дон Торрибио де Ньиблас, Пепе Ортис, дон Руис Торрильяс, Кастор и Мариано

Педросо, мажордом асиенды дель-Пальмар.

Окончивши ужинать и утолив свой аппетит, охотники начали разговаривать о своих делах.

Вдруг раздался крик лесной совы, единственной птицы, поющей по ночам, и повторился два раза.

— Тут что-то новое! — сказал Кастор, хватаясь за ружье и приподнимаясь с места вместе с товарищами.

— Нет, сидите спокойно, господа, — сказал Твердая Рука, — я знаю, что это: кто-нибудь из чужих попал в одну из наших западней.

— Бедняга! — проговорил Кастор, — не повезло же ему!

— Ба! — сказал Пепе Ортис, — что же делать! Всяк за себя; сидел бы лучше на своем месте, чем рыскать, как шакал!

Снаружи послышался шум шагов, и в залу вошли несколько индейцев, ведя связанного человека. Шапка, спустившаяся ему на глаза, мешала рассмотреть черты его лица; одет он был в мексиканский костюм.

Индейцы подошли к Твердой Руке и молча остановились перед ним, в ожидании, пока он с ними заговорит.

— Это добыча моего сына — Ястреба? — спросил Твердая Рука, обращаясь к вождю краснокожих и бросив вопросительный взгляд на пленника.

— Ястреб хотел угодить своему отцу! — ответил тот с легким поклоном.

— У моего сына глаза тигра и осторожность опоссума! Каким образом попался этот человек?

— Он ехал галопом по берегу Рио-Салинаса, держа путь к горе! Ястреб, спрятавшийся в кустах, забросил на него лассо! Бледнолицый человек упал с седла и покатился по земле, точно яблоко, сорвавшееся с дерева. Мои воины набросились на него, отняли у него оружие и связали, не дав ему времени встать на ноги. Ястреб приказал привести его к отцу! Я сказал!

— Хорошо, вождь, вы поступили как умный и ловкий воин; мое сердце радуется, слушая вас. Подвиньте этого человека, чтобы я мог рассмотреть и расспросить его. Но сначала освободите его от веревок: они теперь излишни!

Ястреб послушался, потом грубо толкнул пленника к свету.

— Чего вам было нужно в этих краях? — спросил Твердая Рука пленника.

— А вам какое дело? — ответил пленник охрипшим голосом. — По пустыне все могут ездить! С какой стати я буду давать вам отчет в своем

поведении?

— Как хотите! Кто вы такой?

Всадник приподнял шляпу и, гордо выпрямившись, сказал:

— Посмотрите на меня!

— Наранха! — воскликнул Твердая Рука в изумлении.

— Проклятая душа дона Мануэля! — сказал Пепе Ортис. Все охотники встали, за исключением дона Торрибио, который, со времени исчезновения доньи Санты, больше не жил, а прозябал.

— Да, я Наранха, самбо — повторил пленник, — чего вы хотите от меня?

— Узнать сперва, зачем вы появились в этих краях!

— Я бы мог ничего не отвечать вам; но так и быть! Вот уже два месяца как из-за вас проливается невинная кровь Мексики. Все друзья моего господина и большинство его спутников пали от вашей руки. Благодаря Богу, ему самому удалось спастись, он теперь в безопасности, на той стороне индейской границы. Так как я ему больше не нужен, да он и не имеет возможности оставить меня при себе, то он мне приказал уехать от него. Мы расстались с ним два дня тому назад; теперь я брожу один по свету; мне все равно, жить или умереть. Убейте же меня, раз я попал в ваши руки!

— Так твой господин, дон Мануэль де Линарес, спасся, благодаря тебе, конечно?

— Да, благодаря мне, и теперь вам не найти его. Убивайте же меня! Чего вы ждете?

Дон Торрибио поднял голову; в его глазах сверкнула радость; он встал, медленно подошел к самбо и положила руку, на его плечо, сказал, устремив на него сверкающий взгляд, которого тот не мог вынести:

— Ты лжешь!

— Я лгу, я? — пробормотал он почти со страхом.

— Да, твой господин никуда не скрывался, ты расстался с ним до заката солнца, не отрицай, а то опять солжешь!

Наранха молча опустил голову. Наступило минутное молчание. Дон Торрибио переглянулся с Твердой Рукой.

— Слушай! — сказал молодой человек самбо.

— Что вам от меня нужно?

— Я тебе спас жизнь два раза!

— Правда! — пробормотал тот.

— Теперь ты опять в моих руках. Но я не хочу твоей смерти: львы не едят падали; ты только жалкий лакей, нам твоей смерти не нужно. Тебе

сейчас возвратят твоё оружие и лошадь. Убирайся и не оглядывайся назад; поезжай, куда хочешь, ты свободен!

— Вы не можете помешать мне быть преданным моему господину: моя жизнь принадлежит также и ему; и я умру за него!

— Это нас не касается, делай что хочешь. Но помни, что если ты опять проявишься в этих краях и попадешься нам, то тебя уже ничто не спасет от постыдной смерти, которую ты давно заслужил себе. Отдайте этому человеку лошадь и оружие, он свободен! — сказал Твердая Рука, обращаясь к индейцам.

Последние молча исполнили приказания, совершенно не понимая, ради чего такая милость.

— Отправляйся, и помни, что ещё раз обязан мне жизнью!

— Я никогда не забываю ни добра, ни зла... Буду помнить и докажу вам это на деле.

С этими словами самбо вскочил в седло, пришпорил коня, помчался во весь дух и вскоре скрылся в темноте.

Дон Торрибио остановился на пороге, следя за быстрой ездой всадника. Когда же шум скачущей лошади исчез, он тихо вернулся в комнату, погруженный в задумчивость.

— Я исполнил ваше желание! — сказал ему Твердая Рука.

— За что я искренне благодарю вас, вы этим оказали мне огромную услугу.

— Не понимаю, что вы хотите сказать!

— Вы знаете, — начал он, — при каких обстоятельствах похитили донью Санту? Дон Мануэль открыл её убежище. Видя свою неминуемую гибель, но все же желая отомстить мне до своего бегства, он послал бандитов с приказанием убить несчастное дитя. Наранха убил бандитов, а её спас. Почему? ради какой цели? Я не знаю. Знаю только то, что он сам похитил её!

— Откуда вам удалось узнать, что он — виновник и что девушка спасена?

— Не даром же я Искатель следов. Я сразу прочитал все подробности, осмотрев внутренности дома. Я разыскал его следы до границ Соноры; там он пустился в плавь с обоими девушками, доньей Сантой и её камеристкой; они следовали за ним по доброй воле. Все трое были сначала на лошадях; затем сели в лодку, приготовленную и спрятанную заранее. Далее следить за Наранхой оказалось невозможным. Надо было надеяться только на случай, который мне и представился. Сегодня Наранха выехал из своего убежища; оно должно быть совсем близко отсюда, а теперь, зная прекрасно

пустыню, он наверное уже нашел себе более безопасное место, в котором и запрятался.

— Но зачем было выезжать вечером? — возразил Кастро.

— Кто его знает?! Душа этого человека — неизмеримая пропасть, странное смешение добрых и злых инстинктов; у него какая-то безграничная привязанность к своему господину, он любит его одного во всем свете. По всей вероятности, он был не в силах долее вынести разлуку с ним и решил повидаться с ним во что бы то ни стало, рассчитывая, конечно, что в окрестностях асиенды не встретит ни души, или что он удерет от нас, если попадетсЯ.

— Все это возможно, — сказал Твердая Рука, — что же вы теперь думаете предпринять?

— Я? Сейчас же пуститься по его следам. Дон Руис, могу я надеяться на вас?

— Еще бы! — отвечал тот.

— Пепе Ортис, приготовь нам лошадей!

— Но ведь это безумие!

— Друг, — сказал дон Торрибио с сияющим лицом, — мое сердце чувствует, что раньше чем через час я найду ту, которую люблю.

— Дай вам Бог! Но посмотрите, луна быстро заходит, сейчас настанет совершенная темнота!

— Ничего не значит! Я вижу не только глазами, но и сердцем, а для него мрака не существует. Пепе, подай факел!

Они вышли. Дон Торрибио нагнулся к земле и несколько минут внимательно разглядывал следы, оставшиеся после Наранхи и его лошади.

— Прекрасно, — сказал он, поднимаясь. — Теперь, будь он хоть в самой пропасти, я найду его; я видел достаточно.

Охотники и индейцы, опытные в подобных делах, следили с трогательным восторгом за молодым человеком. Твердая Рука высказал громко то, что все думали про себя:

— Неужели Вы надеетесь, снявши эти следы, невзирая на темноту, не сбиться с пути?

— Я уверен в себе; для меня это пустая забава!

— Но это превосходит всякое вероятие, человеческие способности не могут дойти до такого совершенства!

— Для нас с Пепе это дело привычное! Не правда ли, Пепе?

— О! Это совсем не трудно!

— Ну, так отправляйтесь с Богом! — сказал Твердая Рука.

— Благодарю, скоро мы вернемся обратно!

— Одни? — спросил Кастор.

— Нет, с теми, кого едем отыскивать!

— Если вы исполните это, — воскликнул Кастор, — то я признаю, что наши искатели следов перед вами — ослы.

— И будете неправы, — рассмеялся дон Торрибио, — у нас только своя систему; и она хороша!

— Может быть! — проговорил охотник.

Дон Торрибио, дон Руис и Пепе Ортис вскочили на лошадей и скоро исчезли, предоставив охотникам комментировать на свободе их рискованное предприятие.

Всадники мчались с головокружительной быстротой, делая всевозможные зигзаги, поворачивая в разные стороны; временами можно было даже подумать, что они возвращаются назад, хотя они все удалялись и удалялись от товарищей, беспрекословно подчиняясь кратким указаниям дона Торрибио, дававшего их ежеминутно, отрывистым голосом приказания:

— Направо! Налево! Здесь! Там! Прыгайте через ров! сквозь кусты! Вокруг этих деревьев!

Иногда, не замедляя езды, молодой человек нагибался со своего седла почти до самой земли, вглядываясь в нее, потом разом выпрямлялся со сжатыми губами и загадочной улыбкой.

Лошади скакали в облаке пыли. Вдруг дон Торрибио крикнул:

— Стойте!

Все остановились, как вкопанные.

— На землю; теперь мы пойдем пешком!

Их отчаянная езда длилась три четверти часа. Сойдя на землю, всадники осмотрелись, чтобы уяснить себе, куда они попали. Место это было дико и грандиозно; налево, серебряной полосой протекал Рио-Салинас, берега которой были покрыты низкими хлопчатниками и мастиковыми кустарниками; перед ними подымался хаос скал, нагроможденных одна на другую и образующих самые затейливые очертания. Направо чернел громадный девственный лес. Сзади, если бы, луна продолжала светить, можно было бы разглядеть развалины вымершего города и дворец Монтесумы на расстоянии трех миль.

Но охотники проехали вдвое больше, вследствие всевозможных поворотов и бесконечных крюков, придерживаясь следов, которые самбо намеренно запутал.

— Пепе, — сказал дон Торрибио, — спрячь лошадей в кусты!

— Мы приближаемся? — полубопытствовал дон Руис.

— Меньше чем через четверть часа дойдем! Подождите меня здесь минутку! — И молодой человек углубился в темноту, в которой вскоре скрылся.

— Где дон Торрибио? — осведомился Пепе Ортис, возвратившись.

— Он, кажется, считает, что мы у цели, он исчез в скалах, но я сильно сомневаюсь, чтобы он на этот раз нашел что-либо! — проговорил дон Руис.

— Отчего же? Хотя след и запутан, но его все время было видно!

— Я очень рад, если это так! Но, признаюсь, положительно ничего не мог различить во время этой езды, походившей скорее на вихрь, чем на правильное расследование.

— Дон Торрибио говорил вам, что у нас особенный способ искания следов.

— Сарау! Я и сам вижу! Во всяком случае, что бы ни случилось, я счастлив, что был свидетелем такого своеобразного зрелища. Вы можете ошибиться, но все же вы опасные Искатели следов.

— За мной! — сказал дон Торрибио, вдруг показавшись. — Я нашел. Место замечательно хорошо выбрано; негодяй мог бы спокойно прожить там лет двадцать, если бы мы не напали на его следы.

— Это близко отсюда?

— В нескольких шагах всего! Главное, молчите! Туда должны вести две дороги, нам надо спешить, приходится взять кратчайший путь, хотя он очень опасен, предупреждаю вас. Нужны хладнокровие и твердая поступь. Идите!

Они последовали за ним гуськом. Дон Торрибио направился к скалам, карабкаясь за них и делая тысячу поворотов. Через пять минут смельчаки очутились на краю широкой расщелины, необыкновенной глубины, из которой глухо раздавался шум невидимых вод; густой мрак царил над этим своего рода колодцем, стены которого были почти отвесны.

— Здесь, — сказал дон Торрибио шепотом, — нам надо спуститься приблизительно на тридцать пять фунтов. Будьте решительны и ступайте тверже, падение повлечет за собой страшную смерть!

— Точно дорога, ведущая в рай, — пошутил дон Руис, — не сорваться бы нам! Все же попробуем!

— Пойдите, дайте сюда ваши лассо; благодаря им мы легко спустимся.

Он взял лассо, крепко перекрутил их, потом зацепил за скалы, оставив концы висячими.

— Я спущусь первый, — сказал дон Торрибио, — а ты, Пепе, последний!

— Не легче ли мне спуститься первым?

— Нет! — властно сказал юноша. Пепе молча опустил голову.

Дон Торрибио обхватил оба конца веревки, лег на землю и затем начал осторожно спускаться в пропасть, стараясь упираться ногами о все выступы скалы, встречающиеся на его пути.

Вскоре веревка зашаталась из стороны в стороны.

— Он остановился, — сказал дон Руис, — теперь моя очередь!

В пять минут все трое очутились на довольно широкой площадке, в пропасти, на глубине сорока футов; тут был такой мрак, что в двух шагах ничего не было видно.

Дон Торрибио потянул к себе веревки, распустил их и возвратил спутникам.

— Сагау, — весело сказал дон Руис, — теперь вы нам совсем отрезали отступление, милый друг!

— Это чтобы заставить вас одержать победу; потом мы возвратимся по другой дороге.

— Ну, это, я думаю, будет не так-то легко. А теперь что мы станем делать? Не застрянем же мы здесь, как чайки во время грозы. Или мы еще будем спускаться?

— Нет! Слушайте: нам осталось самое опасное; то, что мы сделали до сих пор, пустяки, — в сравнении с тем, что нам предстоит.

— Гм! Вы находите? Но все равно, продолжайте, дорогой друг!

— Тут растет лиственница, которая кажется пустила глубокие и крепкие корни в щели этих камней. Посмотрите как она согнута: она достает почти до противоположного края расщелины, от которого отделена не более чем на три или четыре фута. Напротив, с той стороны, открывается вход в пещеру; для этого нам надо добраться до конца дерева, ухватиться за одну из ветвей его, чтобы не потерять равновесия, и затем изо всей силы прыгнуть как можно дальше; только надо скакать прямо вперед; а то — вы понимаете...

— Еще бы! Да, я один не решился бы на такую прогулку. Если бы было еще светло!

— Я уже пробовал попасть туда и вернулся, чтобы доставить вам удовольствие сопровождать меня до конца.

— Покорно благодарю! Ну что ж, попробуем и мы: прыгать так прыгать!

— Вот это я понимаю! Ну, с Богом!

Все трое полезли на лиственницу, дон Торрибио — впереди, а Пепе Оррис — сзади. Было бы неправдой утверждать, что при всей своей

львиной храбрости молодые люди оставались спокойны, пока карабкались по дереву в непроглядной тьме. Если бы возможно было вернуться назад, то они, пожалуй, и не отважились бы на такой рискованный шаг; но всякое отступление угрожало им неминуемой смертью; только и оставалось — идти вперед, на что они и решились с замирающим сердцем.

Но ими чуть не овладело головокружение, когда, добравшись до конца лиственницы, они почувствовали, что дерево закачалось с ними над пропастью...

Мы забыли сказать, охотники были в полном вооружении, что значительно затрудняло их и без того трудное предприятие; дон Торрибио позаботился связать вместе все ружья, топоры и проч. Пепе Ортис, привязал их к спине, спустился с ними на площадку, с которой он должен был, привязав их предварительно к веревке, сбросить их в грот, где их примут его спутники.

Первым прыгнул дон Торрибио, за ним дон Руис; Пепе Ортис бросил сначала оружие и наконец сам спрыгнул в грот, точно ягуар.

С каким облегчением каждый из них вздохнул, когда они опять очутились вместе! Только чудо могло спасти их.

Они снова вооружились; дон Торрибио пошел вперед, и все молча продолжали опасный путь.

В пещеру вел узкий проход, куда они вступили решительно.

Пройдя около четверти часа, охотники увидели перед собой свет, сначала слабый, но по мере их приближения становившийся яснее; вскоре им послышался звук человеческого голоса, и через несколько минут они могли различить слова.

Шел дружеский разговор между тремя лицами: одним мужчиной и двумя женщинами.

Дон Торрибио задрожал от радости, распознав эти голоса.

Донья Санта была здесь, всего в нескольких шагах от него; молодой человек, пережив такие сильные волнения, чуть было не лишился чувств, заслышав любимый голос.

— Стойте! — прошептал он, — послушаем!

— Это просто удивительно, — пробормотал дон Руис, — ведь мы дошли до конца этого невероятного следа. Какой сверхъестественный талант у этих людей! Если бы я сам не участвовал во всей прогулке, то никогда не поверил бы, что возможен такой скорый и верный результат.

Между тем разговор в пещере продолжался. Говорила донья Санта.

— Итак, вам не удалось; асиенду еще стерегут?

— Да, стерегут! — ответил Наранха сдавленным голосом.

— Боже! Неужели же мне суждено навек остаться в этой пещере?

— Вы так скучаете здесь, не правда ли? — сказал он с упреком.

Девушка ничего не ответила.

— Значит, мое присутствие так тяготит вас? Я вам противен?

— Нет, я вам обязана жизнью; вы убили подосланных ко мне убийц. Я признательна вам за эту услугу и не только ради себя, но и ради человека, которого я люблю больше моей жизни и который не перенес бы моей смерти.

— Не говорите мне этого! — проговорил он мрачным голосом.

— Отчего?

— Вы знаете, почему я вас спас, сеньорита?

— Вы говорили мне: чтобы освободить своего господина, отдав меня за него в выкуп.

— Да, для этого, но еще и по другой причине.

— А именно? Скажите!

— Нет, вы не узнаете ее. Если я вам скажу, вы проклянете меня, а я не хочу этого!

— О! Наранха, не смотрите на меня так! — воскликнула она в ужасе, — я боюсь вас!

— А! Вижу, вы поняли меня!

— Несчастный! — пробормотала она.

— Да, несчастный, и очень несчастный, — проговорил он разбитым голосом — вы никогда не узнаете, сеньорита, что я выстрадал, и как я еще страдаю: у меня в сердце ад! — Не бойтесь меня, мое уважение к вам еще сильнее того безумного чувства, которое гложет мое сердце!

— Бедный Наранха! — сказала она с сочувствием.

— Вы жалеете меня, такого дурного человека! О! Как вы добры! Благодарю и за это! Будьте счастливы!

— Счастлива, увы!

— Да, я поклялся в этом час тому назад. Человек, которого вы любите, еще раз спас мне жизнь!

— Торрибио!

— Не произносите его имени, мне это слишком тяжело. Чтобы устроить ваше счастье, я забываю все, даже свою привязанность, которая была для меня — все в жизни. Я изменяю моему господину, я отдаю его на съедение врагам! О! Какой я подлец! Но вы будете счастливы, а до остального мне нет дела. Пойдемте, уйдем скорее отсюда; если я промедлю, то у меня, может не хватить сил на эту жертву.

— Что вы хотите делать?

— Отдать вас тому, кого вы любите и без кого не можете жить!

— О! Господь вознаградит вас, Наранха, этот поступок искупает все ваши грехи!

— Идите же, идите, — проговорил он с блуждающим взором, — я за себя не ручаюсь...

— Хорошо, Наранха! — вдруг проговорил, выступая вперед, дон Торрибио. — Вы не обманули меня, помня свое обещание. И я, в свою очередь, не забуду этого!

— Вы! Вы здесь! — вскричал в ужасе самбо и добавил, говоря сам себе: — Сам Бог привел его сюда, моя жизнь кончена!

— Что вы хотите сказать?

— О! Торрибио, наконец-то вы пришли! — воскликнула донья Санта, бросаясь в его объятия, с глазами, полными слез.

— Бесценная Санта! — ответил молодой человек, страстно прижимая ее к груди.

— Уйдем, уйдем! — начала она в избытке счастья.

— Да, — вскричал Наранха глухим голосом, — уходите, уходите скорей! — И он при этом вытянул руку, точно указывая им дорогу.

Его лицо побагровело, глаза заблестели от внутренней лихорадки и сам он конвульсивно вздрагивал, следя диким взглядом за движениями девушки, увлекаемой доном Торрибио, который уносил ее на руках, так она была слаба.

Сзади этой группы шла Лолья Нера с доном Руисом и Пепе Ортисом.

Но Наранха не видел никого, кроме доньи Санты.

— Она уходит! — пробормотал он. — Все кончено, я больше не увижу ее... Я один... Я — изменник моему господину!.. Подлец!.. Подлец... Но нет, я безумец. Ведь она будет счастлива, бедное дитя! Для меня же все кончено...

Охотники и обе девушки уже подходили к выходу из подземелья; вдруг они все вздрогнули и вскрикнули. Из грота раздался выстрел: то Наранха покончил с собой.

ГЛАВА XV. В которой обнаруживается перст Божий

Было около четырех часов утра; ночь была теплая, все небо покрыто тучами; в воздухе чувствовалось удушье; ветер свистал, сгибая деревья и с треском ломая их ветви; дождь начинал падать крупными каплями; гром повторялся эхом горных пещер. Словом, все предвещало страшную грозу.

Асиенда дель-Энганьо выступала темным пятном с вершины воладеро. Казалось, ее обитатели, если таковые имелись в данную минуту, были погружены в глубокий сон.

Однако в действительности было не так, хотя из окон асиенды и не виднелось ни одного огонька.

В богатом кабинете с роскошной обстановкой сидел, не разгибаясь, человек перед столом, заваленным бумагами.

Читатель, конечно, узнал его: это был дон Мануэль де Линарес, бывший губернатор Соноры, низвергнутый президент республики трех штатов и глава страшного союза платeadос, все еще веривший в свое всемогущество.

Дон Мануэль был бледен и расстроен; его усталое лицо носило отпечаток разочарования, глаза блестели и взгляды блуждали с беспокойством, стараясь проникнуть сквозь темноту в отдаленные углы кабинета, которых лампа с абажуром, стоящая на столе, не могла осветить. Малейший шорох, стук крыльев ночной птицы о стекла пугали его; он машинально хватался за пистолеты, устремив взгляд на тень, представлявшуюся его воображению угрожающим призраком. Но, видя, что ничего не двигается, он горько усмехался, его измученная грудь вздыхала с облегчением, и он вновь принимался за прерванную работу.

Вот уже несколько дней, как в душу этого человека закрались мрачные предчувствия; то не были угрызения совести, так как он не имел души. Но все его злодеяния с поразительной ясностью вставали перед ним вереницей, и этот человек, доселе не ведавший страха, чувствовал себя способным лишиться чувств; он дрожал, припоминая количество своих жертв, и сознавал, что его час пробил и возмездие близко.

И все-таки он верил в безопасность на своей асиенде.

Враги его до сих пор не могли открыть его убежища; значит, они были бессильны. И не глупо ли так беспокоиться и создавать себе химеры, когда ему ничего не угрожает?! Ведь неприятели думали, что он скрылся в Соединенных Штатах. Теперь нужно только переждать, пока пройдет гроза, а до тех пор сидеть спокойно и не показываться. В Мексике все возможно! Вот уже прошло два месяца; весьма возможно, что через несколько дней все будет кончено, и он опять сделается властелином.

Подобными рассуждениями и еще многими другими дон Мануэль старался успокоить себя, но напрасно. Его страх увеличивался и предчувствия все также преследовали его.

Однако он окончил свою работу: все свои бумаги, перевязанные и пронумерованные, он спрятал в секретный ящик письменного стола; затем написал несколько писем и запечатывал последнее из них, когда пробили часы.

— Четыре часа уже! — пробормотал он. В эту минуту сверкнула

молния, ослепившая дона Мануэля своим зеленоватым блеском; раздались раскаты грома.

— Гроза! — сказал он с досадой. — Все против нас! Что нам делать? Не лучше ли отложить отъезд на завтра? Собственно говоря, нам нечего спешить!

Он позвонил. Вошел заспанный пеон, протирая глаза.

— Вы изволили позвонить, ваша милость? — спросил он.

— Да, разбудили ли моих друзей?

— Они ждут позволения вашей милости войти к вам.

— Ах! Уже? Они, кажется, торопятся больше, чем я! — проворчал он, потом громко добавил. — Пусть войдут!

Лакей вышел, но тотчас же вернулся и пропустил дона Бальдомеро де Карденаса, дона Корнелио Кебрантадора, дона Кристобаля Паломбо и еще семь или восемь других платеадос, которые вместе с ним скрывались на асиенде. Все были в дорожных костюмах, но без оружия.

— Вы видите, какая погода, сеньоры? — сказал дон Мануэль, — раздражается гроза, как нам быть?

— Через час все дороги размочит, — ответил дон Бальдомеро. — По моему, если ехать, то надо ехать сейчас!

— Разве этот отъезд необходим непременно теперь? — возразил дон Кристобаль, — или предвидятся новые опасности?

— Опасности угрожают нам на асиенде более, чем вне ее! — сказал дон Корнелио.

— Я не понимаю вас, — сказал дон Мануэль, — о каких опасностях вы говорите?

— Не знаю, могу ли я объясняться перед всеми?

— Мы все одинаково заинтересованы в этом деле! — резко заметил дон Бальдомеро.

— Говорите же и объясняйтесь короче, дорогой дон Корнелио!

— Ну, хорошо! Раз вы желаете, я скажу правду, сеньоры!

— К делу! К делу! — закричали все присутствующие.

— Извольте, сеньоры: нас всего на асиенде двести тридцать семь человек; затем, двести пятьдесят три лошади и тридцать девять мулов, значит, всего пятьсот двадцать девять индивидуумов.

— Сумма правильна! Дальше! — раздражительно сказал дон Мануэль.

— По уставам нашего союза асиенда дель-Энганьо должна быть снабжена съестными припасами, провиантом и фуражом на пятьсот человек и столько же лошадей в течение шести месяцев. Да или нет, кабальерос? Ведь это было выписано крупными буквами в параграфе сто

семьдесят восемь нашего статута?

— Да, действительно, это написано! — ответил дон Крестобаль за всех.

— Все это и было сделано, — вскричал дон Мануэль. — Асиенда изобилует всевозможными припасами; еще четыре месяца тому назад мы позаботились с доном Крестобалем и доном Бальдомеро наполнить все кладовые и амбары.

— Мы пользовались провизией только семнадцать дней! — сказал дон Крестобаль.

— Кладовые полны припасов, — заметил дон Бальдомеро, — я сам осматривал их еще недавно.

— Позвольте, господа, — прервал дон Корнелио, — дон Бальдомеро ходил в кладовые неделю тому назад, и они были полны, не правда ли?

— Я уже сказал и повторяю то же! — гордо отозвался дон Бальдомеро.

— Ну-с, кабальерос, а я сам только час тому назад заглянул в них — они пусты!

— Пусты? Не может этого быть! — воскликнул дон Мануэль.

— Вам очень легко удостовериться: посмотрите сами — пусты они, или нет.

— Здесь какие-то недоразумение; надо действительно удостовериться, не ошибся ли дон Корнелио, — сказал дон

Мануэль, — мы еще успеем уехать; однако, гроза усиливается!

В самом деле молния сверкала ежеминутно, ветер неистово ревел, потрясая асиенду до самого основания.

В эту минуту в кабинет вбежал испуганный пеон.

— Сеньоры! — закричал он. — Лошади и мулы, запертые в конюшнях... исчезли, а также исчезли и сбруи!

— Этот человек рехнулся! — сказал дон Бальдомеро.

— Вы ошибаетесь, вовсе я не рехнулся, ваша милость! — возразил дрожащий от страха пеон.

— Но это невысказано! — воскликнул дон Крестобаль.

— Это еще не все, ваша милость; когда забили тревогу, ваши солдаты не нашли своего оружия.

— Как! И оружие похищено?!

— Решительно все!

— Странно! — проговорил дон Бальдомеро, — что тут такое делается?

— Между нами есть изменники! — воскликнул дон Крестобаль.

— Мы окружены невидимыми врагами!

— Измена! Измена! — закричали все присутствующие. И все

машинально, в каком-то суеверном страхе, подошли к дону Крестобалью, стоящему перед столом.

— Полноте, сеньоры, — сказал он с презрительной улыбкой, — право, можно подумать, что вы боитесь! Что это значит?

— Это значит то, — ответил ледяной голос из самого темного угла кабинета. — Это значит, дон Мануэль де Линарес, что небо устало от ваших преступлений, и что побил час вашего суда!

— Кто смеет разговаривать так со мной? — воскликнул дон Мануэль дрожащим голосом, схватывая пистолет и прицеливаясь по направлению слышавшегося голоса.

Тогда из тени медленно вышли несколько человек, друг за другом, дошли до середины комнаты и здесь остановились.

Платеадос в ужасе следили за ними, с расширенными от страха глазами, не смея пошевелиться.

Человек, шедший во главе этой свиты, был в плаще и шляпе, поля которой не давали разглядеть его лица; его спутники остановились сзади него.

— Кто вы такие? Что вам от меня нужно? — спросил дон Мануэль дрожащим голосом. — Говорите сейчас же, или я стреляю!

— Попробуй, — холодно ответил незнакомец, — один раз тебе это не удалось, не думаю, чтобы и теперь тебе посчастливилось!

— Берегись! Дьявол, призрак, кто бы ты ни был — последний раз: отвечай, или я стреляю!

— Говорю тебе, попробуй! — вторично повторил незнакомец презрительно.

— Хорошо же! — воскликнул дон Мануэль, — пеняй же на самого себя! — С этими словами он прицелился и выстрелил. Незнакомец остался невредим.

Обезумевшие от страха платеадос столпились вместе. Дон Мануэль точно окаменел; его пальцы судорожно сжимали еще дымящийся пистолет, а глаза бессмысленно вперились в незнакомца, как будто у птицы, загипнотизированной змеей.

— А теперь, убийца, — сказал последний ледяным голосом, — посмотри-ка на меня хорошенько! Что, узнаешь меня?

Быстрым движением он сбросил с себя плащ и шляпу, его спутники сделали несколько шагов вперед, так что свет упал прямо на них.

— Дон Порфирио Сандос! — воскликнул дон Мануэль скрежеща зубами, — А, сатана! Чего ты от меня хочешь?

— Судить тебя! — спокойно отвечал тот.

— Погоди, я еще не в твоих руках — оружие пока еще со мной!

Он опять поднял свой пистолет, но тотчас же выпустил его и, спрятав голову в руки, в изнеможении опустился в кресло.

Дон Порфирио презрительно пожал плечами и, обратившись к одному из своих спутников, проговорил, указывая на платeadос.

— Капитан дон Диего, захватите этих мерзавцев. Это — сальтеадоры, бандиты, совершившие массу преступлений. Заочным решением суда они проговорены к смерти. Повесьте их всех на стенных зубцах асиенды, оставьте только двоих! — указал он на дона Мануэля и дона Бальдомеро.

Капитан поднял шляпу, — и солдаты схватили платeadос, которые даже не сопротивлялись.

Дон Порфирио, казалось, на минуту забыл о двух главных преступниках; он скрестил руки на груди и глубоко задумался.

Его товарищи смотрели на него с удивлением и беспокойством, не смея заговорить, хотя это были близкие друзья его: дон Торрибио де Ньeблас, дон Руис Торрильяс, Твердая Рука, Кастор и Пепе Ортис — все люди, усердно помогавшие ему в этой беспощадной борьбе.

Дон Мануэль и дон Бальдомеро, казалось, превратились в статуи; только их глаза, вращавшиеся в орбитах, показывали, что они живы.

Настала минута торжественного молчания. На дворе дождь лил, как из ведра; молния сверкала почти безостановочно, сопровождаемая страшными ударами грома; ветер свистел с яростью.

Вдруг со двора асиенды раздался сильный выстрел, заглушивший на секунду шум бури; окна асиенды задрожали.

Дон Порфирио поднял голову и устремил грозный взгляд на вождей платeadос.

— Суд произведен над второстепенными преступниками, — сказал он глухим голосом, — наш долг исполнен. А этих тварей предоставим судить тому, кто один имеет право на это!

Охотники посторонились и стали около стены кабинета, направо и налево.

Дон Порфирио хлопнул два раза руками. По этому сигналу вдруг раздвинулась стена кабинета, открыв громадную залу, ярко освещенную и наполненную многочисленной толпой, часть которой выступила в кабинет и молча разместилась по сторонам комнаты. Зрелище, представившееся изумленным глазам платeadос, заставило бы их содрогнуться от ужаса, но у них сделался такой упадок сил, что они не могли дать себе отчета в том, что происходило перед ними.

В нескольких шагах от стола кабинета поставили на тумбу серебряную

курильницу, в которой горел слабый огонь, испуская сильный аромат своим синеватым пламенем.

Эта драгоценная курильница была та самая, которую Монтесума перед смертью передал своему родственнику Мистли Гуайтимотцину и которая заключала в себе священный огонь.

За тумбой неподвижно стояли пять стариков с длинными седыми бородами, падающими на грудь; немного впереди — два вооруженных воина, оба краснокожие индейцы, держали: один — тотем, или национальное знамя, а другой — кальямет, трубку мира, которая никогда не должна была касаться земли.

В глубине залы, облокотившись на свои ружья, выстроились сорок солдат, все храбрые воины.

Левее, около огня, поместились двадцать индейских сашемов; во главе их находился Ястреб.

Наконец, в центре возвышалась на трех ступенях огромная эстрада, вся покрытая дорогими мехами.

На этой эстраде стояло высокое кресло с гербами, на котором восседал человек в костюме мексиканских касиков, неслыханной роскоши.

Ему можно было дать пятьдесят четыре, самое большее — пятьдесят шесть лет. Длинные русые волосы с проседью падали ему на плечи. На открытом лбу виднелись глубокие морщины, глаза были полны жизни, лицо — замечательно правильного очертания, но необыкновенно бледное — носило отпечаток грусти. Горькая улыбка, скользившая по его губам, придавала ему выражение величественности и непреклонной воли.

Твердая Рука, дон Порфирио Сандос и другие отличившиеся воины, окружили у подножия эстрады эту таинственную личность.

Дон Мануэль де Линарес и его сообщник дон Бальдомеро де Карденас остановились у стола, загроможденного бумагами, опустив головы.

Гробовое молчание царило в зале, несмотря на такое многочисленное собрание.

Затем дон Порфирио взошел на эстраду и, нагнувшись к сидящему в кресле, прошептал ему несколько слов; потом занял опять свое прежнее место.

Незнакомец поднял голову.

— Мануэль де Линарес! — сказал он дрожащим голосом.

— Кто спрашивает меня? — отозвался тот, дрожа, как лист.

— Я! Разве ты не узнаешь меня? — спросил незнакомец. Дон Мануэль машинально приподнял голову.

— Граф де Кортес! — воскликнул он сдавленным от страха

голосом. — Боже! Неужели мертвые воскресают?! По его телу вдруг пробежала нервная дрожь, глаза бессмысленно заворочались, руки медленно поднялись потом точно сами собой скрестились, он повалился на колени и пробормотал нечеловеческим голосом:

— Пощадите, ваше высочество! Пощадите!..

— Тебе нет пощады! — строго возразил граф. — Изменников, убийц, воров и бандитов не щадят: каждому воздается по заслугам!

— Сжальтесь! Смилуйтесь! Пощадите! — бормотал негодяй, сам не понимая, чего просил.

— Сжалиться! — возмутился граф. — И ты смеешь произносить это слово! Слушайте же все, братья и друзья мои! Я должен все сказать, чтобы наконец произвести суд.

Граф встал и обведя всех открытым и гордым взглядом, продолжал:

— Я Педро Гусман Мистли Ксолотль, граф де Кортес Монтесума, гранд Испании, касик Сиболы, я — хранитель священного огня; потомок королей Чичимеков, единственный сашем, признанный индейскими народами, я созываю сегодня Большой совет Сиболы. Кто оспаривает это право и противится созыву?

— Никто! — воскликнули все присутствующие в один голос.

— Итак, я обвиняю перед советом этого человека, моего родственника, — продолжал граф, — как убийцу и вора!

— Мы подтверждаем! — сказали дон Порфирио и Твердая Рука, протягивая руки к священному огню.

— Я обвиняю этого второго человек, как его сообщника; был еще один, но тот сам учинил над собой расправу, только что покончив самоубийством.

— Мы подтверждаем! — повторили опять те же свидетели, но на этот раз к ним присоединились дон Торрибио, дон Руис и Пепе Ортис.

— А теперь, — продолжил граф, — слушайте, хранители священного огня! Слушайте, сашемы и воины, в чем я обвиняю дона Мануэля де Линареса, моего родственника!

Этот человек, двадцать лет тому назад вконец разорившийся вследствие разврата и мерзостей своей скандальной жизни, дошел до ужасающей нищеты. Все отворачивались от него с омерзением, он издыхал с голоду. Тогда, пожалев его, я протянул ему руку помощи; я даже сделал больше: принял его в свой дом, разделив с ним все пополам; как с родным братом!

— Это правда, — сказал дон Мануэль разбитым голосом, — я подлец, — неблагоприятная скотина, я забыл всякую честь и

признательность... и я раскаиваюсь. Господи, сжался надо мной!..
Пощадите меня!

— Трус! — сказал ему с презрением дон Бальдомеро. — Сумей хоть умереть-то!

— Поручив ему самое драгоценное из моих сокровищ, — продолжал граф, — моих детей, я уехал с асиенды, оставив его полновластным хозяином. И этот человек приготовил для меня западню, в которую я попался: он подослал ко мне убийц!

— Нет, нет, — воскликнул дон Мануэль, — я не искал вашей смерти, а только хотел...

— Уничтожить меня, не так ли?

— Мысль об убийстве исходила не от меня!

— К чему отпираться? — вмешался дон Бальдомеро с беспощадной иронией, — раз уже все выведено на чистую воду, то надо хотя бы умереть с достоинством! Выдержим до конца! Да, я был твоим орудием, дон Мануэль. Ты распорядился; я исполнял твою волю. Из-за кого я отравил бедную малютку Мерседес? Ведь это ты приказал, змея! А мальчика, которого ты велел задушить и затем бросить в бездну Прииска?! Помнишь, мерзавец, как ты укорял меня, когда я тебе сознался, что пожалел невинного ребенка, улыбавшегося мне так кротко, и не убил его, а продал одному испанскому капитану? Все ужасы и пакости исходили от тебя! А я сам, без твоих дьявольских внушений, разве я сделался бы тем, что из меня вышло? Взгляни в себя, чудовище; сознайся чистосердечно в своих преступлениях, но не моли пощады, которой ты не заслуживаешь! Наранха и я, мы оба негодяи, но все же мы лучше тебя. Мы спасли твою воспитанницу, несчастную Санту, которую ты велел придушить! Наранха взялся укрыть ее от тебя. Да, ты хуже тигра, ты трусливый и злющий шакал! Постыдись самого себя, мерзавец! — И подойдя к нему, дон Бальдомеро плюнул своему сообщнику в лицо.

Эта непредвиденная сцена между двумя сообщниками сильно взволновала всех. Дон Мануэль побагровел от такого невиданного оскорбления; его глаза испускали молнии, он сделал движение вперед, как бы желая наброситься на своего обвинителя, но вдруг зашатался и, упав в кресло, заплакал.

Дон Бальдомеро пожал плечами, смерив негодяя презрительным взглядом, потом отвернулся от него и, отойдя на несколько шагов, бросил ему напоследок одно слово: «трус», но таким тоном, которого невозможно передать.

— О да! Жалкий и презренный трус! — проговорил граф. — Но пора

кончить эту тяжелую сцену! И к чему было после всего продолжать еще проливать невинную кровь? Он обманул своего родственника и благодетеля, подло обокрав его! Само провидение предало его в руки человека, которого он хотел убить, и который судит его теперь! Мануэль, вот двести дней, как я издали слежку за тобой шаг за шагом, как я не выпускаю тебя из виду ни на одну секунду. Ты не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова без меня: я всегда был подле себя. Вспомни Лукаса Мендеса, старого слугу дона Торрибио де Ньебласа, которого ты подкупил с целью выведать секреты его господина, и который притворной преданностью залез в твою душу настолько, что ты, такой осторожный хитрец, такой пройдоха, ты безгранично верил ему и ничего не скрывал от него! Лукас Мендес, бедный жалкий старик, которого ты мог уничтожить одним мановением, — был я, жаждущий отомстить тебе!

— О, горе! горе мне! — простонал дон Мануэль.

— Да, горе тебе, негодяй! Ты пытался убить меня — а я сужу тебя. Ты хотел задушить моего сына, но он жив и ты знаешь его!

— Он жив?

— Да, он жив, и ты знаешь его! При первой встрече, он спас тебе жизнь! Ты сам чуть не узнал его на другой день после того, как он спас твою жену и воспитанницу от бешеных ягуаров!

— Что я слышу? Возможно ли? — воскликнул дон Торрибио, пораженный в самое сердце этим неожиданным открытием, и, бросаясь, как сумасшедший к эстраде. — Вы! Вы — мой отец?!

Граф, не менее взволнованный, принял его в свои объятия.

— Да, ты мой сын, мое дорогое дитя!

— Отец мой! — повторял молодой человек, рыдая на груди графа.

— Сознайся, негодяй, — начал опять старик, — сознайся, что пути Провидения справедливы и неисповедимы! Господу Богу было угодно, чтобы я, бродя в одном испанском порту, почти умирая с голоду, обратился к незнакомцу с мольбой дать мне возможность возвратиться в Мексику. Этот незнакомец был мой сын! Ни он, ни я не знали тогда этой тайны, и кто же мне открыл ее? Ты сам.

— Как, я? — прошептал бандит. — Неправда, никогда!

— Никогда, говоришь ты? Разве ты забыл, как мой сын, расставшись с тобой, чуть было не умер с горя, пораженный тем, что ты сообщил ему? Только чудо спасло его; во время долгой болезни, на асиенде дель-Пальмар, дон Порфирио, мой друг и брат, увидел на груди несчастного ребенка знаки, начертанные им самим острием кинжала.

— Я подтверждаю! — сказал дон Порфирио.

— О! — отчаянно зарыдал дон Мануэль. — О! Лучше смерть, чем такая пытка!

Счастье этих двух людей, которых он столько времени преследовал, приводило его в ярость.

— Смерть! — сказал граф. — О, нет! Ты не умрешь, ты должен жить и страдать, не надеясь найти утешение. Напрасно ты будешь призывать смерть — она долго не придет к тебе на помощь. Ты всегда был безжалостен к другим, пожинай же теперь то, что посеял! Ты любил во всем свете только двух существ: свою жену и сына!

— Что ж! — воскликнул он, предчувствуя удар. — Они в безопасности!

— Они убиты бандитами, которым ты поручил отвезти их в Мексику, убиты с целью завладеть их золотом и драгоценностями!

— Ты лжешь! О! Ты лжешь, граф, это неправда! Моя жена, мой сын!

— Оба убиты, повторяю тебе; их трупы, наполовину съеденные дикими зверями, найдены сегодня в саванне.

— А! Ты сам видишь, что лжешь! — закричал несчастный с ужасным смехом. — Разве это возможно? Напрасно стараться напугать меня, нет, нет, они не могли умереть!..

Граф сделал знак. Воины посторонились и пропустили индейцев с носилками, на которых лежали изуродованные трупы женщины и ребенка.

— Посмотри! — сказал граф. — И преклонись перед карой, которую тебе посылает Бог.

— Ах! — вскрикнул дон Мануэль в неопишемом ужасе. Он стремительно бросился к носилкам, на которые упал в рыданиях. Но тут произошло что-то странное, невообразимое. Несчастный вдруг выпрямился и поднял голову; его судорожное лицо приняло выражение безумия; изо рта показалась беловатая пена, и губы скривились в отвратительной улыбке. Он прижал к груди труп своего бедного ребенка и легким шагом направился к индейским сашемам, стоящим у возвышения. Раскланявшись с ними со странной развязностью, он сказал им:

— Вот видите, я не солгал! Вот сын графа Кортеса, моего родственника. Он поручил мне его, теперь же я отдаю его вам; он не умер, он спит, не будите его. Я вам покажу также и дочь его, она здесь. Берегите эти дорогие создания от всего дурного. Лишить отца его детей! Это ужасно! Не будите же их, они спят!.. Кто смел обвинить меня в их убийстве?

С трупом, прижатым к груди, он повалился в страшном припадке.

Ум и душа негодяя, расслабленные постоянными угрызениями и

страхом, не смогли вынести этого последнего удара: он сошел с ума.

Свидетели этой сцены похолодели от ужаса.

— Отец мой, — обратился дон Торрибио с просьбой, — Бог оказался строже вас к этому чудовищу, послав ему такое возмездие. Теперь он возбуждает жалость.

— Бог справедлив! — ответил граф и, подойдя к негодяю, который катался по полу с диким ревом, сказал ему:

— Несмотря на все зло, которое ты сделал мне, Мануэль, несмотря на все, что я выстрадал из-за тебя, я не могу ненавидеть тебя, видя, какая кара тебя постигла. От всего сердца я прощаю тебе, Мануэль, мою убитую дочь, мою разбитую жизнь, мое потерянное счастье и молю Господа Бога сжалиться над тобой.

— О! Отец! — воскликнул дон Торрибио, бросаясь к нему в объятия. — Теперь мы вместе и будем счастливы!

Граф крепко прижал своего сына к груди и, подняв к небу глаза, полные слез, воскликнул в радостной надежде:

— О Боже! Неужели для меня счастье еще возможно?

К утру гроза успокоилась. Из-за горизонта выглянуло солнце среди пурпурных и золотистых облаков и осветило своими лучами группу отца и сына.

Месяц спустя в соборе Уреса происходило два бракосочетания: свадьба дона Торрибио де Кортеса с доньей Сантой дель Портильо и дона Руиса Торрильяса де Торре Асула с доньей Хесус Сандос.

Многочисленные друзья из всех классов общества Соноры составляли свиту новобрачных.

Город веселился целую неделю. Пепе Ортис, прельщенный шаловливым характером прелестной Лольи Неры, просил ее руки, на что она с радостью согласилась.

Дон Мануэль, перевезенный в дом умалишенных, умер через несколько месяцев, не придя в сознание; в последнее время его помешательство перешло в буйное сумасшествие.

По усиленной просьбе своего отца, которому он ни чем не мог отказать, граф Кортес помиловал дону Бальдомеро де Карденаса и даже снабдил его деньгами на путешествие в Соединенные Штаты.

Но этот завзятый мошенник недолго наслаждался жизнью после великодушного прощения графа: по возвращении в Мексику он был убит в ссоре из-за карточной игры, когда выходил поздней ночью из кабака, пользовавшегося дурной репутацией.

Дону Порфирио удалось окончательно уничтожить платeadос; но их вскоре заменили новые шайки, еще лучше организованные, а потому более опасные.

Мексика разделяет с Италией своеобразную привилегию: ни та, ни другая не могут обойтись без бандитов. Хотя в Италии они начинают понемногу исчезать, но зато в Мексике процветают более, чем когда-либо.

Говорят, что это зависит от исключительного ее устройства.

Верно это или нет — предоставляем решить столь важный вопрос более сведущим людям.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Клянусь святыми мощами! (исп.)

2

Боже мой! (исп.)

3

Реал — мелкая испанская монета.

4

Алькальд-майор — главный городской судья.

5

Тысяча молний! (исп.)

Друидический памятник. — Примеч. перев.

Виуэла, харана — виды мексиканских гитар.

Монте — мексиканская карточная игра.

Доброй ночи (исп.).

Нинья — малышка, ласковое обращение к девушке.

Слава Богу! (исп.)

12

Сувенир (исп.).

Дорогая! (исп.)

Всегда твоя! (исп.)

Сантьяго, защитим Родину! (исп.).

«Сантьяго!» — боевой клич испанцев.

Святая свобода! (исп.)

Ни золота, ни серебра! (исп.)

Без обмана! (исп.)